Д.А. Пашенцев
А.Г. Чернявский

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

SCIence
RU-SCIENCE.COM

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В монографии из серии «Научная школа: Функции права и проблемы их реализации в правовой системе России» исследованы современные подходы к пониманию социальных оснований гражданско-правовой ответственности.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов в области современного гражданского права.

- Дмитрий Алексеевич, Александр Чернявский
  -
  - Введение
  - Глава 1
    - 1.1. Познавательные ресурсы современной юридической методологии в контексте гражданско-правовой ответственности
    - 1.2. Современные подходы к пониманию социальных оснований права
    - 1.3. Принцип справедливости и его воплощение в гражданско-правовой ответственности
  - Глава 2
    - 2.1. Современные подходы к пониманию юридической ответственности
    - 2.2. Гражданско-правовая ответственность как вид юридической ответственности
    - 2.3. Особенности гражданско-правовой ответственности
    - 2.4. Становление современной концепции гражданско– правовой ответственности
    - 2.5. Проблемы позитивной ответственности
  - Глава 3
    - 3.1. Правонарушение как основание гражданско-правовой ответственности
    - 3.2. Вред как условие гражданско-правовой ответственности
  - Глава 4
    - 4.1. Социальное значение вины в гражданских правоотношениях
    - 4.2. Особенности и социальная природа вины юридического лица
  - Глава 5
    - 5.1. Умышленная форма вины в гражданском праве

- 5.2. Неосторожная форма вины в гражданском праве
- 5.3. Критерии неосторожной вины и их социальное значение

- Заключение
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125

- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169

- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213

- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257

- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301

- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305

Дмитрий Алексеевич, Александр Чернявский
Социальные основания гражданско-правовой ответственности: монография

Московский институт государственного управления и права

Монография подготовлена с использованием информационной системы «КонсультантПлюс».

Рецензенты:

Т.Н. Радько, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой теории государства и права Московской государственной юридической академии,

Л.Б. Ситдикова, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой гражданского права и процесса Российского государственного социального университета

Введение

В современных условиях значение гражданского права в России закономерно возрастает. Это определяется, прежде всего, той важной ролью, которую играет гражданское право для формирования сущностных предпосылок и институциональных элементов гражданского общества. Как верно отмечает С. А. Иванова, именно в частном праве государство дает определенную свободу субъектам, предоставляет им возможность действовать автономно, признает имущественную обособленность и равенство субъектов[1]. Частное право, основу которого составляет право гражданское, регулирует отношения между физическими и юридическими лицами как равноправными субъектами, обладающими свободной волей, и тем самым способствует формированию системы общественных связей, необходимых для складывания полноценного гражданского общества.

Социальным основанием правового регулирования выступает общественная потребность в таком регулировании. Социальным основанием гражданско-правовой ответственности выступает общественная потребность в существовании механизмов принудительного разрешения гражданско-правовых споров и защиты прав добросовестного собственника имущества, добросовестного участника гражданского оборота и экономических отношений.

Существуют различные механизмы, направленные на реализацию этой общественной потребности. Например, некоторые авторы пишут о том, что важным элементом механизма защиты прав участников экономических отношений и гражданского оборота выступает нотариат. Но нотариат при всем уважении к этому полезному и даже необходимому институту не может решить всех проблем в экономической сфере, удовлетворить всех потребностей в защите прав участников экономической деятельности. Что касается гражданско-правовой ответственности, то она выступает универсальным средством, позволяющим стабилизировать гражданский оборот, защитить законные права и интересы его участников, обеспечить компенсацию причиненного незаконными действиями ущерба.

Гражданско-правовая ответственность выступает ключевым звеном целостного компенсаторного механизма, без которого не может существовать и полноценно развиваться человеческое общество. Любой социум, в основе экономического развития которого лежит право частной собственности, заинтересовано в существовании и эффективном действии гражданско-правовой

ответственности. И если уголовная и административная ответственность направлены, в первую очередь, на поддержание необходимого правопорядка, то есть на стабилизацию существующих отношений, то гражданско-правовая ответственность обеспечивает общественное развитие, движение вперед, причем не только в экономическом смысле.

Стоит согласиться с позицией Г.В. Мальцева, что «правовое регулирование экономических отношений было и остается непременной задачей общества и государства как выразителя всеобщих интересов граждан, организации публичной власти, представляющей все общество, а не отдельную ее часть или части»[2]. Гражданско-правовая ответственность – это часть такого механизма, и в этом отношении в ее существовании заинтересованы самые широкие слои общества.

Рассматривая социальные основания гражданско-правовой ответственности, представляется возможным поставить следующие основополагающие вопросы: какой слой общества (класс, страта) заинтересован в существовании гражданско-правовой ответственности именно в таком виде, какие социальные интересы защищает гражданско-правовая ответственность?

Глава 1
Теоретико-методологические основы исследования гражданско-правовой ответственности

1.1. Познавательные ресурсы современной юридической методологии в контексте гражданско-правовой ответственности

Исследование любых правовых проблем и вопросов может быть перспективным и рассчитывать на получение новых научных результатов, если оно опирается на понимание и применение новой научной методологии.

Современный этап развития отечественной юридической науки характеризуется активным поиском новых методологических подходов, которые могли бы соответствовать стоящим перед юриспруденцией задачам и способствовать преодолению кризиса, в котором она находится. Для этого этапа характерен методологический плюрализм, который предоставляет исследователю богатейшие и разнообразные возможности в выборе методов исследования. Особенно активно работают в данном направлении представители теории государства и права, которые в попытках преодолеть прочно укоренившийся в советский период диалектический и исторический материализм обращаются к социологическому, либертарному, интегративному и иным типам правопонимания.

Период господства марксизма в общественных науках отучил нас от нешаблонности, многовариантности мышления. Диалектический и исторический материализм в обязательном порядке подразумевали партийность и классовую оценку всех явлений и событий. Такой подход «резко сужал кругозор в правовых исследованиях, лишал ученого способности объективно подходить к явлениям общественной жизни, снижал интеллектуальные способности»[3]. Главным аргументом в научном споре стала ссылка на авторитеты, которым изначально приписывалась непогрешимость. Экономика и экономические интересы господствующих классов ставились во главу угла, а неэкономические факторы при всей их значимости отодвигались на второй план. Как справедливо писал А. А. Любищев, «Из справедливой оценки экономики как очень важного условия… получилась переоценка экономики уже не как важного и необходимого, а как ведущего фактора прогрессивной эволюции общества»[4].

Материалистическая методология и марксизм как крайнее ее выражение стали высшей точкой развития науки эпохи модерна, которая берет свои истоки в событиях периода Великой Французской революции. Изменения, которые в последующем

произошли в видении научной картины мира и, главное, в отношении к ней современных ученых, позволяют поставить вопрос об ограниченности всякого детерминизма, о новых подходах к взаимоотношению порядка и хаоса, подвергнуть сомнению саму идею постоянного прогресса.

В современных условиях мы наблюдаем переход от классической к постклассической науке. Научная картина мира меняется, привычные представления подвергаются обоснованным сомнениям. Во многом такой переход обусловлен успехами физики и других точных наук, что закономерно влечет за собой и появление новых концепций в рамках социально-гуманитарного знания. На смену прежним принципам и критериям научного знания, таким, как детерминизм, объективность, универсальность, истинность, приходят плюрализм точек зрения, признание ненаучного компонента (мифы и стереотипы), антропоцентризм и связанная с ним относительность[5].

Изменения, которые произошли в видении научной картины мира и, главное, в отношении к ней современных ученых, позволяют поставить вопрос об ограниченности всякого детерминизма, о новых подходах к взаимоотношению порядка и хаоса, подвергнуть сомнению саму идею постоянного прогресса. «Старое представление о том, что наука развивается путем накопления все большего количества «абсолютных истин в последней инстанции» сменяется новым: наука развивается путем смены системы постулатов, причем при этом нередко возвращается к тем положениям, которые были раньше как бы окончательно отвергнуты»[6]. Сегодня многомерная научная картина мира все больше не укладывается в рамки одномерного, узконаправленного материалистического подхода. На смену господствовавшей долгое время точке зрения о безальтернативности общественного развития приходит представление о его многовариантности.

Как отмечает И.Л. Честнов, в качестве принципов постклассической юридической картины мира выступают многомерность права, сконструированность правовой реальности, релятивизм и неопределенность[7].

Характеризуя постклассическую юриспруденцию, цитируемый автор называет следующие признаки постклассического правопонимания: антидогматизм, конструктивизм, контекстуализм, интерсубъективизм правовых явлений и процессов[8].

Постклассическая наука предлагает юриспруденции целый ряд методов, одним из которых выступает конструктивизм. Как полагает И.Л. Честнов, конструктивизм «выступает как

эпистемологической парадигмой, общеметодологическим ориентиром, так и конкретной научно-исследовательской программой, «работающей» на уровне конкретного исследования»[9]. При этом сторонники конструктивизма полагают, что наука, вопреки общепринятому мнению, не открывает явления, существовавшие и до акта их описания и измерения, а именно создает, конструирует их описанием и измерением.

Важным элементом современной научной картины мира выступает антропоцентризм, который ярко проявляется и в праве. Как полагает И.Л. Чест-нов, в нынешних условиях «субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире – как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность»[10]. Соглашаясь с данной позицией, Е.М. Крупеня отмечает, что индивид как человек, личность и гражданин «является созидателем всего политико-правового опыта»[11].

С позиций данного подхода, нельзя рассматривать любые аспекты права, исключая из этого процесса его субъекта как центральное звено правовой системы, как основную движущую силу права, включая как правотворчество, так и правоприменение.

Стоит отметить, что современная постклассическая наука не отрицает наличия у концептуализированных научных знаний социальных основ, обусловленность научного знания широким социокультурным контекстом[12].

Одним из широко распространенных и влиятельных научных направлений, особенно в западных странах, выступает социологическая юриспруденция. Ее сторонники понимают под правом не нормы, а правоотношения, то есть нормы в действии.

Разработанная немецким правоведом О. Эрлихом концепция «живого права» утверждает, что настоящим, живым правом являются только те нормы, которые реально действуют и регулируют общественные отношения. Нормы, которые ни разу не применялись, нельзя считать подлинным правом. Но и простой реализации норм правоприменителями недостаточно. «Принятие закона и даже его исполнение органами государственной власти еще не означает, что этот акт стал «живым» правом»[13]. Необходимо, чтобы норма получила распространение в массовом поведении населения, не избегающего этой нормы, воспроизводящего ее своими действиями.

По нашему мнению, сама постановка вопроса об изучении социальных оснований гражданско-правовой ответственности

просто подталкивает исследователей к пониманию целесообразности использования методологии социологической юриспруденции. Именно этот набор методов позволяет определить взаимосвязь правовых норм и общественных интересов.

Антропоцентризм, выступающий составной частью постклассической методологии и разрабатываемый в контексте социологического типа правопонимания, ориентирует нас на то, что реализация правовых норм происходит не сама по себе. Правовые предписания воплощаются только в конкретных действиях конкретного субъекта. Все формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование, применение – это действия субъектов права, в последнем случае наделенных особыми полномочиями.

Необходимо учитывать, что деятельность субъекта права в контексте развития социальных процессов зависит от целой совокупности факторов, в том числе и психологического характера. Как справедливо отмечает член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев, «социальная эволюция, развитие индивидов и сообществ людей определяются в значительной мере биологическими и психическими детерминантами, которые проявляют себя как под контролем человеческого сознания, так и в обход его, образуют параллельные либо пересекающиеся линии регуляции индивидуального и коллективного поведения»[14].

Субъекты права действуют не сами по себе. Они выступают представителями определенных социальных групп, иногда достаточно больших, которые именуются классами, иногда более мелких и дробных, получивших название страт. Действиями субъекта права руководит определенный личный интерес, который вполне укладывается в совокупность интересов какой-либо части общества. В этом контексте можно утверждать, что каждый правовой институт, понимаемый не только как совокупность норм, но и как повседневная практика их реализации, в той или иной степени соответствует определенным социальным интересам.

В данном контексте представляет несомненный интерес позиция дореволюционного правоведа, одного из основоположников российской социологической школы права С. А. Муромцева. В своих трудах он поставил вопрос о социальной ценности права, его назначении в обществе. В его концепции реализация субъектом права своих субъективных прав – не самоцель, а способ обретения определенных социальных благ.

В результате возникает диалектическое противоречие между интересами отдельных субъектов права, но на пути преодоления

данного противоречия множество индивидуальных интересов, как сходных, так и противоположных, сливается в единый интерес социальной группы. Защищая субъективные права, присущие индивидам, право тем самым защищает и социальные интересы.

Будучи типичным (и при этом выдающимся) представителем социологической юриспруденции, С.А. Муромцев рассматривал гражданское право как социальное отношение, а предмет гражданского правоведения определял как совокупность гражданско-правовых отношений и гражданско-правовых порядков, существующих в действительности[15].

Социальные отношения нуждаются в юридической защите; средством такой защиты выступает институт гражданско-правовой ответственности. Насколько эффективно справляется он со своими обязанностями, зависит от целого ряда факторов, в том числе, насколько существующая модель гражданско-правовой ответственности соответствует сложившимся в обществе представлениям и ценностям.

1.2. Современные подходы к пониманию социальных оснований права

Рассматривая вопрос о социальных основаниях гражданско-правовой ответственности, необходимо отметить, что гражданско-правовая ответственность есть одна из форм проявления права, она является производной от права и представляет собой выражение целого ряда его сущностных признаков. Гражданско-правовой ответственности, как и юридической ответственности в целом, присущи все те черты, которые свойственны праву и которые отличают его от иных социальных норм. В связи с этим, анализу социальных оснований гражданско-правовой ответственности должно предшествовать исследование социальных оснований права, в целом, или, по крайней мере, основных существующих в науке подходов, позволяющих с разных сторон осмысливать эти основания.

Прежде всего, отметим, что у права существует целая группа базовых, фундаментальных оснований: экономических, политических, нравственных, культурных, религиозных и, наконец, социальных. Все они влияют на сущность права и определяют его содержание. В то же время, основания права лежат вне его, они являются внешними факторами по отношению к праву, что не снижает их значимости, но ставит на границу между собственно правом и «неправом». Эти факторы оказывают значимое влияние на правообразование, но сами при этом к праву не относятся. По этому поводу уместно привести слова С. С. Алексеева, сказанные, правда, по несколько иному поводу – про естественное право – но вполне применимые и к социальным основаниям права как внешним по отношению к праву факторам: «таким путем оказывается возможным выйти из замкнутого круга одних лишь юридических явлений… и **увидеть основы**, точнее, быть может, **предосновы права**. Причем такие основы или предосновы, которые действительно имеют для законов, правосудия, всех юридических явлений определяющее, базисное значение»[16].

Вопрос об основаниях права всегда волновал передовых ученых-правоведов, которые с его помощью пытались решить вопрос о сущности права. При этом многие из них справедливо указывали на недопустимость подмены одного понятия другим, смешения оснований права и самого права. Например, Е.Н. Трубецкой писал, что «возникновение норм права всегда вызывается каким-либо интересом, так что интерес, несомненно,

служит могущественным фактором правоообразования. Но отсюда отнюдь не следует, что каждая норма права была тождественна с интересом, ее вызвавшим, чтобы интерес составлял самое содержание права»[17]. Разграничение между социальными основаниями прав и самими правом, между основаниями гражданско-правовой ответственности и самой ответственностью можно рассматривать как одну из важных методологических предпосылок нашего исследования.

Важной проблемой представляется соотношение материальных и духовных факторов, влияющих на право. У ученых на этот счет существуют различные позиции, которые, в целом, сводятся к дуализму материального и идеального. Дух или материя – вот вопрос, с древних времен волновавший философов, а за ними и представителей других наук, включая юриспруденцию. Например, для Гегеля право – это прежде всего, дух, воплощенный в воле[18]. Для К. Маркса содержание права определяется материальными условиями жизни господствующего класса, но при этом проявляется право все в той же воле, возведенной в закон[19]. То есть и для идеалиста Гегеля, и для материалиста Маркса право, в конечном счете, сводится к воле, но вот основания возникновения и проявления этой воли них разные.

Для человека верующего, а таких на земле большинство, очевидно, что онтологически право исходит от Бога. Будучи первопричиной всего, Бог является и первоисточником права. Но это нисколько не исключает, что, развиваясь на основе заложенных в мироздание Божественных законов, право испытывает воздействие всего многообразия возможных факторов, существенным образом влияющих на него. И если Божественная воля может рассматриваться как исходное, онтологическое основание права, то имеются и иные основания, влияющие на процесс правообразования.

Исследование таких оснований играет не только важную теоретическую, но и несомненную практическую роль. Правовой нигилизм, о котором говорится с самых высоких трибун, неэффективность правоприменения, низкое качество законодательства – решение всех этих проблем лежит именно в социальных основаниях права. Важно установить, насколько законодатель опирается на существующие приоритеты общественного спроса в тот или иной период времени, насколько он при принятии норм, регулирующих общественные отношения, опирается на мнение и запросы самих субъектов этих отношений; интересам каких социальных групп, страт, слоев отдает приоритет законодатель и правоприменитель.

Существует определенный социальный заказ на право, и он реализуется в рамках общественного договора. Общество признает правительство, подчиняется ему, но взамен ожидает от него определенных действий, соответствующих интересам общества, в том числе, установления четких и понятных правил поведения, системы норм, регулирующей общественные отношения. Соответствие правовых норм общественным запросам является одним из необходимых условий признания легитимности власти.

Нормы права не могут одновременно удовлетворять запросам всех членов общества. Как отмечал Е.Н. Трубецкой, нет «такой правовой нормы, которая бы действительно выражала общую волю всех членов данного народа»[20]. В связи с этим, в юридической науке XIX века стала активно разрабатываться категория «интересов».

Германский правовед Р. Иеринг обосновал понимание права как юридически защищенного интереса. Результатом его работ стало повышенное внимание юристов к категории «интерес», формирование понимания многообразной роли интересов в праве как стимулов и мотивов борьбы за право, элемента законотворческой деятельности и целей объективного права, как сущности субъективного права и объекта правовой защиты»[21]. В результате возникла юриспруденция интересов, в которой потребности, интересы и цели рассматривались как мотивы и стимулы волевой и сознательной деятельности человека по созданию правовых норм.

Российский правовед Н.М. Коркунов разработал теорию разграничения интересов. По его мнению, столкновение интересов приводит к необходимости их согласования и разграничения, чем и занимается право.

По мнению Г. Спенсера, интересы обусловлены потребностями. Ученый всю социальную деятельность рассматривал как суммарный результат потребностей, а правотворческую деятельность – как способ отражения социальной реальности, направленный на удовлетворение потребностей[22].

К. Маркс и Ф. Энгельс, а также их многочисленные последователи, рассматривали право как выражение воли экономически господствующего класса. Влияние интересов правящего класса на право отрицать невозможно, но не стоит и преувеличивать, так же как не стоит сводить все движущие факторы развития общества только к экономике. Если право будет отражать только интересы экономически господствующего класса, общество погрязнет в классовых войнах и внутренних

противоречиях. Поэтому роль права состоит в данном случае в том, чтобы находить и отстаивать социальный компромисс, сглаживать социальные конфликты, уравновешивать в какой-то мере разнонаправленные интересы. Мы солидарны с позицией Н.М. Марченко, который пишет: «В любом обществе наряду с защитой интересов стоящих у власти классов и слоев право самопроизвольно, естественно или вынуждено отражает интересы всего общества. В нем неизменно сочетаются групповые интересы с общесоциальными, классовые с общечеловеческими. Степень такого соответствия не всегда одинакова. Но она существует… Оно (право – авт.) является порождением и результатом естественного развития всего общества»[23].

Наличие в обществе противоречивых интересов определяет необходимость в существовании права, которое выступает средством урегулирования социальных конфликтов, средством примирения противоположных интересов. Можно сказать, что наличие противоположных интересов выступает непременным условием существования права. Полная гармонизация интересов представляется нереальной, она гипотетически возможна только в условиях коммунистического общества, когда не станет и права. Но в реальной жизни противоречия интересов будут всегда, следовательно, без права человечеству не обойтись.

Противоречивость интересов представляет собой сложный феномен социальной реальности, который имеет множество самых разнообразных проявлений. Интересы различаются по предмету, степени выраженности, формам и интенсивности реализации. Конфликт интересов может принимать и противоправные формы[24]. В свою очередь, блокирование противоправного поведения осуществляется с помощью юридической ответственности.

Устанавливая меры и условия юридической ответственности, законодатель может поддерживать одни интересы и блокировать другие, а также минимизировать противоправное проявление конфликта интересов.

Юридическая ответственность оказывает воздействие и на права и обязанности личности. Конституционные нормы, которые закрепляют основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, могут вполне оказаться простой декларацией, никем не соблюдаемой формальностью, если в рамках охранительной функции права на их защиту не встанет институт юридической ответственности.

Рассматривая право через призму понятия «интерес», мы не можем не обратить внимания не его (права) социальную сущность. «Социальность права, – пишет А.В. Кузьмина, –

проявляется и в том, что в его структуре в той или иной мере представлены, выражены экономические, властно-политические, духовно-идеологические и собственно юридические интересы различных субъектов»[25].

Динамика социального содержания права показана О.Э. Лейстом, который писал: «Социальное содержание права меняется в процессе развития общества. Оно состоит в определении правовой структуры общества, привилегий или повинностей различных сословий либо в утверждении всеобщего равенства перед законом, в закреплении различных форм собственности, в охране и регулировании семейных, хозяйственных, корпоративных, коммерческих, производственных, религиозных, политических и других общественных отношений»[26]. Он подчеркивал, что социальное содержание права весьма изменчиво.

Следует отметить, что О.Э. Лейст рассматривает только одну сторону социального содержания права – его воздействие на общественные отношения. Но есть и вторая сторона – воздействие общественных отношений на право. Оно проявляется, в первую очередь, через лоббирование социальных интересов, через повседневную практику реализации тех или иных правовых норм в поведении субъектов права.

Рассматривая юридические интересы в праве, А.В. Кузьмина выделяет достаточно большое их количество. При этом некоторые из них имеют непосредственное отношение к социальным основаниям гражданско-правовой ответственности, например, интересы соблюдения принципа социальной справедливости при реализации права; интересы правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации; интересы правовой защиты собственности; интересы правового обеспечения возмещения убытков и исполнения обязательств[27]. Реализация и защита данных и некоторых иных интересов с помощью механизмов гражданско-правовой ответственности составляет сущность ее социальных оснований.

Большое значение интересу в контексте социальных оснований права придавал и Г.В. Мальцев. Он писал, что каждый субъект заинтересован в том, чтобы интерес, аналогичный его собственному, прошел правовую институализацию, был опосредован в правовой норме, снабжен гарантиями и средствами правовой защиты[28]. Правовая норма, по мнению цитируемого автора, «интегрирует социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недостающий им *элемент всеобщности*…»[29].

Право может снимать препятствия на пути реализации

социальных интересов, и именно в этом проявляется его социальная сущность.

1.3. Принцип справедливости и его воплощение в гражданско-правовой ответственности

Одной из важных и дискуссионных проблем гражданского права, непосредственно связанных с его социальным содержанием, является проблема справедливости. Ее решение осложняется, прежде всего, отсутствием в современной доктрине единой концепции справедливости в праве, а также наличием разных подходов применительно к существованию самого принципа справедливости в гражданском праве.

Люди всегда ждут от права справедливости. Можно сказать, что жажда справедливости представляет собой важнейший социальный интерес, объединяющий социум и делающий его способным на серьезные, порой радикальные действия. При этом само понятие справедливости применительно к той или иной конкретной ситуации для разных социальных групп может существенно различаться.

Как отмечает А.И. Экимов, «невозможно отрицать роль интересов и представлений о справедливости в развитии права. Они определяют, в конечном счете, содержание любого права. Видимая сторона права – это притязания, требования, правила и т. п. А скрытая сторона – интересы и представления о справедливости, которые только и могут объяснить, почему право такое, а не другое»[30].

Гражданское право по своей сущности направлено на восстановление справедливости в имущественных и личных неимущественных отношениях, и в этом проявляется его социальная сущность. В то же время, в условиях господствующего в России позитивного правопонимания справедливость часто отделяют от права, относя ее в сферу нравственности или даже религии[31].

С древних времен справедливость была неотделима от права. Как отмечал О.Э. Лейст, «справедливость считается основной и общей для морали и права категорией»[32]. В пользу такой позиции говорит анализ римского частного права. «В области частного права принцип справедливости долго понимался юристами чисто эмпирически и практически, как стремление идти навстречу нарождавшимся требованиям морали и справедливости»[33]. Название древнейшего письменного источника отечественного права – «Русская правда» – также говорит о том, что право понималось как «правда», то есть, по

сути, справедливость.

Важную роль принцип справедливости играет в мусульманском праве: «Справедливость является стержнем мусульманского права, определяющим его сущность и содержание. Речь идет о постоянно действующем принципе, который придает мусульманскому праву свойство универсального регулятора общественных отношений. В качестве императивного принципа справедливость гарантирует в рамках дозволенного и запретного свободу и равенство, а значит – обеспечивает безопасность и стабильность общества. Одновременно принцип справедливости обеспечивает реализацию прав человека и закрепляет соразмерную ответственность за нарушение норм права»[34].

По мнению Д.Ллойда, для формальной справедливости применительно к праву характерны три признака: наличие правил и норм, их общий характер, беспристрастность и объективность применения[35].

В современной доктрине дискуссии о справедливости продолжаются. В связи с этим, представляет интерес позиция И.Л. Честнова, который рассматривает справедливость с точки зрения постклассической юриспруденции и приходит к выводу, что «справедливость в праве с позиций постклассической парадигмы – это конструирование легитимности юридических норм и институтов через формирование социальной (правовой) идентичности, в которой легитимность приобретает формальную определенность»[36].

О.А. Папкова пишет о возможности поиска «определения справедливости как исторически обусловленного измерения социального факта, представляющего собой форму истинного соотношения меры свободы и равенства в человеческих отношениях»[37].

При таком подходе становится очевидно, что справедливость контекстуальна, что нет и не может быть единого, общего для всех субъектов и всех правовых коллизий понимания справедливости. В определенной степени это согласуется с концепцией Аристотеля, который делил справедливость на распределяющую (всем поровну) и уравнивающую (каждому свое). Сегодня распределяющей справедливости соответствует идея социального государства, а уравнивающую справедливость берет на вооружение идея правового государства, что позволяет говорить о некотором противоречии между этими двумя понятиями.

Рассматривая место принципа справедливости в системе принципов гражданского права, необходимо уточнить, что

принципы – это основные и наиболее общие положения, которые определяют сущность и назначение права и служат его фундаментом. Принципы права должны быть общепризнанны, поэтому они, как правило, получают закрепление в действующем законодательстве.

Значение принципов права проявляется в том, что они позволяют обеспечивать диалектическое единство объективного и субъективного права, раскрыть и проявить сущность права[38]. Помимо этого, принципы права устанавливают «системообразующие связи с иными социальными регуляторами (мораль, религия, политика)»[39].

В современной теории государства и права принято делить принципы права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые.

П. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Исходя из этого, в современной отечественной литературе, прежде всего, учебной, принято выделять шесть принципов гражданского права: принцип дозволительной направленности гражданско-правового регулирования, принцип равенства правового режима для всех субъектов гражданского права, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, принцип неприкосновенности собственности, принцип свободы договора, принцип свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации[40].

Принцип справедливости в рассматриваемой статье отсутствует. Из этого следует, что данный принцип следует отнести к числу общеправовых принципов, согласиться с тем, что справедливость как категория относится к праву, в целом, а не к его отдельным отраслям, имеет фундаментальное значение.

Необходимо отметить, что о справедливости все-таки говорится в Гражданском кодексе, но в ином контексте – как о «требовании»: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» (п.2 ст.6 ГК РФ).

Так как Гражданский кодекс не употребляет понятия

«принципы», то, по нашему мнению, логично считать принципами и «основные начала» гражданского права, и его «требования». В этом случае, список принципов гражданского права можно дополнить еще тремя: принципами добросовестности, разумности и справедливости. В связи с этим, предлагаем рассматривать принцип справедливости в двух ипостасях: как общеправовой принцип и как принцип гражданского права. При этом последнее не означает, что мы отказываем принципу справедливости в праве выступать в качестве принципа в иных отраслях права, например, в семейном праве, в гражданско-процессуальном праве и т. д.

С. А. Иванова, посвятившая целый ряд работ исследованию принципа справедливости в гражданском праве, также говорит о нем и как отраслевом, и как общеправовом. Но, рассматривая данный принцип как общеправовой, данный автор пишет не просто о справедливости, но о «социальной справедливости»[41]. По нашему мнению, понятие социальной справедливости подразумевает, прежде всего, отношения публично-правового характера, связанные с перераспределением собственности в пользу социально незащищенных слоев населения. Это уравнивающая справедливость, а для частного права, к которому относится и право гражданское, больше характерна распределяющая справедливость, позволяющая учитывать и поощрять вклад каждого в развитие экономики, предпринимательскую активность субъектов. Поэтому применительно к гражданскому праву более оправдано говорить не о социальной справедливости, а просто о справедливости.

В определенной степени, аналогичную позицию высказывает в своих более поздних работах и С.А. Иванова, которая пишет о принципе справедливости в гражданском праве[42].

По мнению Д.Б. Абушенко, в качестве примера гражданско-правовой нормы, основанной на принципе справедливости, можно привести норму п.1 ст. 404 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника. Суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению».

Можно согласиться с Д.Б. Абушенко, который полагает, что в случае применения данной нормы суд определяет, насколько уменьшится вина должника, исходя исключительно из принципа справедливости, а вовсе не из разумности или

целесообразности[43].

С точки зрения современной социологической юриспруденции, любая норма может называться правом только тогда, когда она применяется в конкретных правоотношениях, когда суды используют ее при вынесении решений. Это имеет прямое отношение к принципу справедливости. Как писал известный цивилист И.А. Покровский, закон, в целом вполне справедливый, может в силу тех или иных условий оказаться для данного конкретного случая несправедливым. Как бы совершенен он ни был в момент своего издания, с течением времени, при изменившихся обстоятельствах закон может вообще превратиться в полную несправедливость[44]. И в этом случае исходить из принципа справедливости должен применяющий данный закон судья. Недаром Аристотель для судей выделял третий вид справедливости – справедливость исправляющую. Об этом же пишет и известный западный правовед Р.Дворкин, отмечая, что если законодатели руководствуются, главным образом, политическими целями, то судьи руководствуются требованиями справедливости, добросовестности и морали[45].

Справедливость в применении норм гражданского права может рассматриваться, с одной стороны, как равный подход в решении дел, с другой стороны, как индивидуальный подход, учет конкретных обстоятельств. По мнению Г. Харта, «Идея справедливости в ее простейшей форме (справедливость в правоприменении) требует, чтобы в аналогичных случаях применялась одна и та же общая норма»[46].

В практике работы высших судебных органов Российской Федерации встречаются апеллирования к принципу справедливости. В качестве примера приведем Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2000 г. № КАС 00-398. Рассматривая гражданское дело по жалобе Андрианова С.Б. на абзац 1 п. 11 и абзац 2 п. 27 Инструкции о порядке взимания и учета страховых взносов (платежей) на обязательное медицинское страхование, утвержденной Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 11 октября 1993 г., коллегия Верховного Суда указала, что освобождение самозанятых граждан от уплаты страховых взносов означало бы переложение бремени участия в образовании фондов обязательного медицинского страхования на другие категории граждан, что противоречило бы конституционным принципам справедливости и недопустимости такого осуществления прав и свобод, которым нарушаются права и свободы других лиц[47].

В этом Определении принцип справедливости назван конституционным принципом, при этом Коллегия Верховного

Суда сослалась на Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П. В данном Постановлении Конституционный Суд несколько раз упомянул про принцип справедливости, назвав его конституционным[48].

По мнению С. А. Ивановой, которая подробно проанализировала практику Верховного Суда РФ, в России выработалась достаточно стабильная практика обращения высшей судебной инстанции к понятию справедливости. Как полагает данный автор, использование Верховным Судом РФ понятия справедливости при вынесении судебных решений представляет собой позитивный пример для судов нижестоящих инстанций, которые также все чаще обращаются к принципу справедливости[49].

Интересный подход к справедливости представлен В.П. Малаховым. По его мнению, основы теории справедливости составляют следующие концептуальные идеи:

1) справедливость характеризует право в его подлинности;

2) право, опирающееся на стремление к справедливости, наиболее действенно,

3) справедливость есть содержание права,

4) справедливость – цель действия права, а законность и правомерность – лишь формы выражения справедливости;

5) справедливость является главным стимулом активности и правопослушания человека, условием его готовности к солидарности[50].

По мнению цитируемого автора, справедливость – не правовой феномен. В то же время, назначение справедливости – направлять право.

Рассмотрение принципа справедливости в гражданском праве подводит нас к следующим выводам. Прежде всего, доктринальное понимание роли справедливости в праве зависит от методологических позиций, на которых стоит тот или иной ученый: для юснатуралиста справедливость представляет сбой высший принцип, стоящий над правом и определяющий саму сущность права, для легиста справедливость состоит, прежде всего, в точном соблюдении действующих правовых норм.

Принцип справедливости в праве направлен на согласование, «примирение» закона и морали, он придает правовым нормам нравственное содержание, делает их понятными и доступными (либо наоборот).

Необходимо учитывать, что справедливость контекстуальна и в этом смысле не допускает единых универсальных индикаторов. Справедливость не существует вне конкретной ситуации, она всегда ситуативна.

Принцип справедливости в гражданском праве должен определять сущность нормативного регулирования частноправовых отношений.

Наиболее ярко проявляется принцип справедливости именно в гражданско-правовой ответственности, определяя ее формы и направления развития. Справедливость выступает как формализованная в гражданском праве мера ответственности за правонарушения гражданско-правового характера. По мнению Д.Е. Богданова, справедливость в отношениях гражданско-правовой ответственности проявляется как общая и частная справедливость. Формами частной справедливости цитируемый автор называет корректирующую, дистрибутивную и ретрибутивную[51].

Обратной стороной справедливости выступает несправедливость.

Неисполнение обязательства и причинение вреда рассматриваются как несправедливость и пострадавшим контрагентом, и всем обществом. Для минимизации последствий несправедливости и существует институт гражданско-правовой ответственности, которая направлена на возмещение или компенсацию причиненных убытков. Существующий механизм гражданско-правовой ответственности складывался и совершенствовался в течение длительного времени и стал выражением представления общества о началах справедливости в имущественных и личных неимущественных отношениях.

Глава 2
Социальная сущность гражданско-правовой ответственности

2.1. Современные подходы к пониманию юридической ответственности

Юридическая ответственность представляет собой одно из ключевых понятий современной юриспруденции, вызывающих закономерный и обоснованный интерес со стороны как теоретиков государства и права, так и представителей практически всех отраслевых юридических дисциплин. В то же время, несмотря на имеющееся большое количество исследований, посвященных вопросам юридической ответственности, в отечественной правовой науке, как это не удивительно, еще не сложилось единой концепции понимания данного феномена, так же, как не сложилось единого подхода к пониманию права, в целом.

В современной российской юриспруденции можно выделить несколько основных подходов к пониманию сущности юридической ответственности.

Для сторонников первого подхода характерно рассмотрение юридической ответственности в качестве обязанности правонарушителя претерпевать предусмотренные законом лишения[52]. Данный подход акцентирует внимание именно на правонарушителе и его обязанности.

Сторонники второго подхода настаивают на том, что юридическая ответственность – это предусмотренная санкцией правовой нормы мера государственного принуждения[53], в которой выражается государственное осуждение виновного в правонарушении субъекта и которая состоит в претерпевании им лишений и ограничений личного, имущественного или организационного характера.

Данный подход акцентирует внимание уже не на правонарушителя, а на государственное принуждение, которое реализуется на основе норм права.

Некоторые ученые, например, О.Э. Лейст, справедливо указывали на узость такого подхода, так как понятие ответственности, по их мнению, шире понятия «применение санкций»[54].

Сторонники третьего подхода, близкого ко второму, рассматривают юридическую ответственность как меру государственного принуждения, которая выражается в отрицательных последствиях для правонарушителя[55]. По этому поводу М.П. Авдеенкова справедливо отмечает, что не любое государственное принуждение можно рассматривать как

юридическую ответственность, и в силу этого такое понимание ответственности представляется чересчур широким[56]. Добавим, что в данном подходе акцент сделан как на государственном принуждении, так и на последствиях для правонарушителя, то есть наблюдается некоторая попытка подойти к решению вопроса комплексно.

Сторонники четвертого, наиболее широкого подхода трактуют юридическую ответственность как реакцию общества на правонарушение[57]. Этот подход представляется слишком общим, он, на наш взгляд, не позволяет получить целостного представления о юридической ответственности, не раскрывает ее сущности, но зато показывает связь ответственности с обществом и его реакцией, что важно в контексте исследования социальных оснований юридической ответственности.

М.Н. Марченко под юридической ответственностью понимает применение к виновному лицу, совершившему правонарушение, мер публично-правового принуждения[58]. Как видим, здесь речь идет уже не о государственном, а о публично-правовом принуждении, то есть и само право трактуется не только как воля государства, но как публичная воля, что, несомненно, шире.

Какую бы концепцию из вышеназванных мы ни взяли за исходную, очевидно, что юридическая ответственность выступает тем средством, которое блокирует противоправное поведение и стимулирует общественно-полезные действия людей в правовой сфере. В этом проявляется ее социальное значение. Фактически юридическая ответственность организует и упорядочивает жизнь, стабильное существование и развитие социума.

Глубинные основания юридической ответственности состоят во включенности субъекта в общественные отношения и в его связанности предъявляемыми к нему требованиями. В правовой норме эти требования только формализуются и приобретают общеобязательный, властный, обеспечиваемый государственным принуждением характер. Общественные отношения и вытекающие из них требования находят свое закрепление в правовых нормах, которые начинают оказывать на них обратное регулирующее, развивающее, упорядочивающее воздействие.

Д.А. Липинский и Р.Л. Хачатуров рассматривают юридическую ответственность в контексте социальной ответственности. Они полагают, что о юридическая ответственность вырастает из социальной ответственности первобытного общества в связи потребностью государства легально применять силу. Данные авторы настаивают на том, что юридическую ответственность следует изучать вместе с социальной ответственностью, не забывая при этом о ее

специфике[59].

Конечно, с определенной долей условности юридическую ответственность можно трактовать как реакцию государства и общества на совершенное правонарушение. В то же время, такая реакция непосредственно связана с мерами воздействия на виновное лицо, которое вынуждено претерпевать определенные лишения, предусмотренные правом, в качестве наказания за совершенное правонарушение. Таким образом, юридическая ответственность имеет сложное содержание, в котором можно выделить следующие базовые элементы:

1) публично-правовое принуждение;

2) меры воздействия на правонарушителя;

3) неблагоприятные последствия для правонарушителя.

На этой основе представляется возможным выделить несколько взаимосвязанных элементов, присущих в целом юридической ответственности.

Юридическая ответственность – это предусмотренная правовыми нормами обязанность субъекта права претерпевать неблагопрятные для него последствия правонарушения.

Юридическая ответственность – это мера государственного принуждения за совершенное правонарушение, связанная с претерпеванием виновным лишений личного (организационного) или имущественного характера.

Юридическая ответственность – это предусмотренная санкцией правовой нормы мера государственного принуждения, в которой выражается государственное осуждение виновного в правонарушении субъекта и которая состоит в претерпевании им лишений и ограничений личного, имущественного или организационного характера.

Юридическая ответственность реализуется в рамках охранительной, а гражданско-правовая ответственность – и в рамках экономической функций права.

Сегодня можно говорить и о защитных моментах юридической ответственности в экономической безопасности как регионов, так и государства в целом; о разграничении компетенции различных органов власти как в принятии, так и в применении норм права, влекущих за собой юридическую ответственность. Поэтому на текущий момент особое внимание уделяют изучению и применению легитимных норм права, определяющих как гражданско-правовой, так и уголовный виды юридической ответственности за экономические преступления.

Юридическая ответственность является одним из средств борьбы с правонарушениями, средством обеспечения правомерного поведения. Угроза юридической ответственности,

соответствующих неблагоприятных последствий – важный фактор в обеспечении правомерного поведения членов общества.

Юридическая ответственность связана с государственным принуждением. Государственное принуждение – это возможность государства обязать субъекта помимо его воли и желания совершать определенные действия. Именно принуждение выступает основой реализации обязанности правонарушителя претерпевать лишения.

Многообразие существующих подходов к пониманию юридической ответственности проявляется и в тех многочисленных и разнообразных определениях юридической ответственности, которые существуют в доктринальной отечественной литературе. Например, В.М. Горшенев дает следующее определение ответственности: «Юридическая ответственность есть признаваемая государством способность лица (гражданина, учреждения, органа государства, должностного лица и т. д.) отдавать отчет в своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно находящихся в распоряжении правонарушителя»[60].

К данному определению следует отнестись критически. Способность никак не может выступать ответственностью, как не может быть обязанностью способность нести обязанность и т. д. Можно говорить о способности нести ответственность, но говорить о тождестве способности и ответственности не представляется возможным.

О.Э. Лейст определяет ответственность как реализацию санкции правовой нормы[61]. Эта концепция исходит из подчиненного характера ответственности по отношению к санкции, то есть ответственность и ее меры фактически выполняют служебную роль. Но если ответственность определять исключительно через содержание санкции, то в итоге мы сможем раскрыть сущность и содержание самой ответственности.

А.Г. Чернявский полагает, что юридическая ответственность – это особый вид государственного принуждения, состоящий в претерпевании субъектом права невыгодных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, и осуществляемый в форме охранительного правоотношения[62].

Рассматривая социальные основания юридической ответственности, мы будем руководствоваться изложенными в первой главе методологическими подходами и трактовать право шире, чем это принято в нормативном правопонимании, связывая его не только с волей государства, но и с волей и интересами

общества. В данном контексте логичнее говорить не о государственном, а именно о публично-правовом принуждении.

Понятие юридической ответственности неразрывно связано с ее признаками:

1) юридическая ответственность включает в себя два аспекта: нормы материального и нормы процессуального права; при этом процессуальное право только регулирует порядок и условия применения юридической ответственности за правонарушения;

2) юридическая ответственность выступает одним из видов социальной ответственности; ей присущи те же основные признаки, что и социальной ответственности;

3) важным, даже определяющим признаком юридической ответственности выступает наказание;

4) юридическая ответственность, в отличие от иных видов социальной ответственности, устанавливается только правовыми актами, которые издаются органами публичной власти и управления, а также должностными лицами в рамках их компетенции;

5) отличительным признаком юридической ответственности является то, что она применяется за совершение правонарушения, за нарушение норм права;

6) юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственного принуждения, а поэтому применяется либо государственными органами, либо по поручению государственных органов общественными органами[63].

Публично-правовое принуждение как базовый признак юридической ответственности в разных отраслях проявляется по-разному. Например, гражданское законодательство предусматривает возможность добровольного исполнения обязанностей, возмещения причиненного вреда. Гражданин или юридическое лицо, которые нарушили договорные обязательства, могут в добровольном порядке уплатить установленную законом неустойку, возместить причиненные убытки. В случае, если добровольного возмещения ущерба не последует, ответственность реализуется через суд.

Юридическая ответственность, независимо от отраслевой принадлежности, преследует две цели: защиту правопорядка и воспитания граждан в духе уважения к праву. Эти цели выражаются в функциях юридической ответственности.

Можно выделить следующие функции юридической ответственности:

1) Репрессивно-карательная: юридическая ответственность выступает как акт наказания со стороны государства по отношению к правонарушителю и одновременно средством,

предупреждающим новые правонарушения.

2) Предупредительно-воспитательная: ответственность направлена на формирование у участников общественных отношений мотивов, побуждающих соблюдать законы, уважать права и законные интересы других лиц.

3) Правовостановительная (компенсационная): призвана обеспечить взыскание причиненного ущерба с правонарушителя, компенсировать потери потерпевшей стороны, восстановить ее имущественные права и тем самым способствовать развитию экономических отношений и гражданского оборота.

Функции юридической ответственности неразрывно взаимосвязаны с функциями права, в связи с чем и исследовать их возможно только в тесном взаимодействии между собой. Так, одна функция права может обусловливать направление правового воздействия нескольких функций юридической ответственности.

Карательная, превентивная, восстановительная функции юридической ответственности определяются охранительной функцией права.

Регулятивная и превентивная функции юридической ответственности определяются регулятивной функцией права.

Из этого следует, что одни и те же функции юридической ответственности обусловлены различными функциями права, в связи с чем для более четкого определения функций юридической ответственности представляется необходимым выделить их наиболее общие признаки. К таким признаком следует отнести:

• социальную обусловленность;

• целевое назначение;

• самостоятельность каждой функции и их взаимодействие;

• наличие взаимосвязи с функциями права, которые задают функциям юридической ответственности определенное направление воздействия;

• взаимосвязь функций юридической ответственности с функциями ее составных элементов;

• проявление через функции юридической ответственности социального назначения юридической ответственности.

К элементам содержания функций юридической ответственности можно отнести: а) субъекты ответственности; б) объекты воздействия; в) способы и средства осуществления; г) фактические и формальные основания; д) общесоциальные и юридические последствия (результаты); е) правоотношения; ж) нормы юридической ответственности[64].

Регулирующее, воспитательное, превентивное, восстановительное, карательное воздействие юридической ответственности направлено в современных условиях на

достижение таких социально значимых целей, как формирование гражданского общества, построение правового государства, реализация прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенных общественных отношений, вытеснение вредных, негативных проявлений в общественных отношениях, утверждения социальных ценностей и формирования уважительного отношения к ним.

В юридической науке разработаны и сформулированы принципы юридической ответственности[65]. Основными принципами являются:

• принцип справедливости, предполагающий соразмерность наказания тяжести совершенного правонарушения;

• юридического равенства и равноправия, означающий равенство всех перед законом и судом независимо от пола, возраста, национальности, социального и имущественного положения и т. д.;

• гуманизма, который выражается в соблюдении государственными органами, их должностными лицами чести и достоинства личности, недопустимости их нарушения при применении мер государственного принуждения;

• законности, заключающийся в строгом, неукоснительном соблюдении компетентными органами предписаний закона при привлечении правонарушителя к юридической ответственности;

• целесообразности, состоящий в применении к правонарушителю таких мер наказания, которые будут соответствовать достижению целей юридической ответственности (перевоспитание, предупреждение совершения новых правонарушений и т. д.);

• обоснованности юридической ответственности, предполагающий всестороннее исследование всех обстоятельств совершения правонарушения, установление объективной истины по делу и принятие мотивированного решения;

• неотвратимости ответственности, заключающийся в неизбежности привлечения правонарушителя к ответственности и применении к нему мер наказания (за рядом исключений);

• персонифицированности, выражающийся в установлении субъекта, виновного в совершении правонарушения, и привлечении его к ответственности[66].

Юридическая ответственность проявляет себя только в правоотношениях. Если мы рассматриваем правоотношения как право в действии, то юридическая ответственность выступает формой проявления действенности права, определяя его действительность и силу.

Правоотношения ответственности можно рассматривать как

особый, отдельный вид правоотношений, сочетающий в себе материальные и процессуальные элементы. Реализация юридической ответственности, по существу, всегда является результатом исполнения юридической обязанности, порой вынужденного, и осуществлением юридических прав. В свою очередь, юридическая обязанность непременно должна быть подкреплена юридической ответственностью, которая придает ей реальность, обеспечивает ее исполнение.

Основанием юридической ответственности выступает правонарушение – противоправное, виновное общественно вредное деяние, за которое предусмотрена юридическая ответственность. Наличие юридической ответственности – неотъемлемый признак правонарушения. В этом проявляется основополагающая и системообразующая роль юридической ответственности, которая наделяет смыслом весь механизм правового регулирования, обусловливает его реальность.

В контексте социальных оснований юридической ответственности следует отметить, что правонарушение играет важную роль. Роль правонарушения в общественных отношениях определяется, во-первых, их тесной взаимосвязью с юридической ответственностью, во-вторых, конструируемым характером самого правонарушения.

Как полагают некоторые современные криминологи, государственная власть конструирует преступность, исходя частично из реальной общественной опасности деяний, а частично – из предпочтений властных структур и режимов[67]. В рамках данной парадигмы очевидно, что по криминализованным деяниям, которые стали считаться правонарушениями, можно косвенно судить об общественных запросах по поводу преступности и права, в целом.

Важный признак правонарушения – его противоправность, то есть запрещенность деяния нормой права. Здесь возможны два варианта: устанавливается запрет совершения определенного действия либо закрепляется обязанность совершить определенное действие. Если правонарушение не предусмотрено законом, то его нет. Таким образом, запрещая те или иные деяния, правотворческие органы фактически конструируют преступность, отражая общественный запрос.

Важнейшим признаком правонарушения является виновность. Она может проявляться в умысле или в неосторожной форме вины.

Правонарушение – это такое деяние, нарушающее нормы права, за которое предусмотрена юридическая ответственность.

Наконец, не является правонарушением деяние, которое

содержит все вышеназванные признаки, но не причиняет существенного вреда обществу.

Субъектами правонарушений могут быть: государство (например, нарушающее нормы международного права), государственные органы (например, осуществляющие издание незаконных правовых актов), общественные и коммерческие организации, физические лица (вменяемые, достигшие определенного возраста).

Правонарушения делятся на преступления и проступки. Такое деление зависит от характера и степени общественной вредности совершенного деяния. Преступлением считается наиболее опасное для общества деяние прямо, предусмотренное уголовным законодательством.

Непреступные правонарушения (проступки) делятся на следующие виды: административные правонарушения (нарушение административного законодательства, они менее опасны, чем преступления), гражданские правонарушения, трудовые правонарушения (нарушения трудовых норм), процессуальные правонарушения (нарушение интересов правосудия гражданами или государственными органами), международные правонарушения (международные преступления: работорговля, пиратство, международный терроризм; международные деликты).

Таким образом, в теории достаточно подробно разработаны основные аспекты, связанные с юридической ответственностью и квалификацией правонарушений. Они могут быть применены и при анализе гражданско-правовой ответственности.

В целом, правовое значение юридической ответственности проявляется в том, что юридическая ответственность выступает одним из системообразующих элементов права и механизма его реализации, придает нормам права действенность и эффективность, наделяет право реальностью и действительностью.

Социальное значение юридической ответственности проявляется в том, что, являясь сконструированным институтом, она отражает определенные общественные потребности и запросы.

2.2. Гражданско-правовая ответственность как вид юридической ответственности

Гражданско-правовая ответственность является одним из видов юридической ответственности. При этом можно условно разделить все виды юридической ответственности на основные или традиционные, которые выделяются всеми авторами и присутствуют во всех учебниках по теории государства и права, и новые, или дополнительные, которые разрабатываются представителями отраслевых юридических дисциплин.

Гражданско-правовая ответственность относится к числу основных видов юридической ответственности. Ее выделение в качестве самостоятельного вида никем не оспаривается.

Тем не менее, относительно понимания сущности гражданско-правовой ответственности также существует достаточно широкий разброс мнений.

М.П. Авдеенкова предлагает разделить юридическую ответственность на частноправовую и публично-правовую. В ее трактовке, частноправовые формы ответственности, в отличие от публично-правовых форм, обладают рядом особенностей: они возникают из конкретных правоотношений, складывающихся между сторонами в процессе экономической жизни общества; правонарушение, являющееся основанием частноправовой ответственности, наносят вред преимущественно интересам конкретных субъектов правоотношений; частноправовые формы ответственности в большей мере ориентированы на защиты прав отдельных субъектов[68].

Гражданско-правовая ответственность относится, при таком подходе, к частноправовым формам юридической ответственности. Но имеется и противоположная точка зрения по данному вопросу. Например, Д.А. Липинский пишет: «В последние годы в связи с возрождением концепции деления системы права на частное и публичное стали обосновывать частноправовую природу гражданско-правовой ответственности и даже выделять в отдельный вид не гражданско-правовую, а частноправовую юридическую ответственность. Думается, что институт юридической ответственности по своей природе является публичным. Правоотношения ответственности, возникающие в связи с юридическим фактом совершения любого правонарушения, являются публично-правовыми, а не частноправовыми. Это объясняется и тем, что в частном праве защищаются не только частные, но и публичные интересы,

которые взаимосвязаны друг с другом, а в широком смысле любое правонарушение причиняет вред всему обществу в целом»[69].

Подобная позиция не нова. Сходную точку зрения в 1976 г. высказывал Л.С. Явич. Он писал, что правонарушитель несет ответственность перед государством и обществом в целом, а не только перед конкретным кредитором, и привлечение такого лица к ответственности влечет за собой законности и правопорядка, авторитета государственной власти[70].

И.Е. Кабанова в связи с этим замечает: «При всей справедливости данной позиции, исходя из максимально широкой трактовки гражданско-правовой ответственности, следует заметить, что, выделяя определенные виды юридической ответственности, и законодатель, и доктрина руководствуются приоритетной целью установления ответственности и последствиями ее возложения на нарушителя»[71].

В российской цивилистической доктрине выработаны определенные подходы к формулированию определения гражданско-правовой ответственности. Представляет интерес мнение тех, кого можно уже отнести к классикам отечественной гражданско-правовой науки.

О.А. Иоффе писал: «Гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»[72].

С.Н. Братусь также полагал, что юридическая ответственность есть исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения. Принуждение составляет основу ответственности. Где нет принуждения – там нет и ответственности[73].

О.Н. Садиков определяет ответственность в гражданском праве как неблагоприятные для должника имущественные последствия несоблюдения им обязательств, как дополнительную его обязанность, которая носит имущественных характер и связана с возмещением убытков[74].

Н.С. Малеин предпочитал говорить не о гражданско-правовой, а об имущественной ответственности: «Имущественная ответственность – это правоотношение, возникающее из нарушения обязанности, установленной законом или договором, выражающееся в форме невыгодных для правонарушителя, из-за осуждения его виновного поведения, имущественных последствий, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения»[75].

Такой подход критиковал В.А. Тархов, который писал, что «в

этом определении исследуемое понятие поставлено, как говорится, с ног на голову: «правоотношение… в форме… имущественных последствий». Но имущественные последствия – это явление экономическое, и уже поэтому оно не может быть формой правоотношения. Наоборот, экономические явления при определенных условиях облекаются в правовую форму. Имущественные последствия могут служить обстоятельством, с которым право связывает возникновение (причинение вреда) или прекращение (возмещение вреда) правовых отношений, однако правоотношения никогда не составляют содержания имущественных последствий. Нельзя ставить ответственность в зависимость и от осуждения виновного поведения»[76].

Во многих случаях происходит отождествление ответственности с наказанием. Например, И.С. Самощенко писал: «Наиболее часто за термином «ответственность» стоит либо «долг, обязанность», либо «наказание». В первом случае речь идет об активном аспекте ответственности. Здесь «ответственность» выступает в качестве своеобразного морального, политического и т. п. регулятора поведения людей в настоящем и будущем. Во втором смысле говорят о ретроспективном аспекте ответственности, об ответственности за прошлое, за совершенное. Ответственность в этом плане есть, с одной стороны, несение лицом неблагоприятных последствий своего поведения, а с другой – причинение лицу лишений, отрицательная реакция общества (в лице, например, управомоченного на то государственного органа) на его поступок. О юридической ответственности, естественно, можно говорить лишь в этом втором плане, в плане «наказания» (в широком смысле этого слова)»[77].

Н.С. Малеин высказывает практически аналогичную точку зрения: «Юридическую ответственность можно охарактеризовать, по крайней мере, тремя присущими ей признаками: возложением на правонарушителя неблагоприятных отрицательных для него последствий; осуждение противоправного виновного поведения правонарушителя; и государственно-правовым принуждением.

В основу понимания сущности ответственности может быть положен тезис о том, что наказание – есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования, каковы бы ни были эти условия.

Наказание – это и есть ответственность. Сущность ответственности, ее неотъемлемый признак состоит в наказании, каре правонарушителя»[78].

Аналогичную позицию занимает Н.Д. Егоров: «Под гражданско-правовой ответственностью следует понимать лишь

такие санкции, которые связаны с дополнительными обременениями для правонарушителя, т. е. являются для него определенным наказанием за совершенное правонарушение»[79].

Б.Т. Базылев сужает ответственность до уплаты неустойки, считая, что институт юридической ответственности регулирует те негативные отношения, которые возникают только на основании правонарушений, т. е. виновно совершенных противоправных деяний. С его точки зрения большая часть охранительных норм, содержащихся в гражданском праве, объединяется в институт восстановления нарушенных прав и, следовательно, выполняет компенсационную функцию права. Институты ответственности и восстановления прав, существующие в гражданском праве, имеют различную природу и назначение. Если институт восстановления направлен на возмещение причиненного имущественного ущерба (что важно с точки зрения охраны прав потерпевшего), то институт ответственности за наказание виновного правонарушителя и стимулирование надлежащего исполнения им своих юридических обязанностей в будущем. Следовательно, по его мнению, институт юридической ответственности специализируется на осуществлении штрафной, карательной функции права[80].

Ю.К. Толстой считает, что «специфическим признаком гражданско-правовой ответственности является лишение причинителя части принадлежащих ему имущественных прав в целях удовлетворения потерпевшего. Этот признак присущ всем без исключения мерам гражданско-правовой ответственности, независимо от того, возникло ли правонарушение в результате виновного или невиновного поведения причинителя»[81].

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргордский говорили об ограничениях личного или имущественного порядка, они считают, что ответственность следует определить как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного или имущественного порядка.

В.П. Грибанов писал о мерах или формах принуждения: «Гражданско-правовая ответственность есть одна из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота».

Е.А. Крашенинников рассматривает гражданско-правовую ответственность как охранительную гражданскую обязанность,

которая лежит на правонарушителе, обременяет его лишениями имущественного характера и опирается на возможность государственного принуждения к исполнению.

Заслуживает внимания позиция В.А. Хохлова, которым выдвинута новая концепция ответственности в гражданском праве. Один из главных его тезисов: «Содержание любой юридической ответственности определяется характером и назначением норм соответствующей отрасли. В гражданском праве доминантой ответственности, выражающей ее сущность, является необходимость восстановления прежнего (до правонарушения) положения кредитора, защита нарушенных прав. Наказание и обременение не составляют ни содержание, ни желаемую функцию гражданско-правовой ответственности… Центральной фигурой в вопросе о гражданско-правовой ответственности является кредитор и возникшие на его стороне затруднения…, а не должник и совершенные (несовершенные) им действия».

В связи с этим В. А. Хохлов определяет гражданско-правовую ответственность как «особое правовое состояние:

• возникающее в силу правонарушения;

• фиксирующее возникновение на стороне кредитора отрицательных последствий и имеющее целью восстановить его прежнее имущественное положение;

• предполагающее (требующее) наличия определенных правовых средств для этого восстановления (т. е. мер ответственности)»[82].

В. А. Хохлов предлагает пересмотреть концепцию юридической ответственности через раскрытие субъективных правомочий кредитора и отказаться от определения ответственности через понятие обязанности как реакции, обращенной именно к правонарушителю. Кроме того, высказывается мнение, что единого для всех отраслей права понятия ответственности не существует и в каждой отрасли права оно свое.

Данная позиция вызывает определенные сомнения. Различия, конечно, существуют, но имеется также и нечто общее, что позволяет говорить об универсальности ответственности. Кроме того, раскрытие понятия «ответственности» через понятие «право» (правомочие) противоречит сложившемуся на протяжении последних лет смыслу данного понятия.

В.А. Тархов определяет ответственность как регулируемую правом обязанность дать отчет в своих действиях. Основной признак и сущность ответственности – истребование отчета, а последует ли за отчетом осуждение и наказание – это уже иной

вопрос[83].

Это определение подверглось критике в отечественной литературе. Так, Н. Д. Егоров пишет: «Обязанность дать отчет в своих действиях может иметь место и тогда, когда нет правонарушения. Кроме того, закрепленные в нормативных актах меры гражданско-правовой ответственности вовсе не сводятся к отчетам о своих действиях, а воплощают в себе вполне реальные и конкретные отрицательные последствия для правонарушителя в виде возмещения убытков, уплаты неустойки, потери задатка и т. п.». В.П. Грибанов замечает, что предложенное определение ответственности чрезмерно широко и расплывчато, что лишает его практического значения, так как дает возможность произвольного толкования[84].

По мнению Е.А. Суханова, «гражданско-правовая ответственность – одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего»[85].

Заслуживает внимания точка зрения, что гражданско-правовая ответственность представляет собой форму частноправовой ответственности, которая наступает на основе норм гражданского законодательства в отношении лица, виновного (за исключением отдельных случаев) в нарушении имущественных или личных неимущественных прав субъекта гражданско-правовых отношений и выражается в возмещении причиненного ущерба[86].

Юридическая ответственность возникает только в рамках какого-либо правоотношения. Наличие гражданско-правового отношения является необходимой предпосылкой гражданско-правовой ответственности. В зависимости от характера и содержания правоотношений, ответственность также носит различный характер.

О.С. Иоффе полагает, что ответственность не может иметь места в рамках тех обязанностей, которые ответственное лицо должно было выполнить без привлечения его к ответственности[87]. На такой же позиции стоит и Н.С. Малеин, который считает, что признание ответственности как новой, дополнительной обязанности правонарушителя особенно важно с теоретической и практической точки зрения. Если соответствующие права и обязанности, составляющие содержание правоотношений, соблюдаются, то ответственность не наступает, правоотношение прекращается (продолжается, изменяется). В

противном случае, т. е. – при совершении деликта одной из сторон существующего (до правонарушения) отношения, возникает новое дополнительное (к ранее существовавшему) правоотношение ответственности, и у стороны-нарушителя возникает новая дополнительная обязанность, предусмотренная законом или договором, в виде возмещения убытков, уплаты штрафа (неустойки, пени)[88].

Ответственность возникает из материально-правового отношения, а не из судебного решения, в связи с чем она может реализовываться и без обращения пострадавших к судебным и иным государственным органам. Возможно осуществление ответственности правонарушителя и по его собственной инициативе. При отсутствии же правового регулирования юридической ответственности быть не может.

Рассмотренные выше подходы к определению гражданско-правовой ответственности детерминированы характером общественных отношений, регулируемых и охраняемых нормами гражданского права. При всем различии в понимании гражданско-правовой ответственности, сложно оспаривать, что этот институт отражает те социальные реалии, которые существуют на данном этапе развития, ту совокупность экономических и идейно-нравственных предпосылок, которая определяет вектор развития общества.

2.3. Особенности гражданско-правовой ответственности

Гражданско-правовая ответственность играет роль, выходящую за пределы правового регулирования в рамках частного права. Институт гражданско-правовой ответственности в условиях современной экономики выступает как гарант успешного ее развития, как основа формирования прочных отношений в системе собственности и права собственности. Поэтому в существовании института гражданско-правовой ответственности заинтересованы не только субъекты предпринимательских отношений, но и все общество.

Гражданско-правовая ответственность имеет ряд особенностей, которые отличают ее от иных видов ответственности. Это естественно, так как ответственность возникает в качестве ответа на правонарушение, а правонарушения в разных отраслях права отличаются определенной спецификой. Каждый вид правонарушения характеризуется рядом отличительных признаков, поэтому существуют определенные особенности привлечения правонарушителей к юридической ответственности за совершение того или иного правонарушения. С учетом этих особенностей в законодательстве закрепляются специальные положения, регламентирующие условия и порядок привлечения к тому или иному виду правонарушения[89].

Становление института ответственности за причинение вреда в российском праве происходило в течение долгого времени. Первые нормы, регулировавшие возмещение вреда, отличались казуистичностью и фрагментарностью. Они содержались в различных правовых актах, целостного института ответственности за причинение вреда не существовало[90]. Дальнейшее развитие отечественного права привело к появлению новой отрасли – гражданского права и в его составе одного из важнейших институтов – обязательства из причинения вреда. Впервые нормы данного института получили закрепление в Своде законов Российской империи 1833 г.

Новые подходы к проблеме возмещения вреда появились в отечественном праве в связи с изменениями в государственной и правовой системе после революционных событий 1917 г. В 1922 г. впервые в истории нашей стран был принят Гражданский кодекс РСФСР, в котором в отдельную главу были выделены обязательства, возникающие вследствие причинения другому

лицу вреда. Из формулировки ст. 403 ГК РСФСР можно сделать вывод, что в данный период вред возмещался только физическому лицу, при этом возмещения морального вреда не предусматривалось. Впервые ГК РСФСР предусмотрел и ответственность за вред, причиненный неправомерными служебными действиями должностных лиц, что также явилось важным шагом на пути развития института причинения вреда.

Как уже говорилось выше, гражданско-правовая ответственность является одним из видов юридической ответственности и подчиняется тем же принципам, что и остальные виды. Но у гражданско-правовой ответственности есть и своя специфика. В частности, В.В. Долинская справедливо выделяет такие особенности гражданско-правовой ответственности, как реагирование на гражданское правонарушение, имущественный характер, компенсационный характер, принцип полного возмещения вреда или убытков. Воздействие в отношениях гражданско-правовой ответственности оказывается не столько на личность правонарушителя, сколько на его имущественную сферу или имущественную сферу указанных в законе третьих лиц. Даже защита личных неимущественных прав предусматривает имущественно-стоимостные меры воздействия, например денежную компенсацию[91].

По мнению классика советской цивилистики О. А. Иоффе, гражданско-правовая ответственность характеризуется следующими особенностями:

1) она является *санкцией* за нарушение гражданских законов, обеспеченной *убеждением* и *государственным принуждением* или его *возможностью;*

2) в ее основе лежит *общественное осуждение* поведения правонарушителя и *стимулирование* его к определенной деятельности в интересах общества при отсутствии оснований для осуждения поведения ответственного лица;

3) она выражается в форме *восстановления* нарушенных отношений в форме установления *отрицательных* последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития регулируемых гражданским правом общественных отношений.

В целом, для гражданско-правовой ответственности важны не штрафные меры (хотя и они не исключаются), а восстановление имущественного или лично-правового положения, которое существовало до факта правонарушения. Это определяет существование двух основных форм реализации гражданско-правовой ответственности.

Первая из них – возложение на виновного правонарушителя

обязанности по передаче имущества, уплате денег и др. Вторая форма – лишение правонарушителя принадлежащего ему права[92].

Гражданско-правовая ответственность отличается от иных видов юридической ответственности следующими особенностями:

1) выступая как один из основных, «классических» видов юридической ответственности, гражданско-правовая ответственность несет наибольшую среди них социальную и экономическую «нагрузку»;

2) гражданско-правовая ответственность имеет компенсационный характер, она ориентирована не столько на наказание субъекта правонарушения, сколько на компенсацию причиненного вреда (ущерба) и восстановление нарушенного права;

3) гражданско-правовая ответственность в отдельных случаях применяется и при неполном составе правонарушения, а именно при отсутствии вины;

4) в правоотношениях гражданской ответственности не применяется базовый конституционный принцип – презумпция невиновности; фактически речь идет о презумпции виновности лица, не исполнившего обязательство;

5) гражданско-правовая ответственность предусматривает возможность добровольного исполнения, в том числе, в виде возмещения причиненного ущерба; лица, которые нарушили договорные обязательства, могут добровольно уплатить неустойку и возместить убытки;

6) гражданско-правовая ответственность имеет свою особую сферу действия – имущественные и личные неимущественные отношения;

7) гражданско-правовая ответственность направлена на защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота и экономических отношений[93].

Перечисление данных особенностей показывает особую социальную роль гражданско-правовой ответственности.

С одной стороны, эта роль имеет выраженный классовый характер. Институт гражданско-правовой ответственности защищает интересы собственников, владельцев средств производства. С другой стороны, в обществе, основанном на частной собственности и имеющем множество мелких собственников, гражданско-правовая ответственность приобретает общесоциальное значение, защищая практически каждого и способствуя стабилизации гражданского оборота.

Перечисленные выше особенности гражданско-правовой ответственности не меняют ее сущностного начала, которое

выражается в публично-правовой воле и принудительном характере. Б.И. Пугинский отмечает, что «хотя ответственность может быть реализована в бесспорном (неисковом) порядке и даже добровольно возложена на себя должником путем уплаты сумм неустойки или убытков потерпевшей стороне, это не меняет ее государственно-принудительного характера»[94].

Рассмотрим некоторые специфические черты гражданско-правовой ответственности, позволяющие отграничить ее от иных видов юридической ответственности и подчеркивающие ее гражданско-правовой характер.

Имущественный характер гражданско-правовой ответственности. Применение гражданско-правовой ответственности всегда связано с возмещением убытков, взысканием причиненного ущерба, уплатой неустоек (штрафов, пеней). Даже в тех случаях, когда допущенное правонарушение затрагивает личные неимущественные права или причиняет потерпевшему лицу – субъекту нарушенного гражданского права – физические или нравственные страдания (моральный вред), применение гражданско-правовой ответственности будет означать присуждение потерпевшему лицу соответствующей денежной компенсации в форме возмещения убытков, морального вреда или взыскания причиненного ущерба.

Ответственность одного участника гражданско-правовых отношений перед другим, правонарушителя перед потерпевшим. Это связано с тем, что гражданское право регулирует отношения, складывающиеся между равноправными и независимыми (автономными) субъектами. В имущественном обороте нарушение обязанностей одним участником всегда влечет за собой нарушение прав другого участника. Поэтому имущественная санкция, применяемая за допущенное нарушение, всегда имеет своей целью восстановление или компенсацию нарушенного права потерпевшего. Те же отдельные случаи, когда законодательство предусматривает обращение санкций в пользу государства, представляют собой исключение, подтверждающее общее правило, и свидетельствуют о том, что допущенное правонарушение затрагивает интересы государства, общества (публичные интересы), что и предопределяет применение мер конфискационного характера. Примером могут служить сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК); принудительный выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством (ст. 240 ГК); изъятие у собственника домашних животных, с которыми он обращается в явном противоречии с установленными на основании закона

правилами и принятыми в обществе нормами гуманного отношения к животным (ст. 241 ГК); конфискация имущества (ст. 243 ГК) и некоторые другие.

Соответствие размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков. В известной мере можно говорить о пределах гражданско-правовой ответственности, которые предопределяются ее компенсационным характером и вследствие этого необходимостью эквивалентного возмещения потерпевшему причиненного ему вреда или убытков, ибо конечная цель применения гражданско-правовой ответственности состоит в восстановлении имущественной сферы потерпевшей стороны. Следует, правда, отметить, что в законодательстве имеются отдельные положения, свидетельствующие о заведомо неэквивалентном по отношению к убыткам, причиненным в результате правонарушения, характере применяемых мер имущественной ответственности. Но и данное обязательство, как в предыдущем случае, носит исключительный характер и лишь подчеркивает действие общего правила. Иллюстрацией к сказанному могут служить нормы о штрафной неустойке (ст. 394 ГК), когда убытки могут быть взысканы в полном объеме сверх законной или договорной неустойки.

Применение равных по объему мер ответственности к различным участникам имущественного оборота за однотипные правонарушения. Указанная особенность продиктована необходимостью обеспечения последовательного проведения принципа равноправия участников гражданско-правовых отношений (ст. 1 ГК). Хорошо известно, что ранее некоторые участники имущественного оборота, прежде всего государственные организации, пользовались необоснованными льготами и преимуществами при применении к ним мер имущественной ответственности. Распространенным явлением были законодательные ограничения ответственности, например в отношении транспортных, энергоснабжающих, строительных организаций. Более того, в 1980-х – начале 1990-х гг. союзным и российским правительствами широко практиковалось освобождение предприятий целых отраслей народного хозяйства от оплаты неустоек за срыв договорных обязательств. Последовательное проведение принципа равноправия участников имущественного оборота, в том числе и в деле применения имущественной ответственности, стало возможным лишь в условиях действия нового Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающего конкретные положения, обеспечивающие равноправие субъектов гражданско-правовых отношений. Даже в отношении государства и иных публичных

образований предусмотрено, что они выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, но на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами (ст. 124 ГК). В случаях, когда государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица, осуществляя властные полномочия, совершают незаконные действия (бездействие), нарушающие права граждан или юридических лиц, последние наделены правом потребовать возмещения убытков непосредственно за счет соответствующего публичного образования (ст. 16 ГК).

В зависимости от основания возникновения различают договорную и внедоговорную ответственность. Под *договорной ответственностью* принято понимать ответственность, наступающую в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из договора. Нарушение обязательства, возникшее не из договора, а по другим основаниям, влечет *внедоговорную ответственность*.

2.4. Становление современной концепции гражданско– правовой ответственности

Гражданско-правовая ответственность имеет достаточно длительную историю развития. «Возникновение юридической ответственности было обусловлено тем, что система социальной ответственности первобытного общества оказалась неприспособленной для классового общества. Формирующиеся государство и право нуждались в таком институте, который смог бы стать средством применения государственной силы принуждения к правонарушителям»[95].

Институт имущественной ответственности за причинение вреда получил свое развитие еще в Киевской Руси. Первые нормы, регулирующие вопросы ответственности и защиты за причинение вреда, содержались в Русской Правде – памятнике древнерусского права, где говорилось, что "сломавший копье или щит или испортивший одежду обязан был возместить стоимость испорченной вещи"[96]. В это же время появляется первое упоминание и о компенсации морального вреда. Хотя самого понятия морального вреда в нормах Русской Правды, как и в других, более поздних, источниках права, не встречалось, однако его элементы можно обнаружить при исследовании системы мер наказания того времени.

В последующие периоды развития Древнерусского государства ответственность за причинение вреда существенно не менялась, так как все вопросы ответственности из причинения вреда рассматривались только в рамках уголовного права.

Только со второй половины VI в. в древнерусском праве появились первые элементы имущественной ответственности за причинение вреда. Но это было связано с размером вреда и положением в обществе потерпевшего; к виновному применялись меры уголовного наказания: битье кнутом, арест на различные сроки либо денежные возмещения в пользу оскорбленного, что касается взыскания денежной суммы, то оно применялось и как самостоятельный, и как дополнительный вид наказания. То есть, если виновное лицо не могло выплатить потерпевшему денежную компенсацию, к нему применялись физические наказания. Это положение было закреплено в § 91 Соборного Уложения 1649 г., гл. X "О суде"[97].

Таким образом, можно сделать вывод, что в тот период законодатель стал уделять внимание возмещению материального ущерба в пользу потерпевшего. И оно признавалось чуть ли не

главной целью наказания.

Дальнейшее развитие права привело к появлению новой отрасли права – гражданского права и одного из его важнейших институтов – обязательств из причинения вреда.

Впервые нормы гражданского права, регулирующие вопросы возмещения вреда, нашли свое отражение в т. X Свода законов Российской империи, принятого в январе 1835 г. Но суть исходных положений, сформулированных в Своде законов, сводилась к тому, что обязательства по возмещению вреда возникали только в силу правонарушения. При этом вред, причиненный потерпевшему, должен быть причинен виновно, лишь в этом случае потерпевший имел право на имущественную компенсацию вреда. В некоторых случаях имущественная компенсация могла наступать одновременно с уголовным наказанием, в других – она могла наступить и отдельно. Виновное лицо должно было возместить вред и все убытки, наступившие вследствие неправомерных действий виновного, при этом эти действия не считались преступлением. Эти положения Свода законов действовали в России вплоть до 1917 г.

Политическая ситуация в нашей стране в 1917 г. внесла существенные изменения в государственную и правовую систему. 31 октября 1922 г. впервые в истории отечественного законодательства был принят Гражданский кодекс РСФСР, в котором обязательства из причинения вреда были выделены в отдельную главу – "Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда". Из данного определения следует, что вред мог быть причинен только физическому лицу. В частности, ст. 403 ГК гласила: "Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что не мог предотвратить вреда, либо был управомочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего".

Данная статья устанавливала общие положения об ответственности причинившего вред за результаты своих действий. Следует обратить внимание на то, что упоминание ст. 403 о вреде, причиненном личности, понималось исключительно как такое повреждение здоровья, работоспособности, подрыв служебного или общественного положения и других личных свойств и отношений, в результате которого наступило ухудшение имущественного положения – утрата заработка, расходы на лечение, переезд и тому подобное. Возмещение морального вреда в то время не предусматривалось. По такому пути шла и судебная практика. Ответственность наступала лишь

при наличии причинной связи между наступившим вредом и действиями лица обязанного. Причем действия лица, причинившего вред, могли быть результатом как положительного активного поведения (действия), так и пассивного (бездействия). Статья 403 ГК РСФСР была построена на презумпции ответственности, возникающей в силу причинной связи.

Исходя из положений ст. 403 ГК РСФСР, не несло ответственности за причиненный вред лицо, управомоченное на такое причинение. Указание ст. 403 ГК 1922 г. на управомоченность причинения вреда имело в виду те случаи, когда причинение вреда не только являлось результатом правомерной деятельности причинившего, но и входило составной частью в само содержание его права. При этом не имело значения, принадлежало ли это право причиняющему вред в его личных интересах (например, право на самооборону) или предоставлено в силу его служебных обязанностей как должностное полномочие (право задержания, право обыска со взломом хранилищ и другое).

Наряду с этим в ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. впервые было закреплено положение о возмещении вреда, причиненного неправомерными служебными действиями должностных лиц, причем имущественная ответственность могла наступить лишь в случаях, особо указанных в законе, и если неправомерность действий должностного лица будет признана соответствующим административным или судебным органом. Что касается учреждения, то оно освобождалось от ответственности, если потерпевший своевременно не обжаловал неправильное действие. Как видно, ст. 407 ГК РСФСР устанавливала ответственность учреждений, т. е. тех юридических лиц, которые не являлись объединениями физических лиц, а лишь такого рода учреждений, как государственные и частные. Закон имел здесь в виду не противопоставление учреждения как выделенного и персонифицированного имущества объединению лиц, а противопоставление государственного учреждения как составной части государственного аппарата юридическим лицам, как негосударственным, так и государственным предприятиям. Сужение ответственности учреждений было произведено исключительно из соображений, имевших в виду ответственность и интересы государства; все "особые законы", существовавшие в развитие ст. 407 ГК РСФСР, устанавливали ответственность государства, а законов, устанавливающих ответственность каких-либо частных или общественных учреждений, не существовало, полная же их безответственность была бы совершенно непонятна.

Физическое лицо (гражданин) осуществляло принадлежащее

ему право по своему усмотрению, однако закон того времени определял границы этой свободы. Так, например, возмещение за причиненный вред состояло в восстановлении прежнего состояния, а в случаях, если такое восстановление было невозможно, – в возмещении причиненных убытков (ст. 410 ГК РСФСР).

Определяя размер вознаграждения за вред, суд во всех случаях должен был принимать во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего вред (ст. 411 ГК РСФСР). В силу данной статьи недопустимо было автоматическое присуждение возмещения в размере действительно понесенных убытков; последний являлся лишь максимальной границей, в пределах которой возмещение устанавливалось судом.

Наряду с этим Гражданским кодексом того периода большое внимание уделялось вопросу о возмещении вреда лицу, застрахованному в порядке социального страхования (ст. 412 – 415 ГК РСФСР).

Вместе с тем проведенный анализ положений ГК РСФСР 1922 г. показал, что институт по возмещению вреда не в полной мере регулировал некоторые основания, при наличии которых наступала ответственность за причинение вреда. Многие положения в рассматриваемом аспекте остались без законодательного урегулирования. Так, например, как должны были разрешаться вопросы о возмещении вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и другие? Гражданский кодекс 1922 г. не содержал в себе и нормы, устанавливающей ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, что, на наш взгляд, являлось существенным пробелом правового регулирования в сфере возмещения вреда.

8 декабря 1961 г. были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в которых также нашли свое отражение нормы, регулирующие обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Детально регламентировала данные отношения гл. 12 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда». Важным шагом явилось установление ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Так, ч. 2 ст. 89 Основ провозглашала: «За вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия,

прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом».

В связи с принятием в 1964 г. нового Гражданского кодекса РСФСР[98] институт обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, был расширен нормами, ранее не содержавшимися в ГК РСФСР 1922 г. Наряду с этим необходимо особо подчеркнуть, что помимо Гражданского кодекса РСФСР в то время действовали и различные правовые акты, также регулирующие вопросы ответственности за причинения вреда.

Современные практические и доктринальные подходы к пониманию сущности и правовой природы гражданско-правовой ответственности имеют свои корни в научных дискуссиях советского периода.

Уже в процессе разработки ГК РСФСР 1922 г. и еще с большей настойчивостью вслед за его принятием ставится вопрос о том, что лежит в основе ответственности по советскому гражданскому праву – принцип вины или принцип причинения. Отдельные голоса в защиту принципа вины раздавались и в литературе 1920-х гг. с ориентацией главным образом на обязательства из причинения вреда[99], а иногда также на договорные обязательства[100]. Но господствующие позиции несомненно принадлежали тогда сторонникам принципа причинения, во главе которых стоял А.Г. Гойхбарг и которые в обоснование этого принципа ссылались как на текст Гражданского кодекса, так и на принадлежавшие им самим социологические соображения. В тексте ГК вместо ответственности за вину (позитивная формула) говорилось о ее неприменимости к нарушителю, который не мог предотвратить наступление вреда (негативная формула). Комментирование же этого текста опиралось на идею обусловленности компенсации любого ущерба интересами общества в целом, а отказа в его компенсации по любым мотивам – исключительно интересами причинителя. Отсюда и общий вывод о том, будто «наш кодекс… строит… ответственность за причинение вреда на социальном начале причинения, а не на индивидуальном начале вины»[101]. Для ответственности не требуется ни умысла, ни неосторожности, и возлагается она в виде санкции «за объективную связь вреда с деятельностью причинившего вред»[102]. Такое ее построение «наиболее соответствует духу советского права, которое всюду заменяет субъективные моменты объективными», а в области компенсации ущерба учитывает также, что «по общему правилу, всякий должен нести риск своей хозяйственной деятельности и своего поведения»[103].

Многие из приведенных аргументов излагались декларативно, не сопровождаемые даже видимыми попытками их обоснования. Так было с утверждением, будто в советском праве субъективные моменты сплошь заменяются моментами объективными. В иных случаях теорию причинения стремились усилить при помощи ответов на исходившие от ее критиков полемические замечания. И чтобы под их влиянием не обнаружилась вытекающая из этой теории абсолютная бесплодность правила ст. 404 ГК РСФСР 1922 г. о безвиновной ответственности владельцев источников повышенной опасности, было предложено толковать его как исключающее из числа условий ответственности не вину, а противоправность, или вообще решающее значение придавалось вопросу не об условиях, а о субъектах ответственности. Не обошлось также без рекомендаций изменить действующий закон, неукоснительно следуя началу причинения, с обязательной отменой таких юридических норм, которые, подобно ст. 403 ГК РСФСР 1922 г., умалчивали о вине причинителя, но без всяких обиняков говорили об умысле или неосторожности потерпевшего. А в то же время обязательной предпосылкой ответственности признавалась «сознательность действий причинившего вред. Причинивший не должен быть механическим орудием причинения вреда. Если кто-нибудь толкает другого так, что тот упадет на рядом стоящую корзину с хрупким стеклом, то упавший не несет ответственности перед владельцем стекла»[104]. Но этот пример, как и предваряющее его общее суждение, свидетельствуя о невозможности даже для теории причинения полностью отрешиться от начала вины, «является иллюстрацией того, что принцип причинения нашим правом не воспринят, – иначе упавший должен был бы нести ответственность»[105].

Небезынтересно, что целиком уклониться от использования отдельных элементов понятия вины не смогли не только авторы теории причинения, но и отвергавшие применимость этого понятия в советском гражданском праве другие наши ученые. П.И. Стучка, например, сообразуясь со своей идеей возможно большего сближения Гражданского кодекса с кодексом Уголовным, признавал социально вредный поступок в равной мере основанием и уголовной, и гражданской ответственности. Он решительно отказывал в аналогичной значимости как «голому», так и виновному причинению. Но все это не помешало ему подчеркнуть, что «основная работа заключается в проверке как бы отброшенного понятия вины и замене его (хотя бы частичной – раз мы должны все же считаться с понятием воли – в виде сознания и т. д.) не просто причинением, но понятием

деяния социально вредного или опасного вместе или в дополнение простой субъективной формулы о доброй вере»[106].

К сожалению, последователи П.И. Стучки не заметили этой существенной оговорки, а если и заметили, то не сделали ровно никаких предопределяемых ею выводов. Их вполне удовлетворяла гораздо более прямолинейная перспектива, питавшаяся надеждой на то, что, «став даже в уголовном праве на путь изживания принципа вины и замены его принципом социальной опасности, мы и в гражданском праве будем иметь, очевидно, постепенное изживание так называемой гражданской вины с заменой ее принципом социальной вредности»[107]. Но теперь уже дело не ограничивалось одними только теоретическими изысканиями. При разработке опубликованного в 1931 г. проекта Основных начал гражданского законодательства, которые в соответствии с сущностью двухсекторной концепции предполагалось распространить на отношения с участием граждан, были предприняты шаги к обеспечению подобным изысканиям прямого государственного санкционирования.

Как сообщал еще до опубликования проекта участвовавший в его разработке Г.Н. Амфитеатров, предполагалось ввести «понятие социально опасных и социально вредных действий в качестве объективного критерия для суждения об ответственности». А это должно было, по его мнению, означать «не только формальный разрыв с теорией вины и причинения, но и открытое объявление войны им»[108], хотя при более спокойном анализе с очевидностью выясняется, что «объявленная война» практически свелась к замене принципа вины лишь несколько обновленным в духе социологической школы уголовного права принципом причинения. Что же касается планово-договорных обязательств, согласно прогнозу Г.Н. Амфитеатрова, вместо вины «критерием ответственности должна стать степень использования данным предприятием хозрасчетных возможностей для выполнения плана, степень овладения хозяйственной инициативой, степень умения правильно, по-хозрасчетному организовать руководство своей оперативной работой»[109]. Сказанное, однако, не может иметь никакого иного смысла, кроме того, что если хозорган использовал все хозрасчетные возможности, но выполнить договор ему не удалось, неисполнение должно считаться обусловленным такими обстоятельствами, предотвратить которые он был не в состоянии, а следовательно, ответственность исключается его невиновностью в полном согласии с буквой и смыслом действовавшего тогда гражданского закона (ст. 118 ГК РСФСР 1922 г.). Стало быть, отличаясь от критерия вины словесно, новый критерий Г.Н.

Амфитеатрова обнаруживал сходство с ним по существу, что подтверждали также слова предостережения, обращенные к тем, кто хотел бы превратить гражданскую ответственность в «какое-то “возмездие” за самый факт нарушения обязательства независимо от причин, которыми оно (нарушение) вызвано»[110]. И отнюдь не исключено, что благодаря такому сходству Г. Н. Амфитеатров в конце 1930-х гг. без особых колебаний воспринял принцип вины[111], а в середине 1930-х гг. продолжал освещать гражданскую ответственность в духе двухсекторной теории, хотя к тому времени он уже целиком стоял на позициях теории единого хозяйственного права[112].

В условиях господства хозяйственно-правовой теории вина, как и прежде, причислялась к разряду буржуазных правовых идей, некритически заимствованных советскими гражданскими кодексами[113]. А поскольку подлинная научная теория вины никем этому ошибочному тезису тогда не противополагалась, сила кажущейся его неоспоримости производила известное впечатление даже на тех, кто был далек в принципе от выражения хозяйственному праву каких-либо симпатий. Так произошло, например, с А.В. Венедиктовым, когда исследование проблем договорной дисциплины в промышленности привело его к мысли о том, что требование полного и безусловного выполнения плановых заданий, распространенное на плановые договоры, исключает безответственность даже невиновного договорного контрагента и, таким образом, сама объективная несовместимость начала вины с планово-хозяйственными связями должна была побудить «советское право… принцип вины заменить принципиальной недопустимостью освобождения от ответственности за неисполнение обязательства в обобществленном секторе»[114]. Но стоило тому же автору перейти от вины к понятиям случая и непреодолимой силы, как он потребовал замены этих понятий основанной на принципе вины общей законодательной директивой об освобождении должника от ответственности всякий раз, «когда невозможность исполнения создается вне зависимости от каких-либо производственно-технических и организационно-хозяйственных дефектов в работе неисправного контрагента и когда он не в состоянии устранить создавшихся препятствий, несмотря на использование всех имеющихся у него как хозрасчетного предприятия возможностей»[115].

Итак, следовательно, к какому бы теоретическому обоснованию безвиновной ответственности мы ни обращались, повсюду заявляет о себе бьющая в глаза несогласованность между абстрактно построенным силлогизмом и применением его к

отдельным жизненным ситуациям. Но в этом нет ничего удивительного. Сама многократная повторяемость отмеченного противоречия, предупреждая об ущербности принципа причинения, была провозвестницей широкого торжества и едва ли не единодушного признания, уготованного в недалеком будущем принципу вины.

Уже в учебнике по гражданскому праву 1938 г. правило ст. 118 ГК РСФСР относительно договорной ответственности толковалось в том смысле, что ответственность исключается, «если нарушение договорного обязательства вызвано обстоятельством, лежащим вне воли и возможности должника (т. е. если нарушение договорного обязательства произошло не по вине должника)»[116]. При анализе деликтной ответственности тот же учебник помимо аналогичного истолкования ст. 403 ГК РСФСР подверг развернутой критике теорию причинения, со всей определенностью подчеркнув, что «экономические последствия виновных действий должны ложиться на виновного. Но если причинитель действовал без вины, то возлагать на него эти последствия было бы нецелесообразно. Человек был бы задавлен последствиями таких действий, в отношении которых ему нельзя сделать упрека даже в неосторожности. В результате началось бы снижение человеческой активности, упадочность человеческой психики, притупление чувства ответственности за свои действия»[117]. Таковы далеко не исчерпывающие отрицательные последствия практического использования начала причинения. А после того как они были выявлены, цивилистическая доктрина приступила к выработке обосновывающей начало вины позитивной аргументации.

Проведенное в 1939 г. на материалах деликтных обязательств первое гражданско-правовое исследование вопросов виновности без всяких колебаний провозгласило «основным принципом регулирования гражданской ответственности в советском праве… принцип вины», социальная эффективность которого увязывалась с тем жизненно важным обстоятельством, что, «вменяя кому-либо в вину его деяния, мы выражаем наше отрицательное суждение о его поведении». И если возмещение вреда «имеет своей целью реагировать на правонарушение в виде определенного вторжения в сферу прав правонарушителя и оказания воспитательного влияния на остальных членов общества, стимулируя их к правильному поведению, то отсюда абсолютно ясно, что эта ответственность… может покоиться только на принципе вины, т. е. на оценке правильности поведения причинителя»[118].

Дальнейший шаг в намеченном направлении был сделан учебником по гражданскому праву 1944 г., авторы которого не

ограничились указанием на то, что «ответственность… лишь за вину является общим правилом» и что только когда нарушитель «действовал умышленно или неосторожно, имеется достаточное основание для его ответственности», а перешли от декларативных тезисов о значении вины к созданию отражающей ее внутреннюю сущность единой теории, применимой к договорным санкциям в такой же мере, как и к возмещению причиненного вреда. «В вопросе об ответственности по обязательствам, – писали они, – … понятия вины те же, что «слово “случай” в гражданском праве обозначает отсутствие умысла и неосторожности» вообще и обычно используется как наименование для таких ситуаций, когда не может наступить ни деликтная, ни договорная ответственность»[119].

Воплотив одну из первых разработок общецивилистического учения о вине, учебник 1944 г. был одновременно и едва ли не последней из публикаций, откликавшихся критически на все еще памятную отрицательными для практики последствиями теорию причинения. Позднее эта теория если и упоминалась на страницах советской гражданско-правовой литературы, то не в актуальном, а историко-сопоставительном или даже противопоставительном плане. Только в виде исключения, лишь на почве современной хозяйственно-правовой концепции с призывом вернуться к безвиновной ответственности можно встретиться и в наши дни.

Такой характер носила, например, сравнительно частная рекомендация отказаться от принципа ответственности за вину в отношениях по поставкам, не подкрепленная, впрочем, никакими другими аргументами, кроме бездоказательной ссылки на то, что иначе становится неизбежными ослабление договорной дисциплины, снижение роли имущественных санкций в этой области»[120]. С гораздо большей степенью обобщенности адресованные законодателю аналогичные советы выводились из деления санкций на экономические, вызывающие претерпевание отрицательных последствий своей хозяйственной деятельности самим хозорганом, и юридические, реализуемые посредством переложения таких последствий на указанный в законе другой хозорган. А поскольку «отказ от взыскания убытков с должника по мотивам отсутствия его вины означает, что тем самым экономическая ответственность, убытки возлагаются на так же невиновного кредитора»[121], то для восстановления справедливости было предложено вслед за экономической освободить от обусловленности виной и юридическую ответственность. Но, не говоря уже о критике со стороны противников теории хозяйственного права[122], подобные

призывы прозвучали одиноко даже в среде ее приверженцев, подавляющее большинство которых, выступая в поддержку принципа вины, не видят для перехода к принципу причинения сколько-нибудь серьезных оснований[123].

Вместе с тем замена принципа причинения принципом вины проводилась далеко не однозначно обращавшимися к исследованию гражданско-правовой ответственности советскими цивилистами.

Х.И. Шварц, стоявший у самых истоков этого процесса, исходил из того, что Гражданский кодекс, не признающий начала причинения как общего принципа, допускает… возложение ответственности на причинителя и в том случае (имелись в виду ст. 404, 406 ГК РСФСР 1922 г.), если вред причинен им невиновно[124]. Этот взгляд, позднее названный О. А. Красавчиковым концепцией виновного начала с исключениями, безраздельно господствовал почти до самого конца 1950-х гг. В 1957 г. с его критикой выступил К. К. Яичков, по словам которого советский закон не дает поводов «утверждать, что тот или иной принцип ответственности за противоправное причинение вреда имеет какое-либо преимущественное значение перед другим», а «вина ответственного лица является лишь дополнительным условием ответственности в тех случаях, когда по закону установлена ответственность за виновное причинение вреда»[125].

Получив из уст О.А. Красавчикова наименование концепции двух начал[126], изложенные воззрения вызвали известный резонанс главным образом в работах, которые посвящены ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности[127]. Нетрудно также заметить, что поскольку среди «двух начал» вина выделяется лишь в качестве дополнительного условия ответственности, это определенным образом повышало причинение до уровня обладающего всеобщим действием основного ее условия. Тем самым концепция К.К. Яичкова как бы перекликается с суждениями С.С. Алексеева, который, опираясь на закрепленную в гражданском законе презумпцию виновности нарушителя, склонен полагать, что гражданская ответственность наступает уже при появлении свойственных составу правонарушения объективных моментов – «объективированного вредоносного результата, противоправности, причинной связи», а субъективный момент учитывается лишь при его отсутствии «в рамках особой правовой категории, приобретающей в гражданском праве специальное значение, – в рамках оснований освобождения от ответственности»[128]. Но если любой из вариантов концепции двух начал, оттесняя с теоретической авансцены принцип вины, соответственно раздвигает границы

научного восприятия для принципа причинения, то известные учению о гражданской ответственности иные веяния действовали прямо противоположным образом.

Первое из них было устремлено к утверждению всеобщего господства начала вины путем конституирования ее даже в тех случаях, для которых безвиновная ответственность допускается самим законом. Насколько успешным такой метод оказался фактически и в какой мере благодаря ему удалось, не изменяя логике, свести концы с концами, можно судить по самому изначальному и притом наиболее полному литературному его освещению. Существует деятельность такого вида, которая в самой себе ничего виновного не заключает, но, как писал М.М. Агарков, «требует повышенной бдительности. Такая деятельность и является основанием для возложения на лиц и предприятия, которые ею занимаются, ответственности по ст. 404 ГК (1922), т. е. ответственности не только за вину, но и за случай». Казалось бы, ясно, что единственно возможным основанием ответственности вина не является. Но дальше: «Возлагая такую ответственность, закон стимулирует принятие повышенных мер предосторожности со стороны лиц и предприятий, на которые распространяется ст. 404 ГК». Как будто бы не менее ясно, что ответственность наступает лишь за вину, выраженную хотя бы в несоблюдении повышенных мер предосторожности. Однако оба эти предельно ясных положения превращаются в обоюдную неясность, как только читатель доходит до сообщаемого ему конечного вывода: «Таким образом, ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, не вводит в наше право какого-либо нового принципа построения гражданской ответственности наряду с принципом вины. Статья 404 создает лишь по практическим соображениям изъятие из принципа вины»[129].

Второе веяние, пришедшее в общую теорию права к середине 1950-х гг.[130], переносится на цивилистическую (как и хозяйственно-правовую) почву в 1960-х гг.[131]. Суть его состоит в возвеличении принципа вины до пьедестала единственного морально оправданного основания юридической ответственности, и делается это с такой непререкаемостью, какая сообразуется лишь с почти афористическим изречением О. А. Красавчикова, что «если нет вины, то, естественно, нет и ответственности». Там же, где, по указанию закона, обращенному, например, к владельцам источников повышенной опасности, компенсационные обязанности возлагаются независимо от вины, они означают, что вместо ответственности «возмещение вреда происходит по системе риска»[132]. Почему обязательство по

возмещению ущерба невиновным причинителем однородно страховому обязательству, несмотря на различия в основаниях, субъектах и объеме, но разнородно с ответственностью, несмотря на сходство оснований при тождестве субъектов и объема, – этот вопрос внимания сторонников изложенных воззрений к себе не привлек. Осталась незамеченной также логическая несопоставимость ответственности и риска в том плане, в каком они разграничиваются процитированными высказываниями. Действительно, раз речь идет не о дозволенном, а о любом вообще риске, его нельзя определить иначе как возможное или вероятное зло, принимаемое на себя тем, на кого оно в силу установленного порядка должно быть возложено. Поэтому ответственность так же обнимается понятием риска, как и выводимое за ее пределы всякое иное возмещение вреда. А поскольку риск и ответственность соотносятся друг с другом как род с видом, противопоставление «рисковых» и «ответственных» компенсаций способно прояснить существо вопроса не больше, чем любая иная подмена родовыми понятиями видовых.

Третье веяние, лишь самым отдаленным намеком предвосхищенное литературой 1920-х гг.[133], стало достаточно ощутимо только благодаря публикациям начала 1970-х гг. Обуреваемые им авторы также считают, что вне субъективных предпосылок юридическая ответственность в подлинном смысле исключена. Но наряду с виной такие предпосылки могут, по их мнению, состоять и в риске, под которым подразумевается не эвентуальность претерпевания вероятного зла, а то, что житейски называют «идти на риск», отдавая себе отчет в совершаемых поступках. Это позволило В.А. Ойгензихту определить риск как «психическое отношение» лица к своей или чужой деятельности, «выражающееся в сознательном допущении отрицательных последствий», с тем, что вне сочетания с противоправными действиями (например, при страховании) он может служить основанием распределения убытков, а в соединении с противоправностью (например, при причинении вреда источником повышенной опасности) «риск является основанием ответственности»[134]. «Когда владелец автомашины, – пишет развивающий те же взгляды С.Н. Братусь, – садится за ее руль, он весьма отчетливо осознает ту опасность, которую она представляет для пешеходов, для других средств транспорта. Он отдает себе отчет в том, что возможны неустранимые по его воле несчастные случаи, вызванные движением его автомашины, и что он будет обязан возместить причиненный этим движением вред. Следовательно, субъективное основание ответственности налицо. Владелец автомашины сознательно избрал тот вариант

поведения, за нежелательные последствия которого он несет ответственность, хотя его вины нет»[135].

Между тем если бы уже в результате выбора поведения, последствия которого могут быть вменены деятелю независимо от его вины, появлялись субъективные предпосылки ответственности, их не устранила бы и всеобщая замена принципа вины принципом причинения. А в таком случае концепция риска, выдвинутая для субъективизации ответственности, превращается в прямую свою противоположность, теоретически оправдывая какое угодно ее обоснование. Не подлежит также сомнению, что совершающий противоправно-виновные поступки идет еще на больший риск, чем тот, кто избирает деятельность, сопровождаемую мерами безвиновной ответственности. И если сравнительно с виной родовое значение риска менее заметно, чем при противопоставлении ответственности, то не потому, что его не существует, а вследствие образования наряду с широким узкого понятия риска, соотносимого исключительно со сферой дозволенной деятельности.

Дискуссия, таким образом, продолжается. Но ведут ее уже в условиях, когда вина как обязательный, преимущественный или возможный элемент состава гражданского правонарушения признается всеми. Это обстоятельство отразилось на решении многих конкретных вопросов.

Пока ответственность сопрягалась с принципом причинения, практическая надобность размежевания вины, случая и непреодолимой силы со всей серьезностью о себе не заявляла. В 1920-1930-х гг. к этому обращались лишь отдельные из немногочисленных глашатаев принципа вины. Но и в их среде оригинальные сравнительно с западноевропейской цивилистикой соображения удалось высказать только И.П. Либбе, когда он определил непреодолимую силу как «непредвиденное событие, возникшее вне круга деятельности предприятия, наступление и последствия которого не могут быть предотвращены мерами, совместимыми с хозяйственным успехом предприятия»[136].

После теоретического постановления вины в действительной ее значимости положение меняется коренным образом. Свет увидела целая серия работ по исследованию исключающих вину случайных и форсмажорных обстоятельств с размежеванием их специально для такой ответственности, которая, простираясь до границ непреодолимой силы, не устраняется простым казусом. Толчок к одному из направлений указанного исследования был дан Д.М. Решенным, связывавшим непреодолимую силу с объективно-случайной причинностью[137], а его

единомышленники распространяли подобным же образом сформулированное понятие либо на все[138], либо только на природные явления[139]. Другое направление, ориентируясь на соединенность непреодолимой силы с чрезвычайными, объективно неустранимыми в конкретной или однородной ситуации факторами, выводило ее либо только из внешних для деятельности нарушителя источников[140], либо также из особенностей деятельности самого нарушителя[141].

В условиях почти безраздельного господства принципа причинения отсутствовали требуемые предпосылки и для научного анализа вопроса о влиянии вины на объем ответственности. В 1920-1930-х гг. известное внимание было уделено лишь уменьшению размера взыскиваемых с нарушителя платежей соответственно виновности потерпевшего в обязательствах из причинения вреда[142] или учитывая непринятие кредитором по хозяйственному обязательству всех возможных мер к обеспечению бесперебойности своей работы, несмотря на неисправность, допущенную должником[143].

Но как только от принципа причинения советская цивилистическая теория перешла к принципу вины, почва для прослеживания многогранных связей между виновностью и ответственностью сразу же существенно расширилась. Возникла даже идея при допускаемой нарушителем легкой неосторожности соразмерять объем компенсаций с тяжестью его собственной вины. Согласно одной рекомендации, это было бы возможно при исключительных обстоятельствах, «например в случаях повреждения ценной вещи»[144], а соответственно другой следовало бы для тех же оснований ввести общее правило о «снижении суммы подлежащих уплате штрафных санкций или суммы подлежащих возмещению убытков»[145]. Однако, как указывали противники запроектированных нововведений, вина в гражданском праве должна служить условием ответственности, но не мерой, определяющей ее объем, а «попытки соразмерять пределы гражданской ответственности со степенью вины причинителя вводят в гражданско-правовые отношения чуждый им элемент уголовно-правового характера»[146].

Помимо охарактеризованных также и многие другие цивилистические проблемы предстали перед наукой в новом своем ракурсе под воздействием изменившихся взглядов на важнейшие начала гражданской ответственности. Но, разумеется, центральной среди них была и остается самая общая проблема, продиктованная настоятельной потребностью теоретического отражения этой ответственности в едином научном понятии.

Как следует из изложенного, становление института

ответственности за причинение вреда на территории России происходило в течение нескольких тысячелетий. Первые нормы, регулирующие вопросы возмещения вреда, отмечались своей фрагментарностью, это проявляется прежде всего в том, что они содержались в различных правовых актах, в то время еще не существовало как такового института ответственности за причинение вреда[147]. Лишь дальнейшее развитие древнерусского права привело к появлению новой отрасли права – гражданского права и одного из его важнейших институтов – обязательства из причинения вреда. Впервые нормы данного института нашли свое отражение в Своде законов Российской империи от 1835 г.

Принципиально новые подходы к проблеме возмещения вреда появились в связи с изменениями в государственной и правовой системе с 1917 г. В 1922 г. впервые в истории российского законодательства был принят Гражданский кодекс РСФСР, в котором в отдельную главу были выделены обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. Из определения ст. 403 ГК РСФСР можно сделать вывод о том, что в данный период вред возмещался только физическому лицу, возмещение морального вреда не предусматривалось. Нельзя не отметить и то, что впервые ГК РСФСР предусмотрел и ответственность за вред, причиненный неправомерными служебными действиями должностных лиц, что также явилось важным шагом на пути становления и развития института причинения вреда.

Несмотря на то, что данным институтом в это время не в полной мере были урегулированы вопросы из причинения вреда, многие положения в рассматриваемом аспекте остались без законодательного регулирования, его действия в целом способствовали осуществлению важных задач по рассматриваемой нами проблеме.

2.5. Проблемы позитивной ответственности

Среди теоретических проблем гражданско-правовой ответственности одно из центральных мест занимает вопрос о так называемой «позитивной ответственности». В последние время наметилось стремление понимать юридическую ответственность широко: это и осознание правового поведения в правовой сфере, его последствий и социальной значимости (чувство долга); это и общественное отношение, характеризующее взаимосвязь, взаимозависимость индивида и общества; это и обязанность субъекта права действовать в рамках правовых предписаний. Сторонники широкого понимания юридической ответственности выделяют в ней две составляющих: позитивную (или проспективную) ответственность, состоящую в обязанности добросовестно реализовывать определенную правом деятельность, и негативную (или ретроспективную) ответственность, наступающую в виде неблагоприятных последствий за невыполнение возложенных функций[148].

Как отмечает Д.А. Липинский, «Юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, следовательно, имеет две формы реализации: государственно-принудительную (негативную) и добровольную (позитивную)»[149].

Если негативная юридическая ответственность главным образом обращена в прошлое, ибо наступает в результате нарушения долга, неисполнения юридической обязанности, и потому часто называется ретроспективной, то позитивная юридическая ответственность выступает в качестве регулятора общественных отношений в настоящем и будущем. Так как оба аспекта юридической ответственности диалектически взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, то, по меткому замечанию Т.Д. Зражевской, исключительно ретроспективный подход не может полностью раскрыть роль правовой ответственности и потому в качестве юридического следует рассматривать и перспективный аспект[150].

Следовательно, юридическая ответственность как форма социальной ответственности имеет различные стороны проявления и должна рассматриваться комплексно.

Как отмечает ДА. Липинский, юридическая ответственность, как и любой другой вид социальной ответственности, едина и включает в себя как ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную ответственность), так и ответственность за прошлое противоправное поведение

(негативную, государственно-принудительную ответственность). Отличительные черты и свойства, которые выделяют юридическую ответственность среди других видов социальной ответственности, не вступают в противоречие с общими свойствами социальной ответственности. Утверждать, что у юридической ответственности отсутствует добровольная форма реализации, равнозначно тому, чтобы признать юридическую ответственность не разновидностью социальной ответственности, а неким особым «несоциальным видом» и исключить ее из системы регулирования общественных отношений.

Регулирование юридической ответственности происходит путем установления управомоченного и обязанного поведения, запретов или велений совершать или не совершать определенные действия, а норма права выступает эталоном возможного или должного поведения. По этому эталону определяется правомерность или противоправность действий, а правовая ответственность формализуется правовыми нормами, устанавливается ими. Установление статутной (единой) ответственности имеет место до факта правомерного или противоправного поведения. Статутная ответственность – это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством необходимость (обязанность) осознанного и добровольного выполнения правовых предписаний участниками правоотношений. Она выполняет конструктивно-регулятивную функцию, является образцом (конструкцией, моделью) действительно ответственного и должного поведения»[151]. Позитивный и негативный аспекты (формы) реализации юридической ответственности представляют собой отношение субъектов правоотношений к статутной ответственности. Противники позитивной юридической ответственности не могут в данном случае утверждать, что она лишена юридического содержания. Юридическая ответственность едина, но имеет различные аспекты (формы) реализации. «Право – не только мера юридической свободы, но и мера юридической ответственности. Это корреляционные категории… ответственность – такая же объективная необходимость, как и свобода»[152].

Позитивная ответственность находит закрепление в современном законодательстве. Например, согласно ст. 152 УПК РФ, судьи и народные заседатели несут ответственность перед теми, кто их избрал, за правильное исполнение своих обязанностей, а следователь, в соответствии со ст. 127, несет полную ответственности за законное и своевременное осуществление следственных действий. Ст. 2 Конституции Республики Беларусь устанавливает: «Государство ответственно

перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией»[153].

Позитивная ответственность сопряжена со свободой личности, т. е. возможностью выбрать свою линию поведения, самостоятельно определить направленность своих поступков [154] При таком подходе свобода выступает как осознанная и ответственная деятельность, основанная на познании необходимости и свободном выборе. Свободный выбор цели и средств ее достижения предполагают ответственность соответствующих субъектов. Правильное понимание гражданином, должностным лицом возложенных на него обязанностей, обусловливающих надлежащее отношение к обществу, другим лицам, составляет субъективную сторону рассматриваемого аспекта юридической ответственности. Объективная сторона выражается в поведении, основанном на внутренних побудительных мотивах – чувстве долга, гражданственности. Все это предполагает правомерное социально активное поведение соответствующих субъектов, следовательно, юридическую ответственность нельзя представлять только как меру воздействия за правонарушение. Она будет неполной без позитивных элементов, которые способствуют сознательному и активному выбору субъектами моделей правомерного поведения.

Возникновение в отечественной юридической науке первых подходов к пониманию юридической ответственности как комплексного явления было связано с понятием ответственного поведения. Как писал Н.И. Матузов, «Ответственное поведение – это такое поведение, которое характеризуется глубоким осознанием необходимости следовать требованиям правовых и моральных норм, уважением к закону, праву и предполагает активное влияние на ход событий, вклад в общее дело, в развитие общества»[155].

Еще одна точка зрения рассматривала позитивную ответственность как «неуклонное и добросовестное исполнение своих обязанностей лицом, на которое эти обязанности возложены в силу закона»[156]. Данное определение делает акцент на моральной стороне позитивной ответственности, на определенном отождествлении права и закона.

С нашей точки зрения, нельзя ограничивать позитивную ответственность только ее морально-нравственной составляющей, но, в то же время, нормы морали играют в позитивной ответственности важную роль. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, позитивную ответственность следует рассматривать как

обязанность субъекта права давать отчет в своих действиях[157]. Согласно данной точке зрения, «Позитивная ответственность означает понимание ее субъектом того груза, который он несет на своих плечах, понимание того, что придется нести определенные лишения, если он не справится с возложенной задачей»[158].

В советском праве позитивная юридическая ответственность рассматривалась как особое состояние индивида, связанное с глубоким пониманием им интересов общества и государства, активным исполнением им своих обязанностей, то есть акцентировалось внимание на субъективной стороне поведения[159]. Такой подход характерен также для законодательства Китайской народной республики, действующая Конституция которой говорит о моральном долге, обязанности действовать в интересах отечества, соблюдать научный подход и т. д.

Сегодня концепция позитивной ответственности, с одной стороны, находит все больше сторонников среди отечественных правоведов[160], с другой стороны, подвергается серьезной критике. Так, например, Р.Л. Иванов пишет о концепции позитивной ответственности, что «указанный подход является апологией, казалось бы, давно отвергнутой цивилизованным обществом идеи юридической ответственности за образ мыслей и чувств, широко представленный в европейских памятниках средневекового права[161]. Такое положение заставляет исследователей заниматься дальнейшим анализом теоретических проблем позитивной ответственности, результатом чего стало смещение акцентов с субъективной стороны поведения на объективную сторону человеческой деятельности. Под позитивной ответственностью предлагается понимать любое правомерное поведение, связанное с исполнением обязанностей[162]. Такой подход также вызывает справедливую критику, так как вопросы правомерного поведения вполне успешно могут быть рассмотрены вне понятия позитивной ответственности, без подмены одного понятия другим.

Противоречие существующих точек зрения объясняется тем, что к проблемам позитивной ответственности исследователи нередко подходят с тех же позиций, с которых они анализируют негативную ответственность. Как справедливо указывает А.С. Булатов, «к позитивной ответственности нельзя подходить с мерками негативной, так как с этих позиций ее не понять. Это особый феномен, выражающий иные связи и отношения. Соответственно здесь должны применяться другие оценки и критерии. В противном случае можно было бы довольствоваться одной лишь ретроспективной ответственностью»[163].

По нашему мнению, логично говорить о юридической ответственности в узком и в широком смысле.

Рассматривая юридическую ответственность в узком смысле, следует согласиться с теми авторами, которые определяют ее как предусмотренную санкцией правовой нормы меру государственного воздействия на лицо, виновное в совершении правонарушения, и предусматривающую для данного лица определенные лишения материального, личного или организационного характера.

Юридическая ответственность в широком смысле – это государственно-правовая оценка поведения субъектов права с возложением на них позитивных или негативных санкций.

Такая ответственность может быть классифицирована как негативная, которая и представляет собой юридическую ответственность в узком смысле, и позитивную, под которой диссертант понимает урегулированное нормами права отношение личности, общества и государства, которое проявляется в праве общества и государства требовать от всех субъектов исполнения конкретных юридических обязанностей и соблюдения правомерного поведения. Позитивная ответственность реализует функцию права как регулятора правомерного поведения, и потому является неотъемлемой частью юридической ответственности. В этом проявляется диалектическое единство дополняющих друг друга аспектов юридической ответственности.

Представляется обоснованной позиция Б.Т. Базылева, который пишет: «По своему содержанию позитивная юридическая ответственность есть такая связь, в рамках которой государство, действуя от имени общества, формулирует абстрактную обязанность всех субъектов исполнять конкретные юридические обязанности, а само выступает субъектом, имеющим право требовать исполнения этой обязанности»[164]. Д.А. Липинский, говоря о единстве позитивных и негативных начал в юридической ответственности, характеризует позитивную ответственность как обязанность соблюдать требования, предусмотренные нормами права[165].

По мере развития государства и общества по пути демократии, по мере формирования гражданского общества акценты юридической ответственности трансформируются. Если на предшествующих этапах развития права сфера ответственности лежала, в основном, в рамках взаимоотношений личности и государства, то сегодня можно говорить об усилении ответственности личности перед обществом. Расширение прав личности и гарантий их реализации одновременно повышают ответственность граждан перед обществом, и эта ответственность

уже не укладывается в рамки негативной ответственности.

Следовательно, позитивная ответственность – это ответственность граждан перед обществом и государством, проявляющаяся в осознании ими своих прав и обязанностей и реализации их посредством правомерного поведения. В данном контексте ее можно рассматривать как общественное отношение, характеризующее взаимосвязь индивида и общества.

Далеко не все авторы признают позитивную ответственность применительно к гражданскому праву. Например, О.Н. Ермолова пишет: «Принято выделять два вида ответственности – перспективную (позитивную, проспективную, активную) и ретроспективную. Проспективная ответственность раскрывается как действование с учетом интересов других лиц, ретроспективная – как несение бремени по восстановлению нарушенных прав. Праву как явлению, имеющему дело с последствиями нарушения баланса интересов, присущ только второй вид ответственности. Действование без нарушения не есть область права. Право – территория нарушения баланса, сфера дисгармонии»[166].

С подобной позицией нельзя полностью согласиться. С точки зрения теории права, у права есть две внутренних функции: регулятивная и охранительная. Процитированный выше автор фактически пытается свести право только к его охранительной функции, тем самым суживая сферу правового регулирования. В то же время, нормы права закрепляют определенные общественные отношения, регулируют их, устанавливают правила правомочного поведения, определяют права и обязанности. В подтверждение своей точки зрения сошлемся на Ю.Х. Калмыкова, который писал: «Регулятивная регламентирует имущественные и личные неимущественные отношения в их нормальном, если так можно выразиться, должном и соответствующим нормам права состоянии, когда правоотношение «живет» предусмотренной законом жизнью, а его участники не отклоняются от предусмотренного нормой варианта поведения. Охранительные правоотношения возникают в случаях, когда нормальный ход, обычная «жизнь» правоотношения нарушается одним из его участников»[167].

Представляется более взвешенной точка зрения В.А. Тархова, который полагает, что имеется два аспекта ответственности: перспективный и ретроспективный, и понимает под ответственностью «обязанность давать отчет в своих действиях»[168]. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие ученые, например, профессор В.А. Хохлов[169].

На основе вышесказанного Д.А. Пашенцев предложил

сформулировать понятие позитивной ответственности в гражданском праве следующим образом: Позитивная ответственность в гражданском праве представляет собой ответственность субъекта гражданских правоотношений перед другими субъектами, проявляющуюся в осознании им своих обязанностей, вытекающих из договора или закона, и реализуемую посредством правомерного поведения[170].

Понятие позитивной ответственности неразрывно связано с понятием социальной ответственности, является одной из ее форм, так как регламентирование социальной ответственности юридическими нормами «сообщает ей новое качество, переводит в разряд правовых явлений»[171].

Каждый человек свободен определять свое поведение на основе присущих ему ценностных ориентиров, но в правовых рамках, устанавливаемых государством. Позитивная ответственность оказывает воздействие на выбор вариантов поведения и их реализацию, выступает важным элементом механизма регулирования и контроля поведения человека. Она выражает зависимость личности от общества и государства, отражает понимание человеком сущность предъявляемых к нему требований, осознание их справедливости и необходимости. Отношения социальной ответственности личности перед обществом формализуются посредством права и выражаются в позитивной ответственности.

Глава 3
Условия и основания гражданско-правовой ответственности

3.1. Правонарушение как основание гражданско-правовой ответственности

Гражданско-правовая ответственность имеет не только социальные, но и юридические основания. Их нельзя оставить без рассмотрения, учитывая, что, во-первых, гражданско-правовая ответственность – это юридический феномен, во-вторых, в рамках социологического подхода к праву социальные и юридические основания ответственности тесно взаимосвязаны, представляют собой две стороны единого целого.

По мнению О.А. Символокова, выделяются два подхода к определению основания гражданско-правовой ответственности. «Согласно первому подходу основанием выступают условия ответственности (состав правонарушения), согласно второму – основание и условия ответственности различаются. Здесь в качестве основания ответственности выступает правонарушение, но при этом также необходимо наличие некоторых условий»[172].

Основанием юридической ответственности, объективирующим ее фактором, выступает правонарушение, то есть виновное общественно опасное деяние, нарушающее норму права. Применительно к гражданско-правовой ответственности ее юридическим основанием выступает нарушение норм гражданского права, то есть гражданское правонарушение.

Гражданское правонарушение – это противоправное действие в сфере гражданских правоотношений. В российской частноправовой доктрине литературе не выработано единого подхода к понятию гражданского правонарушения. Еще И. А. Покровский указывал, что «определение того, что такое гражданское правонарушение, представляет свои – и притом чрезвычайные – трудности»[173].

Правонарушение есть проявление определенной воли субъекта. Эта воля может быть направлена как на совершение какого-либо запрещенного нормами права действия, так и на не совершение предписанного действия. Воля субъекта, направленная на нарушение норм гражданского права, складывается под воздействием целой совокупности факторов, среди которых не последнюю роль играют факторы социальные. Субъект выступает в гражданских правоотношениях не просто как безликий носитель прав и обязанностей, он является личностью, сформировавшейся под воздействием социальной реальности, и его поступки в правовом поле детерминированы не только внутренними психическими побуждениями, которые тоже играют

важную роль, но и этой реальностью.

Будучи объективным фактом действительности, человеческое действие является, по общему правилу, сознательным волевым актом. Сознательная же деятельность человека обычно характеризуется целеустремленностью действий и прогнозированием их результатов. Но нельзя не учитывать и воздействие социума, которое для самого субъекта может быть и неявным.

Состав гражданского правонарушения состоит из субъекта, объекта, субъективной и объективной стороны.

Субъективную и объективную стороны гражданского правонарушения необходимо рассматривать комплексно, как две взаимосвязанные стороны одного явления.

Психические мотивы проявляются в действиях, сами по себе, не реализованные в поступках, они безразличны для гражданского права. С другой стороны, действия и их объективные результаты, взятые независимо от субъективного состояния осуществившего их лица, также теряют свое правовое значение. Одни и те же действия, порождающие внешне одинаковые последствия, могут вызвать или не вызвать правового реагирования в зависимости от того, задевают или не задевают они установленный правопорядок, сопутствует ли им вина субъекта.

Правонарушения конструируются законодателем. Многие действия признаются противоправным в одних условиях и, напротив, поощряются обществом в других. В качестве примера приведем «спекуляцию» как противоправное действие в период Советского Союза и поощряемое занятие – «бизнес» в условиях современной России.

Сказанное о противоправном действии в полной мере относится и к противоправному бездействию, которое тоже может приводить к определенным вредным для общества последствиям.

В правовом смысле бездействие представляет собой не совершение конкретного действия, т. е. такого действия, которое предписывалось данному субъекту, вменялось ему в обязанность. Именно в этом качестве бездействие, как и действие, может трактоваться как противоправное поведение лица, заключающееся в воздержании от определенных действий.

Бездействие, как и действие, может сопровождаться волевыми и психическими переживаниями субъекта.

В гражданском праве противоправные бездействия по своему объему занимают более значимое место, чем в праве уголовном. Если в уголовном праве случаи преступного бездействия представляют собой довольно небольшой перечень, и главную

рол играют именно виновные действия лица, совершившего преступление, то в гражданском праве, особенно в той его части, которая посвящена договорам, противоправные бездействия имеют порой гораздо большее значение, чем действия. Именно в этом контексте говорится об ответственности за неисполнение обязательств, когда такое неисполнение является результатом противоправного бездействия должника. Важное значение приобретает установление причинной связи между бездействием в виде неисполнения договора и наступившим неблагоприятным результатом в виде убытка.

Гражданские правонарушения отличаются от уголовных преступления, прежде всего, своим объектом, а также степенью общественной опасности. И если социальные основания уголовной ответственности формируются на основе интересов личности, то социальные основания гражданско-правовой ответственности складываются на базе интересов собственности, а точнее, права собственности.

Так как объектом всех противоправных деяний выступают общественные отношения, то и некоторые уголовные преступления, и гражданские правонарушения могут посягать на отношения в сфере собственности. В этом можно усмотреть некоторый элемент сходства между ними.

В уголовно-правовой доктрине принято считать, что преступные действия нарушают объективное право, то есть нормы Уголовного кодекса. Гражданские правонарушения направлены не только против норм объективного права, но также и против субъективных прав граждан и юридических лиц как субъектов гражданского права.

Некоторые уголовные преступления также могут сопровождаться нарушением субъективных прав. Такое противоправное действие, повлекшее за собой нарушение субъективных гражданских прав, во всех этих случаях не перестает быть преступным. Тот факт, что оно в совокупности с другими элементами состава правонарушения влечет не только личную, но и материальную ответственность (гражданский иск в уголовном деле), не означает, что оно тем самым превращается в гражданское правонарушение.

Такое сочетание личной и имущественной ответственности в случаях, когда преступным действием нарушено не только объективное, но и субъективное право, не отражается на специфике гражданских противоправных действий. Субъект, нарушая объективное право в виде гражданского законодательства, вместе с тем всегда одновременно нарушает субъективные права граждан и юридических лиц. Напротив,

уголовные противоправные действия всегда являются нарушением только объективного права и только в относительно нечастых случаях также и нарушением субъективных гражданских прав. В этом заключается важная особенность гражданских правонарушений, отличающая их от уголовных преступлений.

Еще одним важным признаком гражданских правонарушений является степень их общественной опасности.

Любое правонарушение – гражданское, административное, дисциплинарное и т. д. – содержит в себе общественную опасность, так как оно посягает на те или иные коллективные, общественные интересы. Посягая на имущество одного члена общества, мы тем самым посягаем на коллективный интерес, воплощенный в праве собственности. Не только кража является посягательством на право собственности, но и неисполнение договора, причинение вреда чужому имуществу и т. д.

Гражданские правонарушения конструируются государством; механизмом такого конструирования выступает гражданское законодательство, а в ряде случаев и гражданское право. Государство объявляет определенные действия противоправными и устанавливает за них гражданско-правовую ответственность.

В процессе конструирования механизма гражданско-правовой ответственности законодатель учитывает, что гражданские правонарушения имеют меньшую общественную опасность, чем уголовные преступления. Определенные деяния признаются гражданскими правонарушениями государством, которое исходит из объективных характеристик этих деяний.

В то же время, в гражданском праве встречаются такие объективно противоправные действия, которые хотя и содержат все признаки противоправности, но в действительности не являются ни опасными, ни противоправными. К подобного рода действиям относятся, в частности, действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. Их наличие показывает сконструированный характер системы гражданских правонарушений и контекстуальность их признаков.

Под действиями, совершенными в состоянии необходимой обороны, понимаются такие действия, которые произведены в целях защиты от посягательств на интересы государства либо на личные интересы, а также на интересы других граждан и юридических лиц. Действия эти наносят вред посягателю, но этот вред признается правомерным и не подлежит возмещению. Такие действия соответственно не влекут за собой реакцию государства в виде гражданско-правовой ответственности.

Под действиями, совершенными в состоянии крайней необходимости, имеются в виду такие, которые осуществлены в

целях предотвращения грозящей опасности. Действия эти также наносят вред, но не лицу, от которого грозит опасность, как при необходимой обороне, а третьим лицам, не имеющим отношения к источнику опасности и не причастным к происходящим событиям. Эти действия не признаются противоправными, так как законодательство не запрещает защищать как свои, так и чужие законные интересы при соблюдении определенных условий.

Ситуация крайней необходимости в своей основе имеет противоречие двух охраняемых гражданским правом интересов, и сохранение одного из них может быть достигнуто только путем нарушения другого.

Закономерно возникает вопрос о том, обязано ли лицо, которое совершило определенные действия в состоянии крайней необходимости и тем самым защитило свой или чужой законный интерес, но при этом причинило материальный вред третьему лицу, возместить этот вред? Как уже было сказано, в соответствии с гражданским законодательством состояние крайней необходимости устраняет факт противоправности вредных действий. Но должно ли потерпевшее лицо принимать на себя цену избавления другого лица от угрожавшей ему опасности? Этот вопрос не нашел окончательного разрешения в доктрине и практике, но многие авторы считают целесообразным признать необходимость возмещения вреда лицом, которое причинило его.

Гражданские правонарушения имеют сложную природу, в которой сочетаются как правовые, так и социальные аспекты. Это позволяет говорить о социально-правовой природе таких правонарушений.

Важнейшим элементом гражданских правонарушений является их общественная опасность. Она выражается в самом деянии правонарушителя, в последствиях этого деяния и потому имеет объективный характер. Н.С. Таганцев, характеризуя опасность, полагал, что она существует объективно, независимо от факта осознания ее виновным субъектом, от характера его психического отношения к последствиям своего преступного деяния[174]. И хотя вывод известного дореволюционного профессора относится к опасности в уголовном праве, он вполне применим и к праву гражданскому.

В отечественной цивилистической доктрине понятие общественной опасности деяния применительно к гражданско-правовой сфере общественных отношений практически не исследуется. Основное внимание ученых сосредоточенно на анализе результатов общественно опасных деяний, в качестве которых исследуются различные виды имущественного и морального вреда, причиняемого в договорных и деликтных

правоотношениях.

В отечественной юридической литературе обсуждался вопрос о том, является ли общественная опасность признаком преступлений или всех видов правонарушений. Сегодня преобладает позиция, в соответствии с которой все правонарушения, в том числе и гражданские, в той или иной степени признаются общественно опасными. Как писал Н.С. Малеин, «Безвредных или безразличных для государства, общества граждан правонарушений не существует, а, следовательно, не может быть иных (общественно «полезных», «безопасных») правонарушений, кроме общественно опасных»[175]. В то же время, исключение общественной опасности из числа признаков гражданских правонарушений с необходимостью ведет к абсурдному, но логичному заключению о существовании юридической ответственности в сфере гражданско-правового регулирования за деяния, которые не представляют никакой опасности для личности, общества и государства[176].

Правонарушение всегда имеет антисоциальный характер, оно связано с посягательством на общественно значимые ценности, с ущемлением частных и общественных интересов. В конечном итоге, правонарушение посягает на базовые основы существования и развития общества. Общественно опасные деяния причиняют особый социальный вред своей типичностью и распространенностью.

В гражданско-правовой науке главное внимание сосредоточивается на исследовании гражданско-правовой ответственности за реальный вред, в том числе в виде убытков, причиняемый участникам договорных и деликтных правоотношений. Общественное опасности уделяется гораздо меньше внимания. В Гражданском кодексе Российской Федерации понятие общественной опасности также отсутствует. По мнению В. Л. Слесарева, отличие опасности от вреда в гражданско-правовых отношениях определяется наступлением либо предполагаемым наступление последствий. Деяние, которое может причинить вред общественным отношениям, является общественно опасным; деяние, уже причинившее вред, является общественно вредным[177].

С позиций социальных оснований гражданско-правовой ответственности не столь важно, может деяние причинить вред или уже причинило. В любом случае речь идет о посягательстве на общественные интересы, которые защищает институт гражданско-правовой ответственности. Но с позиций правовых оснований имеет важное значение, причинен ли реальный вред, или еще не причинен.

Таким образом, не все общественно опасные деяния в гражданско-правовой сфере могут быть признаны общественно вредными. Более того, не все общественно опасные деяния предусмотрены действующим гражданским законодательством и, как следствие, могут выступать в качестве основания гражданско-правовой ответственности. В этом аспекте отчетливо видна разница между правовыми и социальными основаниями ответственности в гражданских правоотношениях.

В сфере гражданско-правового регулирования степень общественной опасности деяний объективно зависит от существующего типа общественных отношений. Серьезные сдвиги в процессе развития социума ведут к появлению неизвестных ранее видов общественно опасных деяний, в то же время, порой утрачивают общественную опасность ранее запрещенные законом деяния. Но этот вопрос, в конечном итоге, решает законодатель, определяя характер общественной опасности с помощью использования возможностей гражданско-правовой ответственности.

Общественная опасность какого-либо деяния в гражданско-правовой сфере связана с его потенциальной вредностью для общественных отношений, которая обусловлена самой сущностью этих отношений и определяется особенностями их развития на данном этапе исторического развития. Следовательно, общественная опасность имеет контекстуальный и социальный характер.

В отличие от социальной природы гражданских правонарушений, их правовая природа является понятием более узким, но, в значительной степени, она вытекает из социальной природы.

Главной юридической характеристикой гражданских правонарушений выступает их противоправность. Противоправность подразумевает такие действия участников общественных отношений, которые противоречат праву. В то же время, может противоречить нормам права поведение, которое не приносит никому вреда. Поэтому представляется логичным рассматривать противоправность в неразрывном единстве с общественной опасностью деяния.

Как отмечает С.К. Шишкин, «под противоправностью в гражданском праве следует понимать характер действия (бездействия), нарушающий чужие субъективные права и охраняемые законом интересы»[178].

По мнению Н.С. Малеина, противоправность совмещает в себе объективную и субъективную стороны. Он писал, что противоправность объективна, поскольку связана с нарушением

норм объективного права, и субъективна, так как применима лишь к сознательным, волевым поступкам человека[179].

В некоторых случаях одного только факта нарушения правовых норм достаточно для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности, независимо от других факторов, таких, как вина. Это относится, в частности, к возмещению вреда владельцем источника повышенной опасности. Отсюда вытекает, что объективная сторона в противоправности имеет приоритет над субъективной стороной. Сама противоправность выступает как основная, более существенная характеристика гражданского правонарушения по сравнению с его субъективными характеристиками.

В случае нарушения гражданско-правового договора лицо, не нарушая конкретной нормы действующего гражданского законодательства, в то же время нарушает общие принципы и нормы гражданского права, устанавливающие, что договор должен соблюдаться, и тем самым совершает противоправное деяние.

В числе противоправных деяний Гражданский кодекс РФ называет такие их общие виды, как распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ), неисполнение договорных обязательств (ст. 309, 310 ГК РФ), причинение имущественного вреда (ст. 1064 ГК РФ), злоупотребление правом.

Диспозитивность гражданско-правового регулирования определяет, что правовые критерии гражданской противоправности не исчерпываются закрепленными в статьях закона обязывающими и запрещающими нормами. Гражданское право, в отличие от других правовых отраслей, предусматривает более широкий диапазон таких критериев, которые отражают особенности правовой природы гражданских правонарушений. Классики отечественной цивилистики О.С. Иоффе и В.П. Грибанов к критериям гражданской противоправности наряду с нормами закона относили принципы гражданского законодательства, принципы морали, условия договора или односторонней сделки[180]. В то же время, существует иная точка зрения, в соответствии с которой критериями гражданской противоправности могут выступать только нормы закона и других нормативно-правовых актов, но не условия договоров или односторонних сделок[181].

Наряду с закрепленными в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации нормами-запретами и нормами-обязываниями к критериям гражданской противоправности можно также отнести общие начала и смысл гражданского

законодательства (п. 2 ст. 6 ГК РФ); требования добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ); обычаи делового оборота и иные, обычно предъявляемые требования (ст. 5, 309 ГК РФ); договор или односторонние сделки (п. 1.1 ст. 8 ГК РФ); акты государственных органов и органов местного самоуправления (п. 1.2 ст. 8 ГК РФ); судебные решения (п. 1.3 ст. 8 ГК РФ); общепризнанные принципы и нормы международного права (п.1 ст. 7 ГК РФ); международные договоры Российской Федерации (п.2 ст. 7 ГК РФ).

В целом, не все критерии противоправного поведения в гражданском праве обладают в настоящий момент необходимой формальной определенностью. Представляется, что дальнейшее научное исследование данного вопроса следует осуществлять с учетом социальных критериев, с помощью которых можно диагностировать общественно вредное поведение.

3.2. Вред как условие гражданско-правовой ответственности

При анализе социальных оснований гражданско-правовой ответственности следует учитывать те условия, с которыми законодательство связывает наступление данной формы ответственности. При этом необходимо учитывать, что существуют различные подходы к трактовке условий и оснований гражданско-правовой ответственности, которые лежат в правовом поле.

Рассматривая основания гражданско-правовой ответственности, В.В. Меметова пишет, что «основания или условия гражданско-правовой ответственности – это, независимо от наименования и конкретных сочетаний, всегда набор как объективных, так и субъективных элементов, среди которых обычно называется само правонарушение, вред (убытки), причинная связь между первым и вторым, наконец, вина правонарушителя»[182].

Несмотря на то, что «вред» является одной из основных категорий в большинстве отраслей права, где присутствует юридическая ответственность, в российском законодательстве определения «вреда» нет.

Как результат гражданского правонарушения нередко наступают определенные неблагоприятные последствия, которые в законодательстве и литературе получили такие названия, как «вред», «ущерб» и «убытки». Эти понятия достаточно близки по значению, но определенное различие между ними существует. Ст. 393 ГК РФ устанавливает, что должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Ст. 1064 ГК РФ говорит о вреде, который причинен личности или имуществу гражданина и юридического лица. Как видим, законодателем употребляются два термина: «убытки» и «вред», хотя в обоих случаях речь идет об отрицательных имущественных последствиях у кредитора (потерпевшего).

В российской правовой доктрине высказывались разные позиции о том, чем отличаются такие понятия, как убытки, ущерб и вред.

Как полагал Л.А. Лунц, «под «причиненными убытками» мы разумеем денежную оценку того ущерба, который причинен неисправным должником или делинквентом… Строго говоря, термин «причиненные убытки» является неточным, ибо

неисправный должник (или правонарушитель) причиняют не убытки в денежном их выражении, а причиняют ущерб в натуральной форме, который в условиях товарно-денежных отношений может получить и получает выражение в виде денежного эквивалента убытков, подлежащих возмещению»[183].

Натуральные последствия правонарушения именуются Л.А. Лунцем ущербом, а убытки – денежной оценкой ущерба, который был причинен правонарушителем.

Понимание ущерба как натурально выраженного последствия неисполненного обязательства разделял и О. С. Иоффе. Однако, в противоположность Л. А. Лунцу, он полагал, что правонарушитель причиняет убытки, а не ущерб, и аргументировал свою позицию следующим образом: «Если согласиться с точкой зрения Л.А. Лунца, то придется признать, что когда возникают убытки при отсутствии ущерба (например, неполучение плановой прибыли), они вообще не являются следствием поведения правонарушителя, который, по мнению Л.А. Лунца, причиняет убытки лишь постольку, поскольку он причиняет ущерб. Поэтому следует прийти к выводу, что правонарушитель причиняет именно убытки, которые иногда могут быть также и формой причиненного им ущерба»[184].

Соглашаясь с позицией О.С. Иоффе, Н.С. Малеин писал, что в случаях, когда имущество повреждается или уничтожается правонарушителем, убытки действительно имеют характер денежной оценки причиненного ущерба, но если вследствие нарушения обязательства кредитор не получил запланированной прибыли, то он понес убытки, хотя его имуществу не было нанесено никакого ущерба. Цитируемый автор предлагал, чтобы понятие убытков охватывало все виды убытков, отказаться от их определения только как денежной оценки ущерба, а считать убытками отрицательные имущественные последствия правонарушения[185].

Как полагал Г.К. Матвеев, подобная позиция О.С. Иоффе «объясняется его точкой зрения, согласно которой неполучение плановой прибыли – «это скорее не наступивший результат, нежели реально возникшее последствие», хотя плановая прибыль организаций является не менее реальной категорией, чем положительный ущерб в имуществе, в связи с чем убытки правильнее считать частным случаем ущерба как более широкого понятия»[186].

Достаточно простое и удачное определение вреда обосновал М.М. Агаркова, который под вредом предлагал понимать «всякое умаление того или иного личного или имущественного блага», а вред, нанесенный имуществу и выраженный в денежной сумме,

называть убытком[187]. Сходную позицию занимает Н.К. Нарозников, который пишет, что под вредом «понимается уменьшение (повреждение) имущества, либо умаление нематериального блага (жизнь, здоровье, честь, деловая репутация) потерпевшего лица[188].

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (ч.2 ст.15).

В совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ указывается, что при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, причиненных гражданам и юридическим лицам нарушением их прав, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (пункт 2 статьи 15 ГК). Необходимость таких расходов и их предполагаемый размер должны быть подтверждены обоснованным расчетом, доказательствами, в качестве которых могут быть представлены смета (калькуляция) затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг; договор, определяющий размер ответственности за нарушение обязательств, и т. п.

Размер неполученного дохода (упущенной выгоды) должен определяться с учетом разумных затрат, которые кредитор должен был понести, если бы обязательство было исполнено. В частности, по требованию о возмещении убытков в виде неполученного дохода, причиненных недопоставкой сырья или комплектующих изделий, размер такого дохода должен определяться исходя из цены реализации готовых товаров, предусмотренной договорами с покупателями этих товаров, за вычетом стоимости недопоставленного сырья или комплектующих изделий, транспортно-заготовительских расходов и других затрат, связанных с производством готовых товаров[189].

В современных условиях развития общественных отношений

можно поставить вопрос о необходимости различать убытки как в правовом, так и в экономическом, а также и в социальном значении.

Под убытками в экономическом смысле можно понимать любые материальные потери, независимо от их причин. Убытки могут быть вызваны небрежным отношением потерпевшего к своему имуществу, нарушением производственной дисциплины или технологии, профессиональным риском, неумелым предпринимательством и т. п. В то же время, убытки также могут быть вызваны противоправным поведением третьих лиц, и потому под убытками в юридическом смысле понимают те невыгодные имущественные последствия, которые наступают для потерпевшего вследствие противоправного нарушения обязательства либо причинения вреда, выраженные в денежной форме.

Общественные отношения – это организованная система, обеспечивающая взаимодействие множества социальных факторов и интересов. Совершенное правонарушение вносит дезорганизацию в общественные отношения, подрывает их основы, вселяет веру в бессилие права.

Правонарушение причиняет вред обществу тем, что нарушает установленный общественный порядок, подрывает действие норм права. Правонарушения, влекущие за собой вредные последствия, причиняют существующим общественным отношениям не только «материальный» ущерб, но и ущерб нематериальный, моральный. Такого рода ущерб причиняется и в результате совершения «формальных» правонарушений. Поэтому не может быть правонарушений безвредных, и вред выступает необходимым признаком любого правонарушения[190].

Как полагал Н.С. Малеин, вред представляет собой, в первую очередь, социальное понятие, неотъемлемый признак всякого правонарушения. По его мнению, «Правонарушение причиняет вред общественному правопорядку и может сопровождаться нарушением субъективных прав. Последствия правонарушения могут иметь материальный и нематериальный, имущественный и неимущественный, измеримый и неизмеримый, возместимый и невозместимый характер. Совокупность отрицательных последствий правонарушения мы называем вредом. Такое определение понятия вреда относится ко всем правонарушениям»[191].

По мнению В.А. Тархова, «в столь общем смысле вред всегда имеет место при любом неправомерном поведении и потому анализ его не может иметь практического значения. Имеет смысл анализировать лишь конкретный вред, причиненный отдельным

участникам общественных отношений и являющийся одним из условий ответственности…»[192].

По нашему мнению, такое сужение понятия вреда возможно только в рамках нормативного правопонимания. Если мы смотрим на право шире, с позиции его влияния на развитие общественных отношений и, напротив, влияния общественных отношений на право, то сложно отрицать существенное воздействие вреда, понимаемого в широком смысле, на развитие общества, на общественное правосознание, на эффективность механизма правового регулирования.

Таким образом, традиционно в российском гражданском праве под вредом в юридическом смысле понимается любое умаление (повреждение, порча, уничтожение) охраняемого законом блага. Вред, имеющий имущественный характер, именуется ущербом, а денежное выражение ущерба представляет собой убытки[193].

В подобной трактовке вред может быть охарактеризован как более неотъемлемое условие гражданско-правовой ответственности по сравнению с виной, так как гражданско-правовая ответственность может в определенных случаях наступать в случае причинения вреда и при отсутствии вины. Как отмечал В.П. Грибанов, «гражданско-правовая ответственность носит восстановительный характер. Поэтому, например, в гражданском праве по общему правилу не имеет значения, нарушены ли гражданские права и обязанности умышленно или по неосторожности. В любом случае вред или убытки подлежат возмещению в полном объеме. По той же причине в гражданском праве в отдельных случаях допускается и возложение ответственности независимо от вины правонарушителя»[194].

Сам факт причинения вреда автоматически не влечет за собой гражданско-правовую ответственность. Например, бывают случаи, когда врач соблюдал все необходимые медицинские меры при проведении операции, но не смог предотвратить летальный исход для пациента. Вред был причинен, но врач не несет ответственности, ибо в его действиях отсутствуют три остальных необходимых компонента: противоправность поведения, причинная связь между операцией и наступлением смерти, вина врача[195].

Причиненный вред бывает материальным и нематериальным. Нарушение каких-либо имущественных благ влечет вред материальный, а нарушение неимущественных благ влечет за собой вред нематериальный. При этом в результате одного и того же действия может быть одновременно причинен как тот, так и другой вид вреда. В связи с этим, следует различать виды вреда.

Такая необходимость определяется, в первую очередь, восстановительной функцией гражданско-правовой ответственности, в соответствии с которой причинение материального вреда должно повлечь за собою материальную, имущественную ответственность, а причинение нематериального вреда должно повлечь неимущественную ответственность. Замена имущественной ответственности ответственностью неимущественной противоречит сущности и характеру компенсационной функции гражданско-правовой ответственности. Поэтому неимущественная ответственность за имущественный вред может применяться только вместе с имущественной ответственностью, но не взамен ее. При причинении неимущественного вреда возможно применение как неимущественной, так и имущественной ответственности.

Размер причиненного вреда является объективным фактором, определяющим меры гражданско-правовой ответственности.

При определении размера наступивших убытков имеют значение следующие факторы:

1) порядок удовлетворения требования кредитора, потерпевшего о возмещении должником, правонарушителем убытков – добровольно или принудительно (в судебном порядке);

2) место исполнения обязательства, возмещения убытков;

3) время исполнения обязательства, возмещения убытков;

4) цены, существующие в месте исполнения обязательства, возмещения убытков и на момент исполнения, возмещения;

5) факт получения должником, правонарушителем доходов от правонарушения[196].

Наряду с непосредственно причиненным вредом, кредитор может взыскать и так называемую упущенную выгоду, размер которой не меньше размера полученных должником доходов вследствие нарушения права кредитора. Размер упущенной выгоды определяется с учетом разумных затрат, которые кредитор должен был понести, если бы обязательство было исполнено[197].

Помимо имущественного вреда, современное гражданское законодательство предусматривает и такое понятие, как моральный вред.

Согласно ст. 151 Гражданского кодекса РФ, если гражданину причинен моральный вред, то есть физические или нравственные страдания, действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации

указанного вреда.

Понятие морального вреда конкретизировано в Постановлении Пленума Верховного Суда от 20 декабря 1994 г. Пленум установил, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др[198].

В работах А.М. Эрделевского моральный вред понимается как особая категория вреда, который может существовать не самостоятельно, а лишь в качестве последствий причинения как неимущественного, так и имущественного вреда[199].

По мнению некоторых других исследователей, сущность морального вреда состоит в том, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать у него определенную негативную психическую реакцию[200].

Таким образом, вред в российском гражданском праве может быть не только материальным. Вред может состоять также в умалении нематериальных благ личности, в том числе, таких, как честь, достоинство и деловая репутация.

Поясняя особенности таких понятий, как честь и достоинство, процитируем А.М. Эрделевского, который пишет: «Честь – сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании; достоинство – сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании; деловая репутация –

сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании»[201].

Нематериальные блага, умаление которых может расцениваться как моральный вред, перечислены в ст. 150 Гражданского кодекса РФ. К ним закон относит жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона[202].

Факт причинения морального вреда подлежит доказыванию, по результатам которого суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации такого вреда.

Глава 4
Вина в правоотношениях гражданско-правовой ответственности

4.1. Социальное значение вины в гражданских правоотношениях

Понятие вины можно отнести к одному из базовых как в теории и практике юриспруденции, так и в теории и практике социальных отношений. Вина и ответственность настолько взаимосвязаны, что сложно представить одно без другого.

В юриспруденции особенно важную роль играет вина в уголовном праве, что связано, в числе прочего, с конституционным принципом презумпции невиновности. Данный принцип играет важную роль для структурирования всей системы общественных отношений, так как лишает обвиняемого необходимости доказывать свою невиновность, способствует повышению справедливости судебного разбирательства и применения мер юридической ответственности. В то же время, в течение длительного времени существования человеческого общества этот принцип не был известен и не применялся.

В гражданских правоотношениях вине придается несколько меньшее значение, чем в уголовно-правовых. Более того, здесь вместо принципа презумпции невиновности порой применяется обратный ему – принцип презумпции вины лица, которое не исполнило договорные обязательства. Пункт 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ закрепляет презумпцию виновности причинителя вреда: лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

К специфическим особенностям гражданско-правовой ответственности относится возможность наступления ее при отсутствии вины привлекаемого к ответственности лица[203]. В то же время, в подавляющем большинстве случаев именно вина представляет собой необходимое условие для наступления гражданско-правовой ответственности, и даже наличие презумпции виновности не снижает актуальности данного аспекта.

Понятие вины в праве представляет собой собирательное понятие, которое отличается общим характером и включает в себя единые признаки, присущие всем ее формам и видам.

В действующем Гражданском кодексе РФ, в отличие от прежних источников гражданского права, установлено определение вины. В этом определении нашел отражение объективный подход, что некоторыми авторами расценивается как начало кардинальных изменений в направлении

исследований вины в гражданском праве, «ранее сориентированных на усиленно насаждаемые в цивилистике уголовно-правовые подходы к пониманию вины»[204]. Однако во многих научных публикациях по гражданскому праву продолжает доминировать понимание вины как психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его последствиям.

Такое понимание вины сформировалось в цивилистической науке под влиянием исследований в сфере уголовного права[205].

В уголовном праве юридическая ответственность представлена как личная ответственность физических лиц, поэтому в центре внимания находятся вопросы психического отношения преступников к совершенному преступлению и его последствиям. В уголовно-правовой литературе разработано и применяется представление о вине как об особом психическом явлении, то есть психическом отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, преследуемое уголовным законом[206].

Аналогичная позиция представлена и в ряде работ по гражданскому праву. Например, М.А. Степанов пишет: «Традиционно виной физического лица считается психическое отношение лица к совершенному им противоправному деянию и его последствиям на момент совершения деяния или непосредственно ему предшествующий»[207]. По мнению Н.Д. Егорова, вина «представляет собой такое психическое отношение лица к своему противоправному поведению, в котором проявляется пренебрежение к интересам общества или отдельных лиц»[208].

Сторонники «психологического» понимания вины видят ее сущность именно в сфере психического отношения. При этом подходы к рассмотрению вины у психологов и юристов неодинаковы. Ученые-правоведы при описании вины ссылаются на необходимость наличия психологических познаний для точного определения ее содержания. Но психологами не применяется данное понятие, ими оно считается юридическим.

В гражданском праве виновное психическое отношение глубоко не исследуется. Характеристика его ограничивается, как правило, указанием на наличие такового при вине, без детального анализа. Конечно, это не означает, что психологические аспекты вины не совсем исследованы в гражданско-правовой литературе, но все же акцент делался в основном на волевом компоненте вины. В частности, существенный вклад в разработку понятия воли при вине внес В. А. Ойгензихт[209].

Вина представляет собой один из видов психического отношения лица к окружающей действительности. Оно как особое психологическое явление обладает следующими сущностными признаками:

1) Наличие сознательного отношения субъекта, в рамках которого адекватно отражается окружающая действительность и ее явления.

2) Наличие осознанного отношения субъекта.

Обладая сознанием, как общим свойством всех проявлений психики человека, субъект способен адекватно относиться к окружающей действительности. Понятие осознания более узко и предполагает понимание значения каких-либо определенных действий. Осознанность выступает общей характеристикой, которая присуща вине и ее формам. Исключение составляет неосторожность, при которой результат противоправного деяния субъектом не осознается. При неосторожности речь идет только об абстрактном предвидении возможных неблагоприятных последствий. Но неосторожность не была бы формой вины, если бы в ней не отражалось психическое отношение, проявляемое субъектом только к своему противоправному деянию, но не к его результату;

3) Выражение определенных эмоций, чувств правонарушителя, которые, как правило, имеют негативную окраску.

Виновный правонарушитель при совершении противоправного деяния своим поведением обычно выражает отрицательное отношение или пренебрежение к установленным в обществе обязательным правилам поведения. В связи с этим, многие исследователи вины выделяют такой ее признак, как отрицательное отношение правонарушителя к интересам общества, полагая, что он позволяет отграничить вину от других форм субъективного отношения к поведению и его результату. Этот дополнительный признак вины был впервые обозначен О. С. Иоффе[210].

Виновное психическое отношение характеризуется сочетанием интеллектуальных и волевых моментов, и такое сочетание является определяющим при установлении форм вины, при разграничении умысла и неосторожности. Для понимания сущности самой вины конкретный вариант подобного сочетания значения не имеет. Важно именно наличие психического отношения к противоправному деянию и его результату, в котором отражается пренебрежение или безразличие к интересам общества.

4) Негативное отношение правонарушителя к интересам

государства и общества проявляется в выборе им противоправного варианта поведения. Многие правоведы расценивают выбор такого поведения как дефект (порок) воли правонарушителя и именно в этом видят суть вины. В частности, Г.К. Матвеев полагал, что правонарушением может считаться лишь такое противоправное действие лица, которое является результатом его порочной воли. Т.И. Илларионова также полагала, что психическое отношение при вине проявляется в отношении к избираемому варианту поведения и его последствиям и свидетельствует об определенном пороке воли[211].

Но не только воля правонарушителя определяет его вину. Очевидно, что воля является следствием отрицательного отношения к интересам общества. Вина представляет собой сложное явление, основанное на взаимосвязи всех психических процессов, в том числе и волевых. Негативное отношение вызвано эмоциями и чувствами, которые влияют на волю, определяют принятие решения, которое противоречит общественным интересам.

Существует точка зрения, что осознанный выбор противоправного варианта поведения нельзя рассматривать как порок воли. Если у субъекта имелась объективная возможность выбирать, какое действие совершить в определенной ситуации, то дефект воли отсутствует. При этом из имеющихся вариантов правомерного и противоправного поведения правонарушитель сознательно и осознанно выбирает второй, и тем самым идет против интересов общества.

Механизмы правомерного и противоправного поступков по форме состоят из одних и тех же психологических элементов, но наполненных разным социальным, правовым и идеологическим содержанием. В обоих случаях в механизмах поведения отражается социальная среда, в которой проявляется личность человека. Конечно, поведение правонарушителя можно расценивать как неадекватное, если учитывать, что с позиции большинства членов общества он действует вопреки закону, который, напротив, выражает тот или иной общественный интерес. Но такое поведение вполне соответствует субъективному значению, которое субъект придает данному событию в условиях особенностей социальной ориентации, взглядов, интересов виновного и т. д.

5) Отношение общества к правонарушению и совершившему его субъекту, в котором выражается оценка неправомерного поведения сознательного индивида с точки зрения реально существующих в конкретный исторический период и одобряемых

большинством членов общества пра-вил[212].

Идея «объективистской» или «поведенческой» концепции вины состоит в том, что вина должна определяться через объективные, а не субъективные признаки. По мнению сторонников данной концепции, к которым в частности, относятся Б.И. Путинский, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.А. Суханов и некоторые другие, вина представляет собой непринятие мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения[213]. Данная научная концепция позволяет уйти от уголовно-правового понимания вины, которое в гражданско-правовых отношениях не всегда соответствует реальности, например, в случаях с виной юридического лица, о чем более подробно будет сказано ниже.

С другой стороны, при игнорировании элементов психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату возникает опасность возврата к принципу объективного вменения. Применение данной концепции стирает грань между противоправным поведением субъекта и виной. В конечном итоге, это может привести к ситуации, когда вместо вины условием гражданско-правовой ответственности станет только противоправное поведение.

Конечно, вина неразрывно противоправностью поведения субъекта. Но такая связь не может расцениваться как отождествление. Противоправное деяние и его последствия представляют собой выраженный вовне объективный результат психического отношения субъекта, если только речь идет о физическом лице.

Сторонники «объективистской» теории вины считают, что в определении понятия вины в ст. 401 Гражданского кодекса РФ заложен именно объективный подход. При этом они ссылаются на абзац второй п. 1 указанной статьи, где невиновность лица характеризуется как принятие всех мер, которые требовались от него по характеру обязательства и условиям оборота.

Противники данной позиции отмечают, что так называемый объективный критерий содержит и субъективные элементы. В частности, внимательность и заботливость являются психологическими категориями, которые свидетельствуют об определенной степени активности психических процессов человека. О.В. Дмитриева полагает, что внимательность и заботливость являются показателями определенной степени интеллектуальной и волевой активности[214]. Кроме того, по мнению некоторых авторов, в абзаце втором п. 1 ст. 401 ГК РФ речь все же не о вине, а о невиновности, точнее, о признании

субъекта невиновным, и это не позволяет считать данное положение характеристикой самой невиновности. Признание невиновным, по мнению В. А. Хохлова, представляет собой лишь итоговый результат определенного исследовательского процесса[215].

Определение понятия вины дано в абзаце первом п. 1 ст. 401 ГК РФ через ее формы (умысел и неосторожность), которые являются субъективными психологическими категориями. Умысел и неосторожность различаются по степени соотношения интеллектуального и волевого моментов психического отношения субъекта. Поэтому утверждение о том, что законодатель при создании ГК РФ отказался от понимания вины как психического отношения, представляется излишне категоричным и не находит полного подтверждения при анализе п. 1 ст. 401 ГК РФ.

По мнению А. Коньшиной, в гражданском праве имеет значение не вина как условие ответственности, а доказываемое правонарушителем отсутствие вины как основание его освобождения от ответственности[216], что вытекает из принципа презумпции виновности, принятого в гражданском праве в противоположность праву уголовному, где действует презумпция невиновности. По мнению цитируемого автора, это лишний раз свидетельствует, что к вине в гражданском праве нельзя подходить с тех же позиций, что и в праве уголовном.

Как показывает проведенный О. В. Дмитриевой анализ, с позиции «объективистской» концепции вины ст. 401 ГК РФ является общей нормой о вине как об условии гражданско-правовой ответственности, независимо от ее вида. Определение понятия вины, предусмотренное данной статьей, распространяется как на договорную, так и на деликтную ответственность. В то же время, это не соответствует реальному положению вещей. Статья 401 расположена в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств» ГК РФ, в нормах которой речь идет об ответственности за нарушение уже существующего обязательства. Деликтное обязательство возникает только в момент причинения вреда, а до этого момента его не существует. Причинением вреда нарушаются, как правило, абсолютные правоотношения, обязательствами не являющиеся. Поэтому применение ст. 401 ГК РФ к случаям деликтной ответственности нельзя считать правомерным. Условия ответственности за причинение вреда указаны в другой норме – ст. 1064 ГК РФ, правда, в ней не дается определение понятия вины как условия деликтной ответственности, но нет и отсылки к п. 1 ст. 401 ГК РФ. В литературе высказано мнение, что, поскольку в законодательстве отсутствует определение понятия

вины причинителя вреда, при привлечении его к ответственности нужно применять по аналогии п. 1 ст. 401 ГК РФ[217].

Т.В. Шепель не разделяет изложенную выше позицию, и полагает, что договорная и деликтная ответственность существенно отличаются друг от друга. Различия наблюдаются в субъектном составе, условиях ответственности, в том числе ответственности без вины, основаниях освобождения от ответственности и уменьшения ее размера. Более целесообразным, по мнению указанного автора, представляется закрепление в ГК РФ общей нормы о гражданско-правовой ответственности и ее условиях, в том числе и о вине[218].

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, вина в праве традиционно рассматривается как сознательное и осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату, проявляющееся в пренебрежении или безразличии к интересам государства и общества и, соответственно, в выборе противоправного, антисоциального варианта поведения. Составляющей вины можно считать и отношение общества к правонарушителю и его поведению, но в юриспруденции приоритет при характеристике вины отдается первому названному признаку.

Во-вторых, в ГК РФ отсутствует институт, посвященный общим положениям о гражданско-правовой ответственности, в том числе основаниям и условиям ее возникновения, а также освобождения от ответственности. Необходимость разработки и введения такого института очевидна, это поможет внести необходимую ясность в целый ряд дискуссионных вопросов.

Одна из норм указанного института должна предусматривать общее основание и условия гражданско-правовой ответственности. Предположительно она должна состоять из трех пунктов: первый должен быть посвящен основанию и условиям ответственности за вину, второй – основанию и условиям ответственности без вины. В третьем пункте могут быть предусмотрены общие основания освобождения от гражданско-правовой ответственности, а также оговорены особые правила освобождения от договорной и деликтной ответственности[219].

Анализ социальных и юридических аспектов вины как условия гражданско-правовой ответственности также предполагает акцентирование внимания на возможности наступления такой ответственности при отсутствии вины.

По мнению М.П. Авдеенковой, ответственность без вины является исключением из общего принципа наступления ответственности только за виновные действия, вытекающего из

принципа презумпции невиновности, закрепленного Конституцией Российской Федерации в статье 49. В силу этого такое исключение должно быть прямо названо в законе[220].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 января 2001 г. сформулировал следующее основополагающее положение: «Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно»[221].

Верховный Суд Российской Федерации высказался аналогичным образом, указав, что «какая-либо ответственность может возникать при наличии вины лица, не исполнившего обязанность, либо исполнившего ее ненадлежащим образом (отступления от этого правила допускаются лишь в случаях, специально установленных законом)»[222].

Ни один вид юридической ответственности, за исключением гражданско-правовой, не предполагает наступления ответственности без вины. По мнению Е.А. Суханова, наличие в гражданском праве ответственности без вины обусловлено «особенностями регулируемых гражданским правом отношений, в большинстве случаев имеющих товарно-денежный характер, и обусловленным этим главенством компенсаторно-восстановительной функции гражданско-правовой ответственности. Ведь для компенсации убытков, понесенных участниками имущественного оборота, субъективное отношение их причинителя к своему поведению, как правило, не имеет существенного значения»[223].

Ответственность без вины в гражданском праве установлена абз. 1 п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности».

П. 2 данной статьи устанавливает, что отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Безвиновная ответственность в гражданском праве подчиняется следующим правилам:

1) По общему правилу ответственность за причинение вреда наступает при наличии вины (Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2014 № 8-КГ14-2 установило, что по смыслу п. 2 ст. 1064 ГК РФ ответственность за причинение вреда наступает за виновное его причинение, если законом не предусмотрено возмещение вреда при отсутствии вины причинителя)[224].

2) Компенсация за нарушение исключительного права подлежит взысканию с нарушителя, если он не докажет отсутствия своей вины (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122).

3) Вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению при наличии вины причинителя вреда, если его деятельность не связана с повышенной опасностью для окружающей среды[225].

4) Общие основания ответственности за причинение вреда устанавливают презумпцию вины его причинителя[226].

5) По общему правилу бремя доказывания отсутствия вины возлагается на причинителя вреда[227].

6) Отсутствие вины доказывается лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности[228].

Как отмечает А.В. Забелин, ответственность, «не зависящая от вины правонарушителя, возможна как в договорных, так и во внедоговорных отношениях. Она известна и зарубежным правопорядкам, и международному коммерческому обороту. Такая ответственность охватывает ситуации случайного причинения вреда или убытков»[229]. М.Н. Годовалова предлагает признать презюмирование вины принципом гражданского права[230].

Наличие в гражданском праве ответственности без вины может в некоторых случаях повлечь возможность привлечения к ответственности третьих лиц, например, в случае причинения вреда несовершеннолетним. В других видах юридической ответственности такая ситуаций невозможна. По справедливому замечанию М.П. Авдеенковой, «переложение негативных последствий на третье лицо снижает эффективность достижений некоторых целей юридической ответственности (в частности, цели частной превенции), однако в данном случае законодатель руководствовался также интересами потерпевшего, связанными с получением наиболее полного возмещения причиненного вреда»[231].

Представляет интерес позиция, в соответствии с которой, исходя из конституционного принципа презумпции невиновности и особенностей юридической ответственности в разных отраслях права, предлагается случаи наступления гражданско-правовой ответственности без вины не относить к ответственности, рассматривая их как компенсацию. В этом случае вина в гражданском праве, как и в других отраслях права, будет являться непременным условием ответственности, и получит полное воплощение конституционный принцип – презумпция невиновности.

Таким образом, необходимость возмещения вреда, причиненного субъекту гражданско-правовых отношений, определила особенности гражданско-правовой ответственности, в том числе, и предусматриваемые этим видом ответственности санкции. К их числу относят неустойку, возмещение морального вреда, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами и т. д[232]. Гражданско-правовые санкции, за некоторыми исключениями, имеют имущественный характер. Из этого следует, что восстановление нарушенного права участника гражданско-правовых отношений представляется законодателю, выражающему публичные интересы, наиболее важной функцией гражданско-правовой ответственности.

Именно этим определяется и специфика вины в правоотношениях гражданско-правовой ответственности.

4.2. Особенности и социальная природа вины юридического лица

Субъектами гражданских правоотношений и, как следствие, гражданского права являются не только граждане, имеющие определенную психическую сферу и самостоятельно регулирующие свое поведение, но и юридические лица. «Юридические лица наряду с гражданами являются основными участниками гражданско-правовых имущественных отношений»[233].

Действующее законодательство предусматривает гражданско-правовую ответственность в отношении юридического лица, но такая ответственность будет иметь определенную специфику, что вытекает из самой природы юридического лица, а также из его роли в экономических отношениях. Это относится и к вопросу о вине юридического лица.

Применительно к юридическому лицу невозможно применить понимание вины как психического отношения субъекта к совершаемому деянию, к охраняемым законом правам и интересам других лиц.

В советский период в отечественной цивилистике была разработана теория коллектива применительно к юридическому лицу. Ее представители высказывали тезис об особой воле юридического лица, в основе которой лежит воля коллектива[234]. Г.К. Матвеев, рассматривая вину юридического лица, писал: «Психологическим ее содержанием является прочая воля (и сознание) работников юридического лица в виде умысла и неосторожности»[235]. Однако такая позиция, допускавшая применение психической теории вины к юридическому лицу, была отвергнута наукой. На практике юридическое лицо может существовать и функционировать вообще без какого бы то ни было коллектива, а вопросы делопроизводства и ведения хозяйственной деятельности может поручать другим субъектам гражданского права, в том числе, юридическим лицам, на условиях договоров подряда и поручения.

По мнению процитированного выше Г. К. Матвеева, вина юридических лиц может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности. Например, к юридическому лицу применимо понятие умысла в том случае, когда умысел указанного лица освобождает от ответственности владельца источника повышенной опасности, деятельность которого причинила вред этому лицу. В аналогичных ситуациях правовое

значение имеет грубая неосторожность потерпевших. В этих случаях, разумеется, конкретное действие (бездействие), приведшее к неблагоприятному имущественному результату совершил конкретный работник, но субъектом ответственности является юридическое лицо.

М.А. Степанов, говоря о вине юридического лица, пишет, что «под ней понимают вину его должностных лиц и иных работников, т. е. тех субъектов, которые в правоотношении выступают от имени данного юридического лица и являются носителями способности психического восприятия событий, в том числе своего поведения»[236].

Иную позицию высказывал О. А. Красавчиков, который полагал, что действия отдельных представителей работников и служащих юридических лиц не могут рассматриваться в качестве вины юридического лица[237]. М.М. Агарков соглашался с тем, что юридические лица хотя и отвечают перед другими за вину своих представителей, но только не как за «чужую» вину[238].

В современных условиях А.К. Коньшина полагает, что «недопустимо перенесение понятия «вина» как психологического отношения лица при разделении на умысел и неосторожность из сферы уголовного права в сферу гражданского без учета традиционных цивилистических конструкций. В гражданском праве вина имеет специфику, которая выражается в отношениях, характеризующихся как товарно-денежные, связанные с компенсаторно-восстановительной функцией гражданско-правовой ответственности»[239].

С учетом особой правовой природы и особой социальной роли юридического лица напрашивается вывод и об особой природе вины юридического лица.

Проблема юридического лица представляет собой одну из старейших гражданско-правовых проблем, исследование которой порождало различные теории и в России, и за рубежом. Среди них наиболее известны теории юридической фикции; целевого имущества; интереса; коллективной собственности; должностного и товарищеского имущества; органическая и другие теории[240].

В соответствии с гражданским законодательством, юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п.1 ст.48 ГК РФ).

В правоотношении, стороной которого является юридическое

лицо, участвует не коллектив или орган юридического лица. Участником правоотношения выступает только само юридическое лицо. Для юридического лица характерно наличие воли, не совпадающей с волей его отдельных участников[241].

Одним из традиционно выделяемых признаков юридического лица является самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам[242]. Это означает, что ответственность за причинение вреда и нарушение договорных обязательств несет само юридическое лицо, что, вытекает из норм законодательства, и вина как условие ответственности будет представлять собой вину самого юридического лица.

Юридическое лицо проявляет себя участием в гражданском обороте, и в этом качестве выступает субъектом гражданского права. Оно имеет определенную внутреннюю организацию, внутреннюю структуру, организационное единство.

Юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности.

Следовательно, за правонарушением юридического лица стоит плохо обеспечивающая достижение целей уставной деятельности работа его внутренних механизмов: организационных, технологических, кадровых и т. д. Действительно, если юридическое лицо в соответствии со своими учредительными документами производит холодильники, то оно обязано организовать их качественное производство. И если работник умышленно или по неосторожности допускает брак, то ответственность за свою вину будет нести юридическое лицо. Эта вина будет заключаться в некачественном подборе кадров, в недостаточном контроле за работой и т. д.

Показательными в этом отношении представляются судебные решения, которые обязывают авиакомпании в случае взрыва на борту бомбы выплачивать компенсации родственникам пострадавших. В этих случаях авиакомпания несет ответственность за то, что ее служащие не обнаружили бомбу, которая была спрятана в багажном отделении самолета. В некачественном контроле проявляется вина авиакомпании.

Можно предположить ситуацию, когда каждый конкретный исполнитель пунктуально исполняет свои трудовые обязанности, а конечный результат, который юридическое лицо обязалось достичь в соответствии с условиями заключенного договора, не соответствует этим условиям из-за нераспорядительности администрации, недостаточного обеспечения согласованности в действиях всех участвующих звеньев и т. д.

Если работник причиняет вред при исполнении им своих служебных обязанностей, то ответственность в соответствии с законом несет юридическое лицо. Но ответственность юридического лица наступает, если только вред причинен работником при исполнении им своих служебных обязанностей. При этом к служебной деятельности относится такая активность, которая связана с реализацией специальной правоспособности юридического лица.

Обязанность организации возместить вред, причиненный по вине ее работников, наступает не только тогда, когда они являются постоянными работниками данной организации, но и в случаях причинения вреда временными и нештатными работниками, а также лицами, выполняющими работу по трудовым соглашениям. Отсюда вытекает, что причинение вреда лицом при осуществлении им своей служебной деятельности – это гражданское правонарушение, субъектом которого является юридическое лицо. Вина юридического лица во всех предложенных вариантах правонарушений будет проявляться в недостатках внутренней организации.

Фактически причиной правонарушения будут являться внутренние нарушения, которые и выступают проявлением вины.

Трактовка вины юридического лица была дана Р.О. Халфиной, которая в одном из своих выступлений сформулировала справедливый вывод о том, что «понятие собственной вины юридического лица связано с понятием организации деятельности последнего… Положительной обязанностью юридического лица является надлежащая организация его деятельности, исключающая неправомерное причинение вреда другим лицам. Невыполнение этой обязанности составляет собственную вину юридического лица»[243].

Комментируя данное определение, О. С. Иоффе обращает внимание на проводимое автором отождествление неправомерности поведения с виной: раз не выполнена обязанность по обеспечению надлежащей организации деятельности юридического лица, значит, оно виновно или, иначе говоря, если совершено противоправное действие, то значит, имеется и вина.

Рассуждая о вине и ответственности юридического лица, О. С. Иоффе акцентирует внимание на следующие особенности:

так как юридическое лицо представляет собой коллективное образование, то и условия привлечения его к гражданско-правовой ответственности зачастую возникают не в результате действий одного какого-либо работника, а вследствие

недостатков в работе ряда звеньев или участков (цехов, бригад, отделов) данной хозяйственной организации. В таких случаях не только отдельные условия, но даже и некоторые элементы условий, с наличием которых закон связывает возникновение гражданско-правовой ответственности, оказываются рассредоточенными между действиями отдельных работников юридического лица. Однако это обстоятельство никакого влияния на решение дела по существу оказать не может, ибо все эти условия сосредоточиваются в деятельности юридического лица как целого, а потому оно и должно нести материальную ответственность.

2) возместив убытки потерпевшему, юридическое лицо вправе вслед за этим в порядке регрессного иска переложить ответственность за убытки на работника, являющегося конкретным виновником их причинения. Возможность предъявления регрессного иска ни в какой мере не укрепляет, однако, позиции тех авторов, которые считают, что в случаях причинения вреда работниками юридических лиц последние несут ответственность за чужие действия. Дела по таким искам разрешаются на основе норм трудового законодательства, в то время как юридическое лицо несет ответственность на основе норм гражданского права. Это означает, что предъявление регрессного иска к работнику осуществимо лишь постольку, поскольку своими действиями он нарушает одновременно как гражданско-правовые обязанности юридического лица, так и свои собственные трудовые обязанности перед юридическим лицом.

3) в анализе правового положения юридического лица необходимо учитывать наряду с его коллективной природой также и специфический характер, его право– и дееспособности. Одна из существенных особенностей правоспособности юридических лиц, отличающих ее от правоспособности граждан, состоит в том, что эта правоспособность является специальной по своему характеру. Гражданскому праву неизвестны юридические лица, обладающие общей правоспособностью. Поскольку же правоспособность, а соответственно этому и дееспособность юридических лиц носит специальный характер, то такой же специальной является и их способность к выступлению в качестве субъектов гражданско-правовой ответственности. Это обстоятельство имеет важное практическое значение для определения того круга случаев, когда юридическое лицо вообще может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности.

4) хотя юридическое лицо и есть коллектив трудящихся, тем не менее не всякое действие, совершенное участниками данного коллектива, может рассматриваться как действие самого

юридического лица. Виновные противоправные действия, причинившие вред, должны быть совершены участником коллектива в связи с тем участком работы, на который он поставлен, чтобы мог возникнуть вопрос о привлечении к ответственности самого юридического лица. Такие действия не входят, конечно, в круг деятельности данного юридического лица, ибо юридические лица в нашей стране создаются для осуществления правомерной, дозволенной и служащей интересам всего общества деятельности, но отнюдь не для совершения неправомерных действий. Но если эти действия находятся в прямой связи с деятельностью юридического лица в том смысле, что данным работником они только и могли быть совершены в силу выполняемых им трудовых функций, ответственность за наступивший результат должно нести юридическое лицо[244].

Вина юридического лица и вина гражданина имеют много общего. Причины этой общности определяются, во-первых, тем, что вина – общее родовое понятие в праве, во-вторых, тем, что деятельность юридического лица складывается из вполне конкретных действий живых людей. Более того, нередко вину юридического лица составляет вина конкретного, определенного человека. Речь идет о тех случаях, когда юридическому лицу был причинен имущественный вред, но этому способствовала грубая неосторожность его конкретных работников.

Указанное обстоятельство, то есть очевидность вины конкретного работника, не является определяющим в установлении вины юридического лица. Факт наличия вины конкретного работника является лишь одним из обстоятельств, свидетельствующих о наличии вины юридического лица. Например, в ситуации с наездом транспортного средства возможен вариант, когда водитель не виноват, а наезд произошел из-за неисправности тормозов, которая не была вовремя устранена технической службой юридического лица.

Рассмотрим пример. Арендодатель обратился к арендатору с иском о возмещении убытков, возникших в связи с тем, что арендатор оставил незакрытым водопроводный кран в условиях засоренной раковины. В результате происшедшего затопления залило подвальное помещение, в котором находился склад продовольственных товаров. Очевидно, что кран не закрыл конкретный человек, конкретный же человек виновен в засорении раковины, но установление этих людей не является обязательным условием признания вины данного юридического лица. Иными словами, установлена вина конкретного работника, или нет, вина юридического лица должна быть признана. Будучи порожденной конкретным интеллектуальным и волевым процессом, вина

юридического лица и проявляется, и выявляется в отрыве от своего физического носителя[245].

Юридическое лицо является самостоятельным субъектом гражданского права, оно выражает себя вовне, реализует гражданскую правоспособность при помощи своей внутренней структуры, внутренней организации своей деятельности, организационного единства. Поэтому вина юридического лица не может быть тем же, чем является вина гражданина, она не может быть ни психическим регулированием поведения, ни психическим отношением лица к противоправному деянию и его последствиям. Вина юридического лица – это самостоятельная юридическая категория. Она может быть рассматриваема в контексте непринятия им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами в той или иной ситуации[246].

В отличие от гражданина, юридическое лицо нельзя признать недееспособным, оно не может иметь неполную дееспособность, не может быть ограничено в дееспособности.

Представляется, что именно эти обстоятельства, то есть самостоятельность и специфичность категории вины юридического лица, не учитываются в полной мере сторонниками теории психического объяснения вины в гражданском праве. Юридическое значение вины юридического лица, как правило, напрямую не вытекает из психических процессов. В частности, при разрешении хозяйственных споров суды и арбитражи не выясняют никакого психического отношения.

В истории российского гражданского права была сделана попытка дать легальное определение вины, причем речь идет как раз о вине юридических лиц. Имеются в виду Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работникам, увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими своих трудовых обязанностей (утверждены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 года). Статья 4 этих Правил гласила: «Трудовое увечье считается наступившим по вине работодателя, если оно произошло вследствие необеспечения им здоровых и безопасных условий труда (несоблюдение правил охраны труда, техники безопасности, промышленной санитарии и т. п.)»[247]. Представляется, что законодатель вполне обоснованно не стал давать определение непосредственно понятию вины. Он лишь указал на фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о наличии вины. Как следует из текста указанных Правил, само необеспечение здоровых и безопасных условий труда не есть вина, это как раз то

обстоятельство, которое свидетельствует о ее наличии, фактически это проявление вины.

Когда вред или убытки причинены гражданином, суд, установив факт причинения вреда, в соответствии с принципом ответственности за вину и, опираясь на процессуальную презумпцию вины, должен оценить возможные доводы субъекта об отсутствии его вины. Ни суды общей юрисдикции, ни арбитражные суды не располагают средствами, позволяющими раскрыть психическое состояние лица, причинившего вред или убытки (за исключением назначения судмедэкспертизы для заключения о вменяемости). Суд сравнивает поведение правонарушителя с поведением в аналогичной ситуации других участников имущественного оборота, с собственными действия субъекта в аналогичных ситуациях, и в итоге приходит к выводу об отсутствии или наличии вины, точнее, заключает, достаточно ли оснований для вывода о невиновности. В этих целях применяются определенные критерии поведения. Точно так же суд оценивает правонарушения, субъектом которых является юридическое лицо, исходя из определенных критериев оценки.

Но гражданин имеет возможность доказать свою невиновность аффективным состоянием в момент причинения вреда, наличием серьезного психического заболевания, физиологическим заболеванием, делающим невозможным выполнение своих договорных обязательств либо другими факторами, которые делают невозможным контроль за актом поведения со стороны его сознания. Для юридического лица, неисполнившего договорные обязательства или причинившего вред, когда из содержания такого причинения не очевидна физическая личность конкретного причинителя, об отсутствии вины будут свидетельствовать факты внешнего для юридического лица характера, которые невозможно было ни предвидеть, ни предотвратить, например пожар, уничтоживший склады с материалами. Правосубъектность юридического лица определяет непреодолимую презумпцию способности действовать в имущественных отношениях правомерно.

Для понимания особенностей вины юридического лица рассмотрим две ситуации. Первый случай – когда внедоговорный вред причинен конкретным гражданином, исполняющим свои служебные обязанности. В этом случае для определения наличия или отсутствия вины юридического лица необходимо оценивать поступок самого работника, то есть решать вопрос о наличии его вины как физического лица. Например, рабочий переносит по улице металлическую арматуру. Внезапно ему становится плохо, он падает и при падении арматурой причиняет увечье прохожему.

В этой ситуации заключение о наличии вины юридического лица всецело зависит от оценки действий самого работника. В данном случае вина работника, и, следовательно, вина юридического лица отсутствует[248].

Вторая ситуация: причинение внедоговорного вреда, когда конкретный человек, причинивший вред, не выявлен. Как вариант: нарушение договорного обязательства, когда из содержания обязательства не вытекает персонификация физического лица. В этой ситуации вина отрывается от своего конкретного носителя – физического лица, от своих психических корней. Более того, на практике случаются ситуации, когда вред невиновно причинен конкретным работником, но имеет место вина самого юридического лица. Весьма удачный случай подобного рода привела Е.А. Флейшиц. Рабочий строительной организации взошел для выполнения работы на помост. Обнаружив, что доски помоста не скреплены надлежащим образом, рабочий прыгнул с помоста на землю, опрокинув лежавшие на земле предметы. Падением одного из этих предметов был причинен вред стоявшему тут же другому рабочему той же организации. Суд, рассматривающий это дело, обязал строительную организацию возместить вред, причиненный потерпевшему, хотя вины работника, чьими действиями причинен вред, нет[249]. Суд вынес совершенно правильное решение, потому что налицо вина юридического лица, состоящая в том, что помост не был подготовлен для работы (не важно – кем конкретно, хотя при желании можно определить и виновного в этом работника или орган юридического лица).

Юридическое лицо – это организация, обладающая рядом важных с точки зрения права свойствами. Этими правовыми свойствами данную организацию наделяют уполномоченные государственные органы. Эти свойства заключаются в том, что юридические лица могут от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитраже и третейском суде и самостоятельно отвечать по своим обязательствам.

Юридическое лицо, как отсюда следует – это чисто юридическая конструкция, и термин "лицо" применяется здесь достаточно условно. Но в существовании такой конструкции заинтересованы государство и общество, о чем свидетельствует широкое распространение юридических лиц в мире.

С учетом изложенных обстоятельств следует подходить и к вопросу о вине юридического лица.

Вина организации, которая может быть выражена в

недостатках в технологическом процессе, в организации управления, в нарушении исполнительской дисциплины и т. д., выступает в качестве вины юридического лица. Для случаев, подобных рассмотренной выше ситуации, это означает, что понятие "вина" тоже является юридической конструкцией, в отличие от обычной вины физического лица. В договорных отношениях невозможно устанавливать вину конкретного должностного лица или работника юридического лица в ненадлежащем исполнении обязательства, возложенного на организацию в целом. «Гражданско-правовое значение приобретает в таких случаях приобретает сам факт правонарушения со стороны юридического лица (например, отгрузка недоброкачественных товаров или просрочка возврата банковского кредита), которого вполне можно было бы избежать при проявлении обычной заботливости или осмотрительности»[250].

Таким образом, понятие вины в гражданском праве существенным образом отличается применительно к физическим и к юридическим лицам, что определяется особой правовой природой как юридического лица, так и его гражданско-правовой ответственности.

Вина юридического лица, в отличие от вины физического лица, обладает рядом специфических признаков, свидетельствующих о ее особой природе.

Во-первых, ее субъектом выступает только юридическое, а не физическое лицо.

Во-вторых, она проявляется в небрежности, недобросовестности, недостаточной ответственности, которые проявлены должностными лицами или органами юридического лица и повлекли нарушения в деятельности юридического лица.

В-третьих, признаком вины юридического лица является отклонение его деятельности от принятых стандартов, в результате чего наступают отрицательные имущественные или иные неблагоприятные последствия.

В-четвертых, о вине юридического лица идет речь тогда, когда из закона или сущности обязательства не вытекает необходимость установления вины конкретного физического лица.

В-пятых, у вины юридического лица отсутствуют такие формы, как умысел и неосторожность, так как у него нет психического отношения к совершенным деяниям.

По поводу последнего пункта приведем в доказательство постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.06.2006 по делу № А52-7134/2005/2. Суд

указал, что формы вины неприменимы к юридическим лицам, представляющим собой субъект права, лишенный психики. Такие категории, как "осознание", "предвидение", "желание", "расчет", могут быть соотнесены лишь с поведением физических лиц – правонарушителей. Понятие вины юридического лица является единым и заключается в возможности соблюсти установленные нормы и правила и непринятии им исчерпывающих мер по их соблюдению.

Существует и некоторое сходство вины юридического лица с виной физического лица в гражданских правоотношениях, так как обе они влекут за собой гражданско-правовую ответственность. Факт наличия или отсутствия вины как физического, так и юридического лица определяется судом, арбитражным судом или третейским судом при помощи одних и тех же правовых средств с использованием представленных в праве критериев оценки деяния.

Таким образом, вина физического лица и вина юридического лица в гражданском праве имеют различную правовую природу. Вина физического лица может пониматься так же, как в уголовном праве, с психологических позиций. Вина юридического лица – это конструкция гражданского права, которая характеризуется наличием индивидуально не конкретизированных нарушений в его деятельности, которые повлекли за сбой наступление неблагоприятных имущественных либо личных неимущественных последствий и, как следствие, влекут применение мер гражданско-правовой ответственности.

Глава 5
Формы вины в гражданском праве

5.1. Умышленная форма вины в гражданском праве

Такое понятие, как формы вины, достаточно подробно разработано в отечественной в уголовно-правовой науке[251]. Цивилистика отстает в данном вопросе, очевидно, в связи с тем, что в правоприменительной практике данный вопрос играет более важную роль именно в уголовном праве, где непосредственно влияет на судебное решение.

В российском уголовном праве под формой вины принято понимать «законодательно закрепленное сочетание интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике виновного по отношению к юридически значимым объективным свойствам противоправного деяния, во взаимодействии с внешними условиями. Соответственно и различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта, определяет форму вины, а в пределах одной формы вины – ее виды»[252].

В отечественной юридической науке выделяют две формы вины: умысел и неосторожность. Эти же две формы называет и Гражданский кодекс Российской Федерации (п.1 ст. 401).

Умысел присутствует тогда, когда лицо, совершившее правонарушение, предвидело общественно-опасный характер последствий своих действий, желало этих последствий или сознательно допускало их наступления. Отсюда следует, что умысел проявляется, прежде всего, в отношении лица к совершенному им деянию. Совершая гражданское правонарушение, субъект предвидел его последствия и желал их наступления. Можно сказать, что он стремился к наступлению таких последствий.

Таким образом, понятие умысла в гражданско-правовой науке оказывается близким к аналогичному понятию в уголовно-правовой доктрине. В то же время, следует согласиться с А.К. Коньшиной, что «недопустимо перенесение понятия «вина» как психологического отношения лица при разделении на умысел и неосторожность из сферы уголовного права в сферу гражданского без учета традиционных цивилистических конструкций. В гражданском праве вина имеет специфику, которая выражается в отношениях, характеризующихся как товарно-денежные, связанные с компенсаторно-восстановительной функцией гражданско-правовой ответственности. Согласно новейшим научным взглядам трактовка вины как «психического отношения»

нарушителя к своему поведению и его результату практически бесполезна»[253].

Цитируемый автор характеризует умышленную вину как намеренные действия либо бездействие должника с целью неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства либо создания невозможности его исполнения[254]. Как видим, данный автор, хотя и избегает, как показано выше, психологического подхода к умыслу как форме вины, тем не менее, не может обойтись без слова «намеренные», которое характеризует именно отношение виновного субъекта к своим действиям.

Умысел как форма вины имеет два основных признака: ˆправонарушитель предвидит вредные последствия своих действий;

2) правонарушитель желает наступления этих вредных последствий (прямой умысел) или сознательно допускает наступление вредных последствий (косвенный умысел).

Предвидение нарушителем вредных последствий выступает общим признаком прямого и косвенного умысла.

Предвидеть вредные последствия своих противоправных действий – значит осознавать, понимать эти последствия. Желать вредных последствий – значит стремиться к ним, исходя из определенных мотивов.

Лицо, сознательно не исполняющее свои обязательства, не только сознает (предвидит) возможный ущерб для других субъектов обязательства, но и стремится к нему, желает этого ущерба.

Имущественные последствия прямого и косвенного умысла одинаковы, поэтому вполне можно рассматривать оба эти вида умысла одновременно, хотя психологически они и не во всем совпадают друг с другом. Зато они совпадают юридически, т. е. по своим гражданско-правовым последствиям, в силу чего прямой и косвенный умысел в гражданском праве, в отличие от права уголовного, не отграничиваются друг от друга, объединяясь общим понятием умысла.

Умысел как форма вины есть психическое отношение правонарушителя к своим противоправным действиям и их результатам. В таком виде умысел представляет собой единство воли и сознания правонарушителя.

Однако в области гражданских правонарушений мы встречаемся со случаями, когда воля лиц приходит в столкновение с общей волей, которая закреплена в нормах права. Можно говорить о том, что интересы субъекта не соответствуют общему интересу (интересу общества), который право и

защищает.

С психологической точки зрения, для умышленной вины характерен поэтому не только волевой момент (стремление, решимость к причинению вреда, желание либо же допущение его), но и сознательный, интеллектуальный момент (понимание конкретной обстановки причинения, предвидение последствий). Оба эти элемента умысла сливаются в едином психологическом акте, и практически их очень часто почти невозможно разграничить.

Гражданское право, регулируя имущественную ответственность за умышленное нарушение гражданского правопорядка, не придает такого значения мотивам совершенного правонарушения, как это делает уголовное право. Главное для гражданского права – это наступившие имущественные последствия, их размер. Происходит определенные смещение акцента с психологии правонарушителя на объективные последствия его деяния. Для реализации компенсаторной функции гражданско-правовой ответственности не столь важно, руководствовалось ли лицо, нанесшее ущерб, корыстными мотивами, либо сделало это из каких-то иных соображений. В любом случае, субъект правонарушения обязан компенсировать причиненный ущерб в полном объеме.

Мотивы умысла, т. е. те психические переживания, которые побуждают человека к противоправному действию (или к бездействию), заставляют его совершить (или не совершить) тот или иной поступок, всегда имеются в виду при определении умышленной вины в гражданском праве. Но по общему правилу эти мотивы не отражаются на объеме гражданско-правовой ответственности, т. е. не являются квалифицирующими либо смягчающими вину обстоятельствами, как в уголовном праве. Установив, что в основе умысла лежат порочные мотивы, т. е. такие стремления и желания, которые противоречат действующему праву, и, как следствие, общественному интересу, суд признает правонарушителя виновным и возложит на него всю полноту имущественной ответственности.

Если при рассмотрении того или иного гражданского дела суд установит наличие благородных мотивов, которыми руководствовался человек, нанося имущественный ущерб другому лицу (например, спасая от гибели имущество государственного юридического лица, субъект жертвует имуществом, принадлежащим другому юридическому лицу либо гражданину), он не найдет в его поведении умышленной вины.

Гражданско-правовые отношения в силу своей специфики представляют собой не только пример однонаправленных

интересов их участников; они могут порождать и разнонаправленные интересы. Лицо, интересы которого противоположны интересам других участников гражданского правоотношения, может сознательно, преследуя свои интересы, идти вопреки нормам права или договора на нарушение чужих интересов, теме самым причиняя вред. При этом данное лицо идет против общественного интереса, защищаемого правом, то есть против общества в целом.

Сознание, как элемент умышленной вины, представляет собой сложный психологический акт. Оно включает в себя, конечно, не только предвидение последствий совершаемых действий, но также и отчетливое понимание всех фактических обстоятельств правонарушения, в том числе и объективно-необходимой причинной связи между действием и результатом.

Например, недобросовестного приобретателя мы имеем все основания считать лицом, которое действует не только противоправно, но и умышленно. Его умышленная вина состоит в том, что он не только предвидел последствия незаконного приобретения чужой вещи в собственность, но и знал о фактических обстоятельствах этого незаконного приобретения, т. е. знал о том, что отчуждаемая вещь принадлежит по праву собственности не «отчуждателю», а другому лицу.

Вопрос об осознании фактических обстоятельств правонарушения как элементе умысла теснейшим образом связан с проблемой причинной связи. Если причинная связь между противоправным действием и вредным результатом относится к числу объективных оснований гражданско-правовой ответственности, то вопрос о том, должен ли правонарушитель при умышленной вине сознавать эту причинную связь (как и все другие фактические обстоятельства правонарушения), возникает сам по себе.

Причинная связь между действием и результатом существует объективно и независимо от сознания действующего лица. Это, однако, не означает, что лицо, действуя умышленно, не осознавало этой связи. Такое неосознание причинной связи возможно при неосторожной вине, когда причинитель не предвидел вредных последствий своих противоправных действий, но мог и должен был их предвидеть. Умышленная вина тем и отличается от неосторожной, что в первом случае правонарушитель предвидит вредный результат и желает (либо допускает) его. Достаточно очевидно, что предвидеть вредные последствия своих действий можно только тогда, когда хорошо представляешь себе всю последовательность будущих событий и их результаты.

Для установления того, что лицо сознает при умысле причинную связь между действием и результатом, не обязательно собирать доказательства, свидетельствующие о том, что оно представляло последовательность возможных событий во всех их деталях. Достаточно установить, что лицо понимало объективно-необходимую причинную связь хотя бы в основных чертах.

Элементом умысла можно считать осознание правонарушителем противоправности своего поведения. Вопрос об осознании противоправности как элементе умысла требует специального рассмотрения.

По мнению М.М. Агаркова, факт противоправного действия (т. е. противоречия определенного поведения лица правовой норме) существует объективно. Поэтому в сознании правонарушителя понимание неправомерности его действий может быть, но может и не быть. «Так называемая субъективная противоправность, – пишет М.М. Агарков, – есть сложный фактический состав, состоящий из факта противоправного поведения (правонарушения) плюс наличие у правонарушителя умысла или неосторожности. При этом ни в понятие умысла, ни тем более в понятие неосторожности не входит в качестве их необходимого элемента сознание деятелем противоправности своего поведения»[255].

Включение в понятие противоправности субъективного момента виновности, по мнению М. М. Агаркова, означало бы игнорирование социальной природы права и привело бы к признанию психологической теории права Л.И. Петражицкого. Юридическая наука является общественной наукой, и как всякая общественная наука она не может игнорировать психологические факты, в частности, интеллектуальные и волевые свойства человека, но не может также строить на этих фактах здание общественных отношений и выводить из них правовые категории. Правовые нормы, юридические отношения, права и обязанности людей отнюдь не являются психологическими фактами. Они являются социальными фактами, т. е. относятся к качественно иной области».

М. М. Агарков приходит к выводу, что сознание деятелем противоправности своего деяния не должно рассматриваться в качестве элемента умысла. «Действие закона, – пишет Агарков, – не может быть поставлено в зависимость от ознакомления с ним того или иного гражданина. Закон, устанавливая определенный порядок, обеспечивает его осуществление независимо от того, как он понят и понят ли отдельным лицом»[256].

С данной точкой зрения сложно согласиться. Незнание норм права не освобождает от ответственности. Считается, что каждый

гражданин понимает смысл своих поступков, видит, согласуются ли они с общепринятой точкой зрения. Вступая в гражданско-правовые отношения, подписывая договор, лицо осознает, хотя бы в общем смысле, содержание соответствующих норм права. Совершая гражданское правонарушение умышленно, лицо не может не предполагать, что тем самым нарушает нормы права. Каждый знает, что договоры должны соблюдаться, что нельзя причинять ущерб имуществу, принадлежащему другим лицам и т. д. Следовательно, противоправность как объективная категория должна рассматриваться как составная часть умысла.

Противоправное действие как объективный факт является составным элементом правонарушения, а последнее представляет собой единство объективных и субъективных элементов, и только в этом виде оно приводит к гражданско-правовой ответственности. Если обнаружится, что противоправное действие совершено невиновно, то ответственность за него, по общему правилу, не наступит. Это может иметь место, например, при казусе, когда правонарушитель субъективно не осознает объективно необходимой причинной связи между действием и результатом. Это же может иметь место и в том случае, когда лицо, совершившее противоправное действие, не осознает его противоправности. Следовательно, вопрос об осознании противоправности может и должен быть поставлен в плоскость проблемы виновности. Противоправность (противоправное действие) есть объективный факт, сознание противоправности – субъективный факт. Тем не менее, надо признать, что осознание лицом противоправности своих действий не влияет существенным образом на соответствующие нормы гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, вопрос о том, может ли осознание противоправности рассматриваться как элемент умысла, должен получить в гражданском праве положительное разрешение. Определяя ответственность за совершенное правонарушение, суд обязан принять во внимание не только объективные факты (противоправность деяния, вредность, причинная связь), но и субъективный факт виновности причинителя вреда. Виновность же охватывает сознание всех объективных элементов деяния, включая и сознание его противоправности. Если причинитель не осознавал и не должен был по обстоятельствам данного дела сознавать противоправность своего действия, он должен быть освобожден от гражданской ответственности.

Таким образом, рассматривая умысел как форму вины в гражданском праве, можно сформулировать четыре составных элемента такого умысла:

1) осознание правонарушителем всех фактических обстоятельств правонарушения;

2) предвидение вредных последствий своего поведения;

3) понимание противоправности своих действий;

4) желание наступления таких последствий.

Только при наличии всех данных элементов мы можем говорить об умысле как форме вины в гражданском праве. При этом надо учитывать, что первые три элемента представляют собой интеллектуальную составляющую умысла, а последний – его волевую составляющую.

Именно предвидение результатов своего поведения представляет умысел. Отсутствие такого предвидения позволяет говорить о неосторожности.

По аналогии с уголовным правом, некоторые современные исследователи считают возможным говорить применительно к гражданско-правовой ответственности о двух формах умысла: прямом и косвенном.

В частности, С. Киселев, отталкиваясь от соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предлагает следующее определение: «Проступок признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало антиобщественность своего деяния (действия или бездействия) и желало его наступления или предвидело возможность или неизбежность наступления антиобщественных последствий и желало их наступления»[257]. В качестве иллюстрации он приводит следующий пример: должник, заведомо зная, что кредитор вот-вот обанкротится, отдавать положенные долги не спешит, хотя имеет такую возможность, рассчитывая, что в общей сумятице дел его долг «канет в лету»[258].

Ключевыми словами в этом определении применительно к понятию прямого умысла являются слова «осознавало, предвидело, желало». Таким образом, речь опять идет о психологическом отношении лица к своему деянию.

Применительно к косвенному умыслу данный автор предлагает следующее определение: «Проступок признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало антиобщественность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления антиобщественных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично»[259]. В качестве иллюстрации приводится пример, когда подрядчик в целях экономии стройматериала построил заказчику гараж с недовложением цемента в раствор, использованный в кирпичной кладке. В результате через короткое время одна стена обвалилась.

Позиция цитируемого автора нуждается в анализе по двум основаниям. Во-первых, насколько применимы в гражданском праве относительного гражданско-правовой ответственности аналогии с правом уголовным. Во-вторых, насколько оправданы такие определения, в которых единственным критерием выступает психологическое отношение правонарушителя к своим поступкам.

Сам автор, обосновывая положительный ответ на первый вопрос, говорит о сходстве правонарушений в различных сферах, об общих чертах, объединяющих уголовные преступления и гражданские деликты. Он отмечает, что правонарушение является родовым понятием как преступления, так и проступка, и первое отличается от второго лишь более высокой степенью и тяжестью характера общественной опасности. В связи с этим, сходные позиции могут быть применены как в уголовном, так и в гражданском праве.

Относительно второго С. Киселев пишет, что вину как субъективную сторону деяния всегда характеризует интеллектуальный и волевой моменты, из сочетания которых определяется ее форма и вид.

С данными аргументами, на наш взгляд, можно согласиться, как и с тем, что если бы законодатель раскрыл содержание форм и видов вины в Гражданском кодексе, то стало бы легче решать вопросы, связанные с определением ответственности за совершенные гражданские правонарушения[260].

По нашему мнению, прямой умысел от косвенного отделяет именно волевой момент, а именно желание лица наступления определенных последствий. Если лицо предвидело эти последствия, но не желало их наступления, относилась к данному аспекту безразлично – тогда можно говорить о косвенном умысле.

Таким образом, умысел в гражданском праве есть форма вины, связанная со степенью осознания правонарушителем последствия своих действия и степенью желания наступления этих последствий. Умысел может быть как прямым, так и косвенным, что снова определяется психологическими, волевыми моментами.

Основным отличием прямого умысла от косвенного является степень субъективного отношения виновного лица к последствиям своих действий: в первом случае оно желает наступления определенных последствий, в другом – прямо не желает, но допускает возможность наступления таких последствий. Как видим, прямой умысел от косвенного отделяет тонкая грань, которая на практике не имеет большого значения в связи с компенсаторной ролью гражданско-правовой

ответственности, когда размер возмещаемого ущерба не зависит не только от формы умысла, но и от его наличия вообще.

5.2. Неосторожная форма вины в гражданском праве

Как уже отмечалось выше, Гражданский кодекс РФ называет две формы вины применительно к различным гражданским правонарушениям: умысел и неосторожность.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский выделяют в гражданском праве три формы вины: умысел, неосторожность и грубую неосторожность. При этом, по их мнению, умышленная вина заключается в намеренных действиях либо бездействии должника с целью неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства либо создания невозможности его исполнения.

Вина должника в форме неосторожности наличествует в тех случаях, когда должник при исполнении обязательства не проявляет ту степень заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательства и условиям оборота, в результате чего с его стороны не приняты все необходимые меры для надлежащего исполнения обязательства.

В качестве грубой неосторожности данные авторы признают непроявление должником той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника имущественного оборота, окажись он на месте должника, и непринятии должником очевидных мер в целях надлежащего исполнения обязательств[261].

Не дискутируя с данной точкой зрения, мы будем придерживаться более традиционного подхода при анализе вины как основания гражданско-правовой ответственности.

Понятие неосторожности, так же, как и умысла, более подробно разработано в науке уголовного права. Но нельзя отрицать, что в гражданском праве неосторожность имеет свою специфику, производную от специфики регулируемых им общественных отношений. В то же время, сложно опираться только на гражданско-правовые подходы к понятию неосторожности в силу их недостаточной исследованности.

В отличие от императивных уголовно-правовых отношений, в гражданском праве преобладает принцип диспозитивности. В этой ситуации, когда большинство вопросов могут решаться по соглашению сторон, легче проявить неосторожность, понадеявшись на наличие взаимного согласия, молчаливо выраженной взаимной воли.

Еще один важный аспект заключается в том, что неосторожность может быть следствием усложнения правового

регулирования. При наличии большого числа разнообразных норм, регулирующих определенную группу общественных отношений, всегда найдется место для неосторожных действий.

Рассматривая неосторожность в гражданском праве, проведем параллели с другими отраслями права.

Статья 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, озаглавленная «Преступления по неосторожности», говорит следующее:

«1. Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.

2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия»[262].

В пункте 3 статьи 110 Налогового кодекса Российской Федерации говорится:

«Налоговое правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать»[263].

Пункт 2 статьи 2.2 Кодекса об административных правонарушениях говорит: «Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть»[264].

Как видим, все три определения сходны, причем самым разработанным является и самое раннее по времени определение из Уголовного кодекса. Такая ситуация связана с тем, что именно в уголовном праве правильное определение субъективной стороны имеет решающее значение как в конструировании состава преступления, так и при квалификации конкретного

деяния и в ходе определения наказания виновному лицу[265].

В гражданском праве отличие умысла от неосторожности исследовал в середине XX века Г.К. Матвеев, который считал, что при неосторожности имеются те же воля и сознание лица, что и при умысле, но проявляются они лишь с меньшей интенсивностью, чем при умысле[266]. Между виной в форме умысла и неосторожности Г.К. Матвеев видел только количественное различие, с чем сложно согласиться. Очевидно, умысел и неосторожность как формы вины имеют не только количественные, но и качественные различия.

Основы цивилистического подхода к понятию неосторожности были заложены еще в римском праве. Как отмечал Б.С. Антимонов, римскому праву были известны такие понятия, как заботливость, грубая неосмотрительность и обыкновенная неосмотрительность[267]. В последующем в римском праве, а вслед за ним, и во французском гражданском законодательстве, понятие неосторожности не входило в понятие вины, рассматривалось как отдельное основание ответственности. Российский подход в этом плане ближе к подходу германскому.

Современное гражданское законодательство России знает и использует термин «неосторожность». Например, в пункте 4 статьи 227 Гражданского кодекса говорится, что нашедший вещь отвечает за ее утрату или повреждение лишь в случае умысла или *грубой неосторожности.*

Пункт 1 статьи 401, которая устанавливает основания ответственности за нарушение обязательств, Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности[268].

Что имеет в виду законодатель под неосторожностью? В том же пункте рассматриваемой статьи говорится, что лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Отсюда можно сделать вывод, что неосторожность и есть непроявление той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от лица по характеру обязательства и условиям оборота. Конкретное содержание необходимой заботливости и осмотрительности будет в каждом случае различным, установить его может только суд.

По мнению Ю.Терешко, лицо может считаться невиновным, если докажет, что проявило достаточную осмотрительность и

заботливость, которые от него требовались в конкретном случае, и приняло все необходимые и возможные от себя меры для предотвращения вреда[269]. В пояснение своей позиции он приводит следующий пример: покупатель, проходя через узкий, загроможденный проход в магазине, уронил вазу. Камеры видеонаблюдения показали, что покупатель шел осторожно, медленно, придерживая сумку, старался не задеть близлежащие полки с товаром, однако ваза все же упала. На наш взгляд, покупатель не должен возмещать стоимость товара, так как он невиновен (лицо проявило достаточную степень осторожности со своей стороны, а вот продавец, наоборот, способствовал тому, чтобы ваза была разбита).

А.В. Юдин и М.С. Шейфер, анализируя данный вопрос на примере ответственности членов семьи лица, не способного в момент причинения вреда отдавать отчет в своих действиях, указывают, что критерием для определения оснований ответственности членов семьи лица является выяснение вопроса о том, проявили ли они необходимую в условиях проживания с лицом, страдающим психическим расстройством, степень заботливости и осмотрительности, которую требовали от них сложившиеся обстоятельства. Например, если раньше уже имели место факты причинения вреда таким лицом, применения принудительных мер медицинского характера, однако члены семьи лица не инициировали процедур по признанию лица недееспособным, то можно констатировать отсутствие с их стороны той степени заботливости и осмотрительности, которых требовала от них сложившаяся обстановка. В случае если заболевание проявило себя неожиданно, при отсутствии каких-либо предшествующих фактов, дающих основание предвидеть возможность причинения вреда, вина совместно проживающих лиц отсутствует[270].

Как отмечалось выше, ряд современных авторов выделяет в неосторожности две степени: грубую и легкую неосторожность.

Проблема разграничения грубой и легкой степени неосторожности имеет определенное практическое значение. С одной стороны, по общему правилу нормы деликтной ответственности не придают значения тяжести или степени вины при определении размера вреда, подлежащего возмещению. Однако, в виде исключения из указанного правила законом может быть предусмотрено влияние степени вины участников деликтного обязательства на объем ответственности. Например, размер возмещения, подлежащего взысканию в пользу потерпевшего, должен быть уменьшен, если его грубая небрежность содействовала возникновению или увеличению

вреда. При этом учитывается и степень вины причинителя вреда (абз. 1 п. 2 ст. 1083 ГК). Легкая (простая) неосторожность в подобной ситуации не подлежала бы учету[271].

На основе каких признаком можно отграничить грубую неосторожность от легкой? По мнению Е.А. Суханова, грубую неосторожность можно определить как непростительное нарушение простейших, элементарных требований заботливости и осмотрительности, известных каждому[272].

На практике достаточно сложно отграничить грубую неосторожность от умысла. Например, гражданин, уходя из квартиры, забыл закрыть кран подачи воды, что привело к проникновению воды на нижние этажи и причинению большого имущественного вреда жильцам нескольких квартир. Действительно ли он забыл, проявив тем самым грубую неосторожность, или сделал это умышленно? В случае неисполнения обязательства суд далеко не всегда сможет определить, имел ли должник изначально намерение не исполнить его либо нет.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский также пишут, что вину в форме грубой неосторожности практически невозможно отличить от умышленной вины. Во всяком случае ни кредитор, ни суд не в состоянии определить, имел ли должник изначальное намерение не исполнить обязательство или исполнить его ненадлежащим образом либо создать невозможность его исполнения. Поэтому законодатель не случайно ни в одной из норм ГК не предусмотрел в качестве условия ответственности за нарушение обязательства вину должника исключительно в форме умысла. Если законодатель считает необходимым сузить ответственность должника за нарушение тех или иных конкретных обязательств, он устанавливает в качестве необходимого условия ответственности вину в форме умысла или грубой неосторожности. Тем самым законодатель не исключает (но никогда не выдвигает в качестве необходимого условия!) изначальное намерение должника нарушить обязательство либо создать невозможность его исполнения[273].

В современных условиях наличие вины перестало служить необходимым основанием ответственности за нарушение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности. Так как вина не имеет в такой ситуации решающего значения, неудивительно, что ее определение в Гражданском кодексе отсутствует. Понятие вины раскрывается через положение о том, что должник признается невиновным, если докажет, что он принял все зависящие от него меры для надлежащего исполнения обязательства. При этом меры, которые

следовало принять лицу для надлежащего исполнения обязательства, теперь соотносятся с той степенью заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота.

Наличие вины в прежнем гражданском законодательстве являлось необходимым основанием для возмещения убытков вследствие нарушения обязательства. Данное положение носило характер генерального принципа гражданско-правовой ответственности (ст. 222 ГК РСФСР 1964 г.). Затем, однако, сфера его применения была значительно сужена.

Как отмечает К.В. Нам, здесь важно четко проследить произошедшие изменения: 1) отход от концепции вины как психического состояния должника к самому факту нарушения обязательства и к тем убыткам, которые по этой причине могут возникнуть у кредитора; 2) прохождение стадии, когда неосторожность определялась по субъективному критерию, т. е. при установлении границ неосторожной вины учитывалась мера возможностей, взятая в условиях деятельности самого субъекта; 3) и, наконец, установление правила, основывающегося при определении неосторожной вины на объективном критерии. Таким образом, подход действующего ГК РФ к понятию вины соответствует сложившемуся пониманию и определению вины во французском и немецком праве, показавшем допустимость и приемлемость данного подхода в условиях гражданского оборота, ориентированного на рыночную экономику[274].

Современные цивилисты (М.Брагинский, В.Витрянский, Е. Суханов) считают, что позиция, связанная анализом психического отношения правонарушителя к своему деянию для установления степени его вины, устарела. Они отмечают, что для оценки вины должника не имеют никакого правового значения индивидуальные качества должника и тем более его "психические переживания" в связи с совершенным им правонарушением. Вместо этого используется абстрактная модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественного оборота.

С данной точкой зрения, на наш взгляд, можно согласиться лишь частично. В случае с неосторожной формой вины главную роль, действительно, играет факт принятия или непринятия необходимых мер, проявления разумной осторожности и осмотрительности. Что же касается умысла как форму вины, то при его оценке полностью отказываться от психических моментов, от желания воли лица, представляется не вполне правильным.

Кроме того, по нашему мнению, степень учета вины зависит от того, идет ли речь о деликтной или договорной

ответственности. Если должник докажет отсутствие вины в своем неисполнении обязательства, то он освобождается от ответственности.

Можно ли полностью исключить психический момент при анализе неосторожной формы вины? В научной литературе на этот счет высказываются различные мнения. Например, М.М. Агарков характеризовал умысел как упречное состояние воли, а неосторожность – как упречное состояние интеллекта, тем самым исключая волевой момент из неосторожного гражданского правонарушения[275].

По мнению Г.К. Матвеева, воля и сознание лица проявляются как при умысле, так и при неосторожности, в последнем случае – в недопустимо пассивной форме[276].

В целом, можно сказать, что в советский период развития гражданско-правовой науки психическому отношению лица к совершенному им гражданскому правонарушению придавалось больше значения, чем в современных условиях, когда не первый план выходит модель ожидаемого поведения. Однако, отвечая на вопрос, почему лицо в той или иной ситуации не следовало модели ожидаемого поведения, не проявило должной осмотрительности и заботливости, нельзя полностью игнорировать психическое отношение лица к его действиям.

Как отмечал В.П. Грибанов, «вина предполагает а) наличие возможности предвидеть результаты своих действий; б) возможность предотвращения наступления невыгодных последствий»[277].

В случае неосторожности виновный мог предвидеть последствия своих действий, мог предотвратить наступление невыгодных последствий, но не сделал этого, не проявив должной воли или должного интеллектуального напряжения. Он легкомысленно отнесся к возможности наступления неблагоприятных последствий, и это уже своего рода психический момент в его действиях.

Таким образом, в любой неосторожности присутствует волевой момент, связанный со способностью личности к определенной самоорганизации. Другое дело, что этот момент, как правило, не учитывается в вопросе наступления ответственности, но это не значит, что его нужно полностью игнорировать.

При анализе неосторожной формы вины проявляется как определенное сходство в гражданско-правовом и уголовно-правовом подходах, так и важное различие между ними.

В отличие от уголовного права, праву гражданскому неизвестны конкретные составы правонарушений. В гражданском

праве существуют только общеправовые запреты: не причинять вред имуществу, здоровью, чести и достоинству других лиц; не нарушать приятые на себя обязательства; не нарушать требования законодательства. В этих условиях главное значение имеет установление судом факт причинения вреда или неисполнения обязательства. Наличие вины имеет вторичный характер, в большинстве случаев не влияет на санкции к правонарушителю. Еще меньше влияет на них конкретная форма вины.

Неосторожная форма вины в этих условиях сводится к непроявлению должной внимательности, осмотрительности, заботливости. В то же время, можно согласиться, что психическое содержание неосторожной формы вины выражается в недостаточной интеллектуальной и волевой активности субъекта, приведших к неблагоприятным последствиям[278].

Разделение неосторожности на грубую и легкую степени, свойственное современному цивилистическому подходу, основано на степени проявленной невнимательности, небрежности, непредусмотрительности и незаботливости. Подходы, свойственные уголовному праву, в данном случае неприменимы.

В судебной и арбитражной практике достаточно часто возникает вопрос о том, была ли проявлена достаточная осмотрительность и осторожность. Например, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа рассматривал дело, когда государственное учреждение финансировалось из федерального бюджета и допустило несвоевременное исполнение своего обязательства вследствие недостаточного бюджетного финансирования. Суд в этой связи отклонил ссылку на ст. 401 ГК РФ и указал, что отсутствие у учреждения находившихся в его распоряжении денежных средств нельзя было расценивать как принятие им всех мер для надлежащего исполнения обязательства с той степенью заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательства и условиям оборота[279].

Таким образом, одной из форм вины в гражданском праве является неосторожность. Законодательство говорит только о грубой неосторожности, именно она, проявленная потерпевшим, в определенных случаях учитывается судом как основание снизить размер ответственности с причинителя вреда.

Разграничение степеней неосторожности связано с анализом разумной заботливости и осмотрительности, проявленной или непроявленной в каждом конкретном случае. Трудность состоит в том, чтобы точно определить, что понимать под заботливостью и осмотрительностью в тех или иных обстоятельствах, как

определить, какая степень заботливости и осмотрительности были проявлены конкретным лицом. Все эти вопросы отдаются на усмотрение суда и, в конечном счете, их решение определяется правосознанием судьи.

Остается добавить, что с точки зрения социальных оснований гражданско-правовой ответственности вопрос об умысле и неосторожности имеет большее значение, чем с позиций юридической теории и практики. Совершая правонарушение умышленно, субъект сознательно противопоставляет свой индивидуальный интерес общему интересу, которое защищается правом. Действуя по неосторожности, субъект может и не осознавать, что его действия противоречат общему интересу, то есть он не противопоставляет себя обществу, что важно с точки зрения поддержания правопорядка.

5.3. Критерии неосторожной вины и их социальное значение

Рассмотрение судами конкретных дел, которые связаны с виной, в том числе, с ее неосторожной формой, должно опираться на определенные критерии. Наличие таких критериев могло бы помочь установить форму вины в том или ином конкретном случае, а также сам факт наличия вины.

Грань, которая отделяет случайное причинение вреда участникам гражданского оборота от виновного причинения вреда, очень тонкая. Для того чтобы эту грань можно было более или менее четко выявить, используют критерии определения вины.

Цивилистической науке известны субъективный и объективный критерии неосторожной вины.

Субъективный критерий означает оценку поведения субъекта, которая дается исходя из его собственных сил и возможностей. «Согласно данной позиции, ответственность субъекта права вытекает из факта установления возможности проявить должную заботу о правоохраняемом объекте. По мнению ряда авторов, при установлении вины должны учитываться уровень культурного развития субъекта, его способности, знания, навыки, профессиональный опыт и прочие индивидуальные качества личности…

Явным недостатком данной концепции является неопределенность границ ответственности. Рамки ответственности могут значительно раздвигаться в зависимости отличных качеств причинителя вреда»[280].

Применяя второй, объективный критерий, сравнивают поведение субъекта с некоторым образцом, с юридическим эталоном поведения.

«Сторонники объективного подхода считают, что вина имеет вполне определенный критерий. По мнению некоторых цивилистов, в процессе установления вины необходимо руководствоваться мерилом «среднего человека»… Уязвимость последнего подхода заключается в невозможности разрешить вопросы, связанные с дифференциацией ответственности»[281].

В российском гражданском праве одни ученые отстаивали необходимость применения объективного критерия, другие – субъективного, третьи предлагали комплексный подход, который учитывает оба критерия.

Б.С. Антимонов отстаивал субъективный подход,

руководствуясь принципом: "От каждого по его способностям". Автор критиковал буржуазную теорию среднего человека как наиболее яркое воплощение применения объективного масштаба[282].

В.А. Рахмилович, принципиально соглашаясь с точкой зрения Б.С. Антимонова, полагал, что если речь идет о вине конкретного лица, то тем самым и критерий надлежащего поведения должен быть конкретным, соответствующим возможностям данного лица[283].

И.Б. Новицкий и Л. А. Лунц считали целесообразным использование объективного критерия. По мнению ученых, «критерием оценки поведения должника является объективная мера, которую в данных конкретных условиях должен применить советский человек, работник советского хозяйственного предприятия»[284].

Г.К. Матвеев предлагал использовать дифференцированный подход, утверждая, что, возлагая ответственность за неосторожную вину, суд выясняет не только субъективные способности данного лица предвидеть и предотвратить результат, но и сопоставляет поведение этого лица с поведением других граждан и организаций. По его мнению, ценность объективного масштаба заключается в том, что при его помощи судебные и арбитражные органы могут успешно бороться с проявлениями недопустимой пассивности и безразличия к возможным обязанностям, к интересам других лиц[285].

Цитируемый автор утверждал, что объективный критерий не предполагает невыполнимых требований, и что он исходит из возможного, которое трактуется в виде нормы.

О.С. Иоффе предлагал применять объективно-субъективный критерий, построенный на учете характера деятельности, конкретной обстановки, в которой она осуществляется, и индивидуальных особенностей самого деятеля[286]. На сходных позициях стоял и Ю.Х. Калмыков[287].

Современное гражданское законодательство в качестве критерия применяет объективные обстоятельства. Например, пункт 1 статьи 796 Гражданского кодекса устанавливает ответственность перевозчика в случае гибели или повреждения доверенного ему груза: «Перевозчик несет ответственность за несохранность груза или багажа, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи грузополучателю, управомоченному им лицу или лицу, управомоченному на получение багажа, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза или багажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него

не зависело»[288]. Как видим, здесь закон ссылается на объективные обстоятельства, которые перевозчик не мог предотвратить или устранить.

Для обоснования применения того или иного критерия следует руководствоваться общеправовыми и отраслевыми принципами и учитывать сложившиеся в законодательстве и практике реалии. Решая данный вопрос, приходится отступать от чистого нормативизма и смотреть на правоприменение с позиций социологической юриспруденции, руководствуясь, в числе прочего, и учетом общественных интересов, которые нарушает субъект гражданско-правовой ответственности.

Отправной точкой в предлагаемых рассуждениях вполне может стать социальная природа вины, роль института вины в обеспечении правопорядка с учетом процессуальных возможностей и средств суда в ее установлении, а также с учетом изменения подходов к пониманию вины в процессе развития общественных отношений.

Природа вины физического лица, связанная в случае умысла с определенными интеллектуально-волевыми, то есть психическими факторами, в случае с неосторожной формой вины также требует учета субъективного критерия. Для каждого конкретного субъекта необходимо определить его собственные границы возможного в данной ситуации правомерного поведения, границы, в пределах которых его волеспособность позволяла бы избежать неблагоприятных имущественных последствий.

Механизм применения любых норм, в том числе, гражданско-правовых, имеет в своей основе абстрактный образ некого среднестатистического человека. В то же время, нельзя при рассмотрении каждого конкретного дела забывать о конкретном человеке с его неотъемлемыми личностными характеристиками. Только в этом случае возможно реализовать воспитательную функцию юридической ответственности[289].

Факторов, свидетельствующих в пользу применения объективного критерия, достаточно много. Первым таким фактором выступает нормативность права, его общеобязательность. Каждая норма права представляет собой общеобязательное правило поведения, она показывает и характеризует масштаб должного поведения в обществе. Именно с таким должным поведением суды в процессе правоприменительной деятельности сравнивают поведение каждого конкретного лица.

Второй фактор включает в себя один из основополагающих принципов гражданского права – принцип равенства сторон. Если подходить к правонарушителю с точки зрения его субъективного

состояния и применять субъективный критерий, то можно неоправданно ущемить имущественные права потерпевшего и кредитора, которые вправе были не знать субъективных особенностей своего контрагента и подходить к нему, исходя из собственного делового, социального и иного опыта, рассчитывать при совершении сделки на определенный объективный и приятый в обществе и юридической практике стандарт поведения.

В-третьих, имущественная ответственность, в отличие, например, от уголовной и административной, имеет более выраженный частноправовой характер. При реализации имущественной ответственности убытки или вред возмещаются в пользу кредитора или потерпевшего. В публичных отраслях права «выгодоприобретателем» является государство. Из этого следует, что при определении критериев вины в уголовном и административном предпочтение отдается использованию субъективного критерия, в гражданском праве – применению объективного критерия.

В-четвертых, в отличие от уголовного права, в гражданском праве не используется такое понятие, как невменяемость, которое в уголовных делах служит основанием освобождения от ответственности. Применение невменяемости, являющейся личностной субъективной характеристикой, свидетельствует о выборе субъективного критерия, а ее отсутствие – аргумент в пользу объективного критерия.

Пример применения объективного критерия содержится в Постановлении Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. Суд указал, что отступление от принципа виновной ответственности предусмотрено п. 3 ст. 401 ГК РФ, в соответствии с которым лицо, нарушившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, отвечает перед потерпевшими лицами независимо от своей вины. Согласно названной норме лицо, не исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, освобождается от ответственности лишь при наличии форс-мажорных обстоятельств. При этом суд отметил, что наложение ареста на вексель не является таким форсмажорным обстоятельством, поэтому в рассматриваемом случае не было оснований для освобождения ответчика от ответственности за просрочку оплаты векселя[290].

Особенно наглядно применяется объективный критерий при рассмотрении вопроса о вине юридического лица.

Суд решает, что юридическое лицо-нарушитель не предприняло необходимых мер для недопущения или устранения вредного результата, то есть его поведение не соответствовало

принятому образцу.

Отсутствие субъективного критерия приводит к тому, что, как уже было обосновано в работе, вина юридического лица не делится на умысел и неосторожность. Из этого следует, что применение одного только объективного критерия не позволяет нам выделить формы вины и в отношении физического лица. Это возможно только при использовании как объективного, так и субъективного критерия.

Особенности применения объективного и субъективного критерия для определения формы и наличия вины физического лица зависят от того, имеем мы дело с нарушением договорного обязательства или с деликтом.

Гражданский деликт имеет большое сходство с административными правонарушениями и уголовными преступлениями. Это сходство состоит в том, что правонарушение происходит в рамках абсолютного правоотношения, нарушается абсолютный правовой запрет, с той лишь разницей, что уголовные и административные запреты сформулированы в виде конкретного состава правонарушения, а в гражданском праве существуют в общем виде.

Совершая гражданско-правовой деликт, лицо тем самым посягает на основные конституционные права граждан, получившие свое развитие и конкретизацию в Гражданском кодексе. Деликт, таким образом, является нарушением абсолютного права других лиц и общего запрета посягать на их права и интересы.

Неосторожность в договорных обязательствах имеет некоторые особенности. Из относительности правоотношения, связывающего стороны договорного обязательства, вытекает то, что каждая из сторон связывает свои действия с ожидаемыми действиями другой стороны, определяемыми содержанием обязательства, и цель договора может быть достигнута, когда реальное поведение сторон будет соответствовать принятому обязательству. Необходимо также отметить, что в отличие от деликтной ответственности, объем и условия договорной ответственности стороны вправе предусмотреть самостоятельно.

Два обстоятельства: добровольность принятия на себя договорного обязательства и необходимость гарантирования имущественных интересов кредитора определяют необходимость применения в этих случаях объективного критерия[291].

Должник, заключая договор, соизмеряет свои возможности с содержанием принимаемых им на себя обязанностей. И то обстоятельство, что его собственных усилий недостаточно для недопущения убытков, не является извинительным, если "среднее

лицо" (образец) могло бы эти убытки предотвратить. В этом случае вина должника налицо, и состоит она в том, что он не соизмерил свои возможности с характером задач, которые предстоит решить. Кредитор рассчитывает именно на то поведение, которое является обычным для данного рода обязательств, и знай он, что перед ним контрагент, обладающий возможностями ниже принятого объективного образца, то или не заключал бы с должником договор, или со своей стороны предпринял бы дополнительные усилия для недопущения или уменьшения убытков.

Судебная практика, как правило, чаще руководствуется объективным критерием. Однако было бы несправедливо полностью отбрасывать субъективный критерий. Не вызывает сомнений, что в случае, если обязательство оказалось невыполненным из-за внезапной болезни должника, суд должен признать его невиновным. Таким образом, можно констатировать, что для определения неосторожности, в зависимости от ситуации, можно использовать и объективный и субъективный критерии. Выбор критерия должен, во-первых, зависеть от характера правонарушения, во-вторых, от конкретных обстоятельств, в которых это правонарушение произошло.

По мнению Е.Г. Антоновой, на практике «суды используют одновременно два критерия. Если судья сталкивается с распространенным (типичным) правонарушением, то ситуация рассматривается на основании решения аналогичных правовых споров, при этом используются объективные критерии, выработанные юридической практикой»[292].

В связи с принципом полного возмещения вреда, действующим в гражданском праве, степени неосторожности используются, в основном, применительно к вине самого потерпевшего. Только в этом случае, как правило, степень виновности имеет практическое значение. Как указывал О. С. Иоффе, вина служит основанием, но не мерой гражданско-правовой ответственности[293]. Это справедливо для ситуаций, когда виновен только должник. Но при смешанной ответственности именно вина становится ее мерой. Степени вины приобретают большое значение.

Как уже отмечалось, в гражданском праве общепринятым термином является грубая неосторожность. Наряду с ней, выделяется просто неосторожность, которую именуют легкой неосторожностью, простой неосторожностью, простой неосмотрительностью.

В уголовном праве такого деления нет, там существуют самонадеянность и небрежность. Однако для уголовного права не

характерна такая функция, как компенсационно-восстановительная. Гражданское право ориентировано на полную компенсацию причиненного вреда, и потому практическая роль неосторожности в гражданском праве сводится к тому, чтобы оценить степень неосторожности в действиях потерпевшего и соответственно уменьшить размер возмещения.

Вид неосторожности в гражданском праве определяется степенью интенсивности явления, сохраняющего качественную однородность. Между грубой и простой неосторожностью нет принципиального различия, как между самонадеянностью и небрежностью. Это лишь степени выраженности одного и того же явления, которые отличаются степенью интенсивности проявления в действиях виновного субъекта.

По мнению Г.К. Матвеева, легкая неосторожность имеет место тогда, когда лицо не предвидело вредных последствий своих действий, но по обстоятельствам дела могло и должно было их предвидеть, а грубая неосторожность – когда лицо предвидело последствия своих действий, но легкомысленно надеялось их избежать[294].

В таком определении явно прослеживается влияние уголовно-правовых конструкций, перенесенных на почву цивилистики. Фактически легкая неосторожность отождествляется с небрежностью, а грубая – с самонадеянностью.

Г.К. Матвеев пишет также, что неосторожную вину делят на грубую и легкую по двум признакам: по различной степени предвидения вредных последствий и по различной степени долженствования такого предвидения[295].

В гражданском праве основанием выделения степени неосторожности (грубой и простой) может служить именно проявленная субъектом степень заботливости и предусмотрительности. Что такое заботливость и предусмотрительность, Гражданский кодекс не поясняет. Логично предположить, что раз эти два слова поставлены рядом, они не являются синонимами.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля заботливость характеризуется как принадлежность заботливого человека, а заботливый – это заботящийся, попечительный, усердный. Забота – это усердные хлопоты о ком-то или о чем-то[296].

Предусмотрительность – свойство предусмотрительного человека; предусмотреть – предвидеть, видеть или знать заранее, прежде, чем сбылось[297].

Из такого толкования данных слов следует, что они действительно не являются синонимами, и если заботливость –

это усердное попечение о чем-то, то предусмотрительность – умение предвидеть события, предугадывать их.

Различия между простой и грубой неосторожностью носят не качественный, а количественный характер. Из этого следует, что крайне трудно, если вообще возможно, провести четкую границу между ними. Главная роль в проведении такой границы в каждом конкретном случае принадлежит суду. Именно он оценивает конкретные обстоятельства, при которых совершено правонарушение, исходя при этом не только из норм права, но и из своего правосознания.

Теоретически возможно выделить большее степеней неосторожности, чем две, но вряд ли это нужно с практической точки зрения.

Помимо Г.К. Матвеева, свои взгляды на критерии разграничения высказывали и другие отечественные исследователи. Так, С.С. Алексеев писал, что грубая неосторожность выражается в нарушении элементарных требований внимательности и осмотрительности, а простая неосторожность – в нарушении высоких требований, предъявляемых к лицу как к определенной индивидуальности, осуществляющей известный вид деятельности[298].

По мнению В.Т. Смирнова и А. А. Собчака, при грубой неосторожности нарушаются обычные, очевидные для всех элементарные требования, предъявляемые к лицу, осуществляющему определенную деятельность. Лицо, допускающее грубую неосторожность, в той или иной степени предвидит возможный результат, но рассчитывает его предотвратить. При простой неосторожности лицо не проявляет требуемой характером деятельности и конкретной обстановкой большей внимательности и осмотрительности[299].

Рассматривая степени неосторожности применительно к потерпевши от источника повышенной опасности, О.А. Красавчиков писал, что простая неосторожность имеет место, когда лицо действует, не зная об опасности, хотя и должно было знать о ней.

Грубую неосторожность О. А. Красавчиков делил на три степени:

1) потерпевший знает о существовании опасности причинения вреда, но недостаточно осознает возможные последствия своего поведения в конкретной обстановке;

2) потерпевший знает и осознает возможность наступления известных отрицательных последствий при наличии определенных условий, но полагает, что последствия эти не наступят;

3) потерпевший знает и осознает последствия своего поведения, но игнорирует их, хотя и не желает наступления вреда[300].

Данная классификация представляет несомненный теоретический интерес, хотя реальные жизненные обстоятельства не всегда могут укладываться в подобную схему.

Можно предположить, что простая неосторожность представляет собой такую ее степень, когда лицо не соблюдает обычные нормы заботливости и осмотрительности.

При грубой неосторожности лицо пренебрегает минимально необходимой в той или иной ситуации степенью заботливости и осмотрительности.

Разграничение простой и грубой неосторожности порой имеет и практическое значение. Возьмем, например, договор хранения. Как известно, договор хранения заключается в простой письменной форме, к которой, в частности, приравнивается и специальный жетон.

Жетон служит одним из возможных способов доказательства заключения договора хранения. Держатель жетона презюмируется в качестве поклажедателя или лица, действующего от его имени. Поэтому хранитель при выдаче им вещи, сданной на хранение, предъявителю жетона (в случае, если жетон был найден или похищен) несет ответственность лишь тогда, когда в действиях хранителя будет доказано наличие умысла или грубой неосторожности.

В соответствии с пунктом 1 статья 901 Гражданского кодекса, профессиональный хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя.

Пункт 2 данной статьи говорит, что за утрату, недостачу или повреждение принятых на хранение вещей после того, как наступила обязанность поклажедателя взять эти вещи обратно (пункт 1 статьи 899), хранитель отвечает лишь при наличии с его стороны умысла или грубой неосторожности.

Как видим, закон во всех случаях говорит только о грубой неосторожности. Следовательно, простая неосторожность не имеет соответствующих правовых последствий.

Е.А. Суханов приводит следующий пример: имущественный вред, выразившийся в сумме 50 тыс. рублей, причинен умышленным преступлением и вред на такую же сумму причинен по грубой неосторожности, причем причинитель вреда не был

привлечен к уголовной ответственности. Основная сумма, подлежащая взысканию в пользу потерпевшего, в обоих случаях будет одинаковой.

В виде исключения из указанного правила законом может быть предусмотрено влияние степени вины участников деликтного обязательства на объем ответственности. Например, размер возмещения, подлежащего взысканию в пользу потерпевшего, должен быть уменьшен, если его грубая небрежность содействовала возникновению или увеличению вреда. При этом учитывается и степень вины причинителя вреда (абз. 1 п. 2 ст. 1083 ГК). Легкая (простая) неосторожность в подобной ситуации не подлежала бы учету[301].

Наибольшее значение определение степени вины имеет в случаях так называемой смешанной ответственности. Например, в случае дорожнотранспортного происшествия виновны две стороны, и суд должен определить, кто в каком объеме возмещает причиненный ущерб. Представляется, что возмещение ущерба в этом случае должно базироваться на принципе справедливости, а он, в свою очередь, означает учет степеней вины каждого.

Представляют интерес также те случаи, когда закон предусматривает ответственность без вины. На практике, если и причинитель, и потерпевший допустили легкую неосторожность, причинитель будет нести имущественную ответственность в полном объеме. Будет справедливым, по нашему мнению, в таких случаях возложить ответственность пропорционально на обе стороны.

На практике часто основанием применения смешанной ответственности является только грубая неосторожность, легкая неосмотрительность на размер возмещения вреда не влияет.

Статья 1083 Гражданского кодекса посвящена учету вины потерпевшего. В соответствии с пунктом 1, вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит.

Пункт 2 устанавливает, что если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. При причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается.

Как видим, умысел и грубая неосторожность имеют разные

для потерпевшего правовые последствия. Умысел полностью лишает его возмещения, грубая неосторожность уменьшает размер возмещения, за исключением случаев причинения вреда жизни и здоровью. О легкой неосторожности речи не идет, что представляется не совсем справедливым.

А.П. Кирчак пишет, что деление деяний, совершенных по неосторожности, на грубую неосторожность и простую неосмотрительность, наоборот, имеет существенное значение. Так, если грубая неосторожность потерпевшего может привести как к отказу в компенсации вреда, так и к уменьшению объема выплаты, то простая небрежность пострадавшего не учитывается вообще.

Определение того, имела ли место грубая неосторожность или простая неосмотрительность, должно производиться судом в каждом конкретном случае[302].

Это может быть проиллюстрировано следующим делом, рассмотренным в Верховном Суде РСФСР. Н. предъявила иск о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, сославшись на то, что в результате наезда автобуса Архангельского автотранспортного предприятия погиб Е., на иждивении которого находилась несовершеннолетняя дочь. Судебная коллегия Архангельского областного суда иск Н. удовлетворила частично, применив принцип смешанной вины (30 % вины потерпевшего и 70 % причинителя вреда), поскольку в действиях Е. имелась грубая неосторожность. Как было установлено судом, Е. в сильной степени алкогольного опьянения шел по краю тротуара. Не удержав равновесия, он упал на проезжую часть и попал под колеса двигавшегося автобуса. Как обоснованно указал в своем решении областной суд (с ним впоследствии согласился и Верховный Суд РСФСР), Е. проявил грубую неосторожность, выразившуюся в том, что он в нетрезвом состоянии не проявил в зоне интенсивного дорожного движения должного внимания, вышел на проезжую часть дороги и попал под колеса проходившего автобуса[303].

Вопрос об определении понятия «грубая неосторожность» стало предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Заявитель М.В. Янович оспаривал конституционность абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации. По мнению заявителя, содержащееся в нем положение об учете вины потерпевшего при возмещении вреда является неопределенным и не позволяет, в частности, установить существенные признаки понятия «грубая неосторожность», что приводит к нарушению статьи 19 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд в принятии жалобы отказал и в своем определении заявил, что использование в данной норме такого оценочного понятия, как "грубая неосторожность", в качестве требования, которым должен руководствоваться суд при определении размера возмещения потерпевшему, не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы, поскольку разнообразие обстоятельств, допускающих возможность уменьшения размера возмещения или отказа в возмещении, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, что само по себе не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод заявителя, перечисленных в жалобе.

Вопрос же о том, является ли неосторожность потерпевшего грубой небрежностью или простой неосмотрительностью, не влияющей на размер возмещения вреда, разрешается в каждом случае судом с учетом конкретных обстоятельств. При этом, применяя общее правовое предписание к конкретным обстоятельствам дела, судья принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения, что также не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод гражданина[304].

В определенных случаях имеет практическое значение не только степень вины потерпевшего, но и степень вины причинителя.

В соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса, при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 также говорится, что при рассмотрении вопросов о возмещении морального вреда суды, среди прочих обстоятельств, должны учитывать степень вины причинителя[305]. Пленум указал, что одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом.

В соответствии со статьей 1100 Гражданского кодекса, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

• вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

• вред причинен гражданину в результате его незаконного

осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

• вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;

• в иных случаях, предусмотренных законом.

Подводя итоги главы, можно сделать следующие выводы.

Вина как основание гражданско-правовой ответственности имеет, в соответствии с действующим гражданским законодательством, две формы: умысел и неосторожность. В научной литературе иногда говорится о трех формах: умысле, неосторожности и грубой неосторожности.

Умысел – это форма вины, при которой причинитель вреда знал о последствиях своих действия и сознательно желал наступления этих последствий. Таким образом, умысел характеризуется определенным психическим отношением виновного лица к своим действиям. Такое психическое отношение состоит из интеллектуального и волевого компонента. Интеллектуальный компонент будет заключаться в осознании виновным лицом противоправности и общественной опасности своего поведения. Волевой компонент будет проявляться в желании определенных последствий и в действиях, направленных на осуществление данного желания.

В научной литературе встречается разделение умысла на прямой, когда лицо непосредственно желает наступления определенных последствий, и косвенный, когда лицо допускает возможность наступления таких последствий, однако такое деление не находит подтверждения в гражданском законодательстве и не имеет никаких последствий для правоприменительной практики.

Неосторожностью в гражданском праве считается такая форма вины, когда лицо при совершении определенных действий не проявляет должной заботливости и осмотрительности. Однако в Гражданском кодексе не раскрывается значение терминов «заботливость» и «осмотрительность», что затрудняет анализ неосторожности и ее степеней.

В научной цивилистической литературе господствует точка зрения, что наряду с грубой неосторожностью, которую упоминает Гражданский кодекс, целесообразно выделять также простую или легкую неосторожность. При этом большинство авторов полагает, что грубой неосторожностью будет считаться несоблюдение самой элементарной заботливости и

осмотрительности. Простая неосторожность означает непроявление такой заботливости и осмотрительности, которая требуется по условиям соответствующих правоотношений.

Проблема разграничения форм вины и степеней неосторожности в гражданском праве связана с нормами действующего законодательства, которое в некоторых случаях наличие умысла в действиях потерпевшего считает основанием избавить причинителя вреда от ответственности. В других случаях наличие в действиях потерпевшего грубой неосторожности могут снизить размер возмещения со стороны причинителя вреда.

На практике разграничить умысел и неосторожность, а тем более, грубую и простую неосторожность, бывает непросто. При этом существует возможность применения двух критериев: субъективного и объективного.

В первом случае рассматривается конкретная личности с ее специфическими особенностями и анализируется ожидаемое именно от этой личности поведение.

Во втором случае, поведение конкретной личности сравнивается с неким усредненным поведением, с принятым и закрепленным в праве образцом поведения.

И тот, и другой подход имеют свои достоинства и недостатки, что позволяет говорить о желательности применения в судебной практике смешанного, субъективно-объективного подхода. При этом можно констатировать, что в реальной судебной практике преобладает объективный подход, что, очевидно, соответствует современному этапу развития общественных отношений. Интересы общества заключаются в том, что оно желает полного восстановления нарушенных прав и компенсации причиненного ущерба, независимо от того, был ли такой ущерб причинен умышленно либо по неосторожности. Пострадавшего от неправомерных действий собственника мало интересует, проявил ли виновник грубую, легкую или обычную степень неосторожности. Для него важно восстановить свое нарушенное право, получить полную компенсацию своих убытков. И в этом аспекте интересы собственников, сливаясь, образуют тот коллективный, общественный интерес, который и выступает социальным основанием гражданско-правовой ответственности.

Заключение

Социальный порядок складывается в результате суммирования множества однонаправленных и разнонаправленных процессов, при этом важную роль играет публично-правовое, в первую очередь, государственное регулирование. Право выступает важным звеном такого регулирования.

Гражданско-правовая ответственность – существенный элемент в механизме правового и социального регулирования, направленный на формирование и поддержание социального порядка. Эффективное применение мер гражданско-правовой ответственности способствует стабилизации и успешному развитию гражданского оборота, позитивно влияет на экономические отношения. В свою очередь, проблемы в экономическом развитии далеко не всегда зависят от гражданско-правовой ответственности, как и от других правовых институтов. Право представляет собой лишь один из множества социальных регуляторов, важный, но всегда определяющий. Не все социальные проблемы можно решить с помощью права.

Гражданско-правовая ответственность выступает одним из видов юридической ответственности, и при этом обладает значительной спецификой. В широком смысле социальным основанием гражданско-правовой ответственности выступают общественные отношения. В узком смысле социальные основания гражданско-правовой ответственности представлены разнообразными общественными интересами, которые, при всем их различии, при суммировании могут быть условно представлены в виде однонаправленного вектора. Именно с помощью правовых норм происходит структурирование разнонаправленных интересов, действующих в социальном пространстве, происходит направление этих интересов в нужное русло.

Интересы, как и другие социальные факторы, отличаются подвижностью и вариативностью. Они создают мотивирующее поле для развития социального пространства. Воздействуя на гражданско-правовую ответственность, социальные интересы определяют такие ее черты и элементы, как принципы и условия ответственности. Компенсационный характер гражданско-правовой ответственности защищает собственность и право собственности от разного рода посягательств и ущерба. С помощью гражданско-правовой ответственности обеспечивается основополагающий принцип гражданского права, известный еще с

древних времен – договоры должны соблюдаться. Таким образом, гражданско-правовая ответственность – это часть того механизма, с помощью которого достигается стабилизация общественных отношений, решаются цели достижения законности и правопорядка.

Литература

1. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002.

2. *Авдеенкова М.П.* Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М.: Манускрипт, 2007.

3. *Авилов Г.Е., Суханов Е.А.* Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

4. *Агарков М.М.* К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. М., 1945.

5. *Агибалова Е.Н.* Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности // Налоги. 2010. № 7.

6. *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздат, 1950.

7. *Антонова Е.Г.* Вина и ответственность в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2006. № 1.

8. *Базылев Б.Т.* Об институте юридической ответственности // Советское государство и право. 1975. № 1.

9. *Базылев Б.Т.* Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4.

10. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985.

11. *Бельский К. С., Зайцева Л.А.* Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) // Юридическое образование и наука. 2010. № 3.

12. *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М.: МГУ, 1986.

13. *Богданов Д. Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. М., 2013.

14. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М., 1998.

15. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. Кн.1. М.: Статут, 2001.

16. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.: Юрид. лит., 1976.

17. *Варул П.* Методические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллин, 1986.

18. *Гарамита В.В.* Вина как основание гражданско-правовой ответственности // Право России в XX1 веке: Сборник научных статей. М.: Готика, 2007.

19. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990.

20. *Гилинский Я. И.* Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3.

21. *Горшенев В.М.* К вопросу о понятии юридической ответственности // Вопросы теории советского права. Новосибирск, 1966.

22. Гражданское право: Учебник: В 3-х т. Т.1. 6-е изд. /Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 2008.

23. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

24. *Грибанов В.П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973.

25. *Дмитриева О.В.* Ответственность без вины в гражданском праве: Учеб. пособие. Воронеж, 1997.

26. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006.

27. *Дорская А.А.* Взаимодействие международно-правовых, государственных правовых и религиозных норм: исторический и теоретический аспекты // Образование и право. 2012. № 5 (33).

28. *Дорская А.А… Честнов И.Л.* Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб., 2010.

29. *Духно Н., Ивакин В.* Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право, 2000, № 6.

30. *Ермолова О.Н.* Ответственность в гражданском праве // Гражданское право. 2008. № 3.

31. *Зайцев И.М.* Гражданская процессуальная ответственность // Государство и право. 1999. № 7.

32. *Зверева И.Е.* Ответственность предпринимателя за нарушение договорных обязательств // Право и экономика. 1998. № 10.

33. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980.

34. *Иванов Р.Л.* Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского университета. 1998. Вып.1.

35. *Иванов И.С.* К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков // Российский следователь. 2005. № 11.

36. *Иванова С. А.* Проблемы классификации частного и публичного права: научный подход // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34.

37. *Иванова С. А.* Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005.

38. *Иванова С. А.* Справедливость, право, закон: к вопросу о соотношении понятий // Правовая инициатива. 2013. № 8.

39. *Ильинов О.* Основные подходы к пониманию юридической ответственности в российском праве // Право и жизнь. 2007. № 107 (2).

40. *Иоффе О.С.* Значение вины в гражданском праве // Ученые записки Ленинградского университета. № 129. Юридические науки. Вып.3. 1951.

41. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975.

42. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Л., 1958.

43. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1962.

44. *Калмыков Ю.Х.* Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976.

45. *Карпова Н.В.* Ответственность сторон кредитного договора за ненадлежащее исполнение своих обязательств // Современное право. 2006. № 10.

46. *Кархалев Д.Н.* Стадии гражданского правонарушения // Гражданское право. 2014. № 2.

47. *Киселев С.* Формы и виды вины в гражданских правоотношениях // Российская юстиция. 2000. № 4.

48. *Коньшина А.* Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3.

49. *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966.

50. *Крупеня Е.М., Смолина И.Г.* Правовая культура избирательного процесса персоноцентристский анализ. М., 2012.

51. *Кузьмина А.В.* Категория «интерес» в философии и праве. М.: Юриспруденция, 2009.

52. *Кузьмина А.В.* Юридические интересы: теоретико-правовое исследование. М.: Наука, 2011.

53. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981.

54. *Лейст О. Э.* Сущность права: проблемы теории и философии права. М., 2008.

55. *Ллойд Д.* Идея права / Пер. с англ. – 5-е изд. М., 2009.

56. *Липинский Д.* Взаимосвязь функций юридической ответственности // Право и жизнь. 2002. № 48.

57. *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003.

58. *Логинова Е.В., Рогачев М.А.* Особенности гражданско-правовой ответственности // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34.

59. *Любищев А.А.* Расцвет и упадок цивилизации. СПб., 2008.

60. *Малахов В.П.* Мифы современной общеправовой теории. М., 2013.

61. *Малеин И.С.* Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1986.

62. *Малеин И.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.

63. *Малеин И.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992.

64. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2011.

65. *Марченко М.И.* Проблемы теории государства и права. М., 2007.

66. *Матвеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. Томск. 1970.

67. *Мацкевич А.В.* Функции юридической ответственности в современном обществе: понятие, система, тенденции развития // Российский следователь. 2006. № 12.

68. *Милохова А.В.* Объективность вины в гражданском праве //

69. Адвокатская практика, 2007, Специальный выпуск, Сентябрь.

70. *Мозолин В.П.* О дальнейших путях развития гражданского права // Журнал российского права. 2007. № 3.

71. *Муравский В.Ф.* Становление и развитие в России гражданско-правовой ответственности за причиненный вред // Юридический мир. 2006. № 4.

72. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. СПб., 2004.

73. *Нарозников Н.К.* Гражданско-правовая ответственность без вины за вред, причиненный при оказании услуг // Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003.

74. *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М., 2005.

75. *Пашенцев Д.А.* К вопросу о позитивной ответственности в современном гражданском праве // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 22.

76. *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010.

77. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2004.

78. *Радько Т.Н.* Функции права. М., 2015.

79. *Разгельдеев Н.Т.* Ответственность по советскому природоохранительному праву. Саратов, 1986.

80. *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. М.: ВЮЗИ, 1980.

81. *Рахмилович В.А.* К вопросу о содержании и значении гражданской вины // Ученые записки ВЮЗИ. Вып.5. Вопросы гражданского права. М., 1958.

82. *Символоков О.А.* Основание гражданско-правовой ответственности предпринимателей // Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003.

83. *Сирохин А.И.* Теоретические аспекты небрежности в праве России // История государства и права. 2007. № 12.

84. *Скурко Е.В.* Принципы права. М., 2008.

85. *Слесарев В.Н.* Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980.

86. *Слободян А.А.* Гражданско-правовая ответственность в современную эпоху // Гражданское право. 2014. № 2.

87. *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.

88. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.

89. *Строгович М. С.* Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.

90. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973.

91. *Тебряев А.А.* Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. 2002. № 3.

92. *Толстик В.А… Трусов Н.А.* Понятие содержания права // Государство и право. 2014. № 6.

93. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998.

94. *Флейшиц Е.А.* Ответственность организаций за действия их работников// Ученые записки ВНИИСЗ. Вып.4. М., 1965.

95. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.

96. *Хохлов В.А.* Ответственность и позитивное регулирование // Гражданское право. 2008. № 3.

97. Цивилистические записки. Вып.3. Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003.

98. *Чернявский А.Г.* Юридическая ответственность. М., 2015.

99. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012.

100. *Честнов И.Л.* Конструктивистская парадигма в историко-правовой науке // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. М.: АПКиППРО, 2013.

101. *Честнов И.Л.* Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: Сб. науч. статей. Вып. 10 / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2009.

102. *Честное И.Л.* Концепт справедливости в

постклассическом правопонимании // Правоведение. 2013. № 2.

103. *Шепель Т.В.* О легальном определении вины в гражданском праве // Современное право. 2006. № 7.

104. *Шишкин С.К.* Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Теория и практика. М.: Ось-89, 2007.

105. *Экимое А.И.* Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2.

106. *Эрделееский А.М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 1999.

107. *Эрделееский А.М.* Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1998.

108. *Яншееский В.* Теоретико-методологические и нормативные аспекты исследования позитивной гражданско-правовой ответственности в Российской Федерации // Право и жизнь. 2004. № 75.

109. *Dworkin R. Taking* rights seriously. – Cambridg: Harvard univ. press, 1977.

110. *Hart H.L.A.* Concept of Law. – Oxford, 1961.

notes

Примечания

1

Иванова С. А. Проблемы классификации частного и публичного права: научный подход // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 32.

2

Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 36.

3

Бельский К.С., Зайцева Л.А. Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) // Юридическое образование и наука. 2010. № 3. С. 36.

ЛюбищевА.А. Расцвет и упадок цивилизации. СПб., 2008. С. 232.

5

Дорская А.А. Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб., 2010.

Любищев А.А. Расцвет и упадок цивилизации. СПб., 2008. С. 281.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012. С. 105.

Там же. С. 296–297.

Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в историко-правовой науке // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. М.: АПКиППРО, 2013. С. 209.

10

Честнов И.Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: Сб. науч. статей. Вып. 10 / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2009. С. 55.

Крупеня Е.М., Смолина И.Г. Правовая культура избирательного процесса персоноцентристский анализ. М., 2012. С. 6.

Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 12.

13

Дорская А.А. Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб., 2010. С. 39.

Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. С. 12.

15

Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 62.

Алексеев С.С. Философия права. – М., 1997, с. 17.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 32.

Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 90.

19

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 22.

Толстик В.А. Трусов Н.А. Понятие содержания права // Государство и право. 2014. № 6. С. 11.

Спенсер Г. Грехи законодателя // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 134.

МарченкоМ.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2007. С. 326.

См.: Кузьмина А.В. Категория «интерес» в философии и праве. М.: Юриспруденция, 2009.

Кузьмина А.В. Юридические интересы: теоретико-правовое исследование. М.: Наука, 2011. С. 17.

Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 24.

Кузьмина А.В. Юридические интересы: теоретико-правовое исследование. М.: Наука, 2011. С. 184.

Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 777.

Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 20.

Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2. С. 61.

31

Дорская А.А. Взаимодействие международно-правовых, государственных правовых и религиозных норм: исторический и теоретический аспекты // Образование и право. 2012. № 5 (33). С. 12–28.

Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002. С. 169.

33

Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1994. С. 23.

Хайруллоев Ф.С. Принцип справедливости в мусульманском праве: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.

Ллойд Д. Идея права / Пер. с англ. – 5-е изд. М., 2009. С. 128.

Честное И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Правоведение. 2013. № 2. С. 50.

Папкова О.А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 89.

СкуркоЕ.В. Принципы права. М., 2008. С. 23.

Беребеня Н.В. Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: Автореф. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3.

Гражданское право: Учебник: В 3-х т. Т.1. 6-е изд. /Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 2008. С. 26.

Иванова С.А. Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 132.

Иванова С.А. Справедливость, право, закон: к вопросу о соотношении понятий // Правовая инициатива. 2013. № 8: http://49e.ru/ru/2013/8/3.

Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 81.

См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2004.

Dworkin R. Taking rights seriously. – Cambridg: Harvard univ. press, 1977. – P.22.

HartH.L.A. Concept of Law. – Oxford, 1961. – P. 202.

47

Определение Верховного суда РФ от 05.10.2000 № КАК 00-398 // СПС «Консультант Плюс»

СЗ РФ. 17.01.2000. № 3, ст. 353.

Иванова С.А. Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 373.

Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013. С. 119.

Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. М., 2013. С. 39.

См., напр.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т.1. М., 1982. С. 277; Общая теория права и государства / Под. ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 204.

Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 32.

Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 102.

Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1962. С. 318.

Авдеенкова М.П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007. С. 24.

Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 147.

Общая теория государства и права: Академический курс. Т. 2 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С. 592.

Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 13.

Горшенев В.М. К вопросу о понятии юридической ответственности // Вопросы теории советского права. Новосибирск, 1966. С. 45.

Лейст О. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 97.

Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М., 2015. С. 322.

См.: *Духно Н., Ивакин В.* Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право, 2000, № 6.

Мацкевич А.В. Функции юридической ответственности в современном обществе: понятие, система, тенденции развития // Российский следователь. 2006. № 12.

См., напр.: Общая теория права и государства /Под ред. В.В.Лазарева. М., 1996. С. 244.

Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М., 2015. С. 59.

Гилинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 11.

Авдеенкова М.П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007. С. 133–135.

Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12. С. 5.

Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 279.

Кабанова И.Е. К вопросу об отраслевой принадлежности норм о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. 2014. № 2. С. 14.

Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 97.

Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 85.

Гражданское право: Учебник Т.1. / Под. ред. д.ю.н., проф. Садикова О.Н. М., 2006. С. 430.

Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1986. С. 19.

Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 6–7.

См.: Советская юстиция. 1966. № 13. С. 6.

Малеин Н.С. Указ. соч. С. 19.

Гражданское право. Ч.1. СПб., 1996. С. 479.

Базылев Б.Т. Об институте юридической ответственности // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 111.

Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита собственности в СССР. Л., 1955. С. 104.

Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. Автореф. дисс… д.ю.н. Саратов, 1998. С. 7.

Тархов В.А. Указ. соч. С. 11.

Гражданское право. М., 1993. Т.1. С. 169–170.

Гражданское право. Т.1 /Под ред. д.ю.н., проф. Суханова Е.А. М., 2004. С. 224.

Пашенцев ДА., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010. С. 22.

Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л., 1958. С. 436.

Малеин Н.С. Указ. соч. С. 39.

Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М., 2015. С. 59.

Муравский В. Ф. Становление и развитие в России гражданско-правовой ответственности за причиненный вред // Юридический мир. 2006. № 4.

91

См.: *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006 // СПС «Консультант Плюс».

Долинская В.В. Указ. соч.

Логинова Е.В., Рогачев М.А. Особенности гражданско-правовой ответственности // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 71–72.

Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 134.

Хачатуров Р.Л. Генезис юридической ответственности // Право и политика. 2006. № 9.

Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 7 – 25.

Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 122 – 179.

Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

Например: *Аскназий С. И.* Вина и причинение в обязательствах из причинения вреда // Вестник советской юстиции. 1925. № 20. С. 776–780; *Либба И.* Ответственность железных дорог за смерть и увечье пассажиров // Транспорт и хозяйство.

1927. Т. 1. С. 260; *Варшавский К.М.* Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929. С. 74–89.

Например: *Яблочков Т.М.* Невозможность исполнения и сила договорного обязательства // Право и жизнь. 1926. № 4–5. С. 15–27; № 6–7. С. 14–19; *Фаас И.Я.* Вина при заключении договора // Записки Одесского ин-та народного хозяйства. Одесса,

1928. № 2. С. 387–445.

Гойхбарг А.Г. Указ. соч. С. 174.

102

ˆГражданский кодекс советских республик. Текст и практический комментарий; под ред. А. Л. Малицкого.

103

Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928. С. 20.

Гойхбарг А.Г. Указ. соч. С. 174.

Варшавский К.М. Указ. соч. С. 75.

Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. С. 82.

107

Свердлов Г.М., Тадевосян В.С. Гражданский кодекс РСФСР в судебной практике. М., 1929. С. 153.

Амфитеатров Г.Н. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4.С. 74.

Амфитеатров Г.Н. Ответственность по договору // Вопросы советского хозяйственного права. М., 1973. С. 214.

Амфитеатров Г.Н. Ответственность по договору. С. 214.

111

Советская юстиция. 1937. № 14. С. 6.

112

См.: Курс советского хозяйственного права; под ред. М.Н. Доценко. Т. 2. С. 94–97.

113

Например: *Каравайкин А.А.* Исполнение договоров. М., 1934. С. 32; *Комаров В.* Основные вопросы теории советского договорного права в свете исторической роли диктатуры пролетариата //Советское государство и право. 1934. № 1. С. 52.

Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности. Л., 1935. С. 125.

115

Там же. С. 175–176.

ˆГражданское право / Коллектив ВИЮН. М., 1938. Т. 2. С. 57.

117

Там же. С. 393.

Шварц Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939. С. 25, 29, 42.

119

См.: Гражданское право; под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. Т. 2. С. 323, 324, 375, 376.

120

См.: *Шор Л.М.* Совершенствование договорно-правовых отношений в сфере материально-технического снабжения // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 43–52.

121

Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. Киев, 1971. С. 29; Экономические санкции и дисциплина поставок; под ред. В.К. Мамутова. Киев, 1976.

122

См.: *Матвеев Г.К.* Защита принципа виновной ответственности в отношениях между хозорганами // Советская юстиция. 1973. № 15. С. 15–16.

123

См.: *Малеин Н.С.* Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968.

'См.: *Шварц Х.И.* Указ. соч. С. 26.

125

Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. М., 1957. С. 170–171.

126

См.: *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. С. 121.

127

См.: *Антимонов Б.С.* Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952, С. 32.

Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та. 1959. Т. 1. С. 273.

'Гражданское право; под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. I. С. 337.

См.: *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 166–168.

131

См.: *Брагинский М.И. К* вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Труды ВЮЗИ. 1966. Т. 1. С. 51; *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 154; *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 15 и след.

Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 154.

133

См.: *МагазинерЯ.М.* Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 289, 298.

Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 77, 216.

Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 181–182.

Либба И. Ответственность железных дорог за целостность груза и срочность доставки. М., 1924. С. 260.

137

См.: Обзор заседаний сектора гражданского права ВИЮН // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 73.

Например: *Новицкий И.Б., Лунц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 361.

139

Например: *Туманов В.А.* Понятие непреодолимой силы в советском гражданском праве // Вопросы советского гражданского права. М., 1975. С. 116.

Например: *Павлодский Е.А.* Случай и непреодолимая сила в советском гражданском праве: автореф. дисс… канд. юрид. наук. М., 1972. С. 15.

141

См.: *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 198.

Например: *Данилова Е.Н.* Обеспечение увечных. М., 1927. С. 110.

Например: *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С. 61–62.

Шварц Х.И. Указ. соч. С. 37.

Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955. С. 212.

Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. С. 376.

Муравский В. Ф. Становление и развитие в России гражданско-правовой ответственности за причиненный вред // Юридический мир. 2006. № 4.

Русинов Р.К. Юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 308.

Липинский Д. Взаимосвязь функций юридической ответственности // Право и жизнь. 2002. № 48. С. 31.

Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 20–21.

Черных Е.В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. 1998. Вып. 1(10). С. 80–81.

Матузов Н.И. Право как мера свободы и ответственности личности: межвуз. сб. науч. статей // Атриум. Сер. Юриспруденция. Тольятти, 1999. № 1. С. 23.

153

Цит. по: Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 494.

Общая теория права. Курс лекций. / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 459.

155

Матузов Н.И. Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности личности // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 143.

Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 75.

Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.). Очерки теории и практики. М., 2001. С. 362.

Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 489.

159

См.: *МатузовН.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 195.

См., напр.: Теория государства и права: Курс лекций / Под. ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 551–552.

161

См.: *Иванов Р.Л.* Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского университета. 1998. Вып.1. С. 97.

См.: *ГревцовЮ.И.* Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 196.

163

Булатов А.С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы): Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Л., 1985. С. 15.

Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 43.

Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 15.

Ермолова О.Н. Ответственность в гражданском праве // Гражданское право. 2008. № 3. С. 21.

Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С. 15.

ТарховВ.А. Гражданское право. Уфа, 1998. С. 274–275.

Хохлов В.А. Ответственность и позитивное регулирование // Гражданское право. 2008. № 3. С. 9.

Пашенцев Д.А. Позитивная ответственность в гражданском праве // Актуальные проблемы современного гражданского права. М.: Готика, 2008. С. 6.

Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 40.

Символоков О.А. Основание гражданско-правовой ответственности предпринимателей // Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. С. 187.

173

Цит. по: Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. С. 186.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т.1.М., 1994. С. 279.

Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 10.

Автаева О.Ю. Гражданские правонарушения (сущность и состав): Дисс… к.ю.н. М., 2004. С. 16.

177

См.: *Слесарев В.Л.* Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980.

Шишкин С. К. Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Теория и практика. М.: Ось-89, 2007. С. 97.

Малеин Н.С. Указ. соч. С. 17.

180

См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 110; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 325.

181

Зверева И.Е. Ответственность предпринимателя за нарушение договорных обязательств // Право и экономика. 1998. № 10. С. 14.

См.: Цивилистические записки. Вып.3. Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. С. 190.

Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 365.

Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1958. С. 203.

Малеин Н.С. Указ. соч. С. 87.

Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. Томск. 1970. С. 46.

Гражданское право. Т.1. М., 1944. С. 328.

Нарозников Н.К. Гражданско-правовая ответственность без вины за вред, причиненный при оказании услуг // Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. С. 114.

189

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 13 августа. № 152.

Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 63–64.

Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 89–90.

Тархов В.А. Указ. соч. С. 137.

193

ТарховВ.А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996. С. 105.

Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973. С. 57.

195

Нарозников Н.К. Гражданско-правовая ответственность без вины за вред, причиненный при оказании услуг // Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. С. 115.

См.: *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006 // СПС «Консультант Плюс»

197

См.: п. 11 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 1996. № 9.

198

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.

199

См.: *Эрделевский А.М.* Моральный вред и компенсация за страдания. М., 1998.

Марченко С. В., Лазарева-Пацкая Н.В. Проблемы компенсации морального вреда в зеркале Российского права // Адвокатская практика. 2004. № 5 // СПС «Консультант Плюс».

201

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 1999. С. 108.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст.3301.

Авдеенкова М.П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007. С. 261.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С. 582.

205

Шепель Т.В. О легальном определении вины в гражданском праве // Современное право. 2006. № 7.

См., например: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 2000. С. 223

Степанов М.А. Доказывание вины деликвента и причинной связи правонарушения с его последствиями в гражданских делах по искам о компенсации морального вреда // Закон и право. 2001. № 11. С. 30.

Гражданское право: Учебник: В 3-х т. Т.1. 6-е изд. /Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 2008.

Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972; Он же. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983.

Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 113.

Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982. С. 139 – 140.

См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010 // СПС «Консультант Плюс».

213

См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 582–613; Путинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 151–153 и др.; Гражданское право: Учеб.: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т.1. М., 2000. С. 449.

Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве: Учеб. пособие. Воронеж, 1997. С. 36.

215

Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. С. 140.

Коньшина А. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 118.

Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 122.

Шепель Т.В. О легальном определении вины в гражданском праве // Современное право. 2006. № 7 // СПС «Консультант Плюс».

См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010 // СПС «Консультант Плюс».

Авдеенкова М.П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007. С. 262.

СЗ РФ. 2001. № 7. Ст.700.

222

Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 6 марта 2000 г. № КАС 00–97 // Бюллетень ВС РФ. 2000. № 7. С. 2.

223

Гражданское право. Т.1. / Под. ред. д.ю.н., проф. Суханова Е.А. М., 2004. С. 234.

Документ опубликован не был. См.: СПС «Консультант Плюс».

225

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Российская газета, № 251, 31.10.2012.

226

Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1833-О // Документ опубликован не был. См.: СПС «Консультант Плюс».

227

Там же.

228

Постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 N 9127/12 по делу N А40-82872/10-73-400"Б" // Вестник ВАС РФ, 2013, № 2.

229

Забелин А.В. К вопросу об ответственности саморегулируемых организаций за своих членов // Юрист. 2014. № 23. С. 31.

Годовалова М.Н. Понятие и значение презюмирования вины в гражданском праве // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 141.

Авдеенкова М.П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007. С. 263.

Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. С. 286–292.

Авилов Г.Е., Суханов Е.А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 14.

См., напр.: *Матвеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 234.

Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 241.

Степанов М.А. Доказывание вины деликвента и причинной связи правонарушения с его последствиями в гражданских делах по искам о компенсации морального вреда // Закон и право. 2001. № 11. С. 30.

Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 130.

Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. М., 1945. С. 131.

Коньшина А.К. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 116.

240

См.: *Сумской Д.А.* Гражданско-правовое положение органа юридического лица. М., 2007. С. 8–37.

Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада // Избранные труды. М., 1997. С. 221.

Сумской Д.А. Указ. соч. С. 43.

Цит. по: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. С. 211.

Иоффе С. О. Указ. соч. С. 54–68.

См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010 // СПС «Консультант Плюс».

Коньшина А. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 117.

Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. ст.71.

См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве. М.: Юркомпани, 2010 // СПС «Консультант Плюс».

249

Флейшиц Е.А. Ответственность организаций за действия их работников// Ученые записки ВНИИСЗ. Вып.4. М., 1965. С. 148–149.

Коньшина А. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 117.

251

См., напр.: *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. М.: ВЮЗИ, 1980; Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. Орел, 1996 и др.

Иванов И.С. К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков // Российский следователь. 2005. № 11.

Коньшина А.К. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3. С. 116–117.

Коньшина А.К. Указ. соч. С. 118.

Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. М., 1945.

Агарков М. М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. М., 1945.

Киселев С. Формы и виды вины в гражданских правоотношениях // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 25.

Там же.

Киселев С. Указ. соч. С. 25.

Киселев С. Указ. соч. С. 25.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн.1. Общие положения. Изд. 2-е. М., 1999. С. 758.

СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

СЗ РФ. 1998. № 31. Ст.3824.

СЗ РФ. 2002. № 1. Ч.1. Ст.1.

Сирохин А.И. Теоретические аспекты небрежности в праве России // История государства и права. 2007. № 12 // СПС «Консультант Плюс»

Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве / Под ред. К.П. Николаева. Киев: Киевский гос. ун-т, 1955. С. 75.

Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 55.

СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Терешко Ю. Убыточный шопинг // ЭЖ-Юрист. 2007. № 43.

Юдин А.В., Шейфер М.С. Проблемы юридической ответственности членов семьи лица, не способного в момент причинения вреда понимать значение своих действий и руководить ими // Юрист. 2007. № 9.

Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. 2-е издание. Т. II, полутом 2. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 381.

Суханов Е.А. Указ. соч. С. 381.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Кн.1. М.: Статут, 2001. С. 613.

См.: *Нам К.В.* Основания взыскания убытков, возникших вследствие нарушения договорных обязательств (сравнительно-правовой анализ) // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей. М.: Статут, 2006 // СПС «Консультант Плюс»

Гражданское право. Т. 2. М., 1938. С. 392.

Матвеев Г.К. Основание гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 374.

Грибанов В.П. Ответственность сторон по договору поставки. М., 1962. С. 12.

Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 80.

279

Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.09.2006, 12.09.2006 № Ф03-А73/06-1/3391 по делу № А73-12428/2005-39.

Антонова Е.Г. Вина и ответственность в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2006. № 1. С. 50.

Антонова Е.Г. Указ. соч. С. 51.

Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего в гражданском правонарушении. С. 97–103.

283

Рахмилович В.А. К вопросу о содержании и значении гражданской вины // Ученые записки ВЮЗИ. Вып.5. Вопросы гражданского права. М., 1958. С. 127.

Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 321.

285

Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 280–281.

Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 135–136.

Калмыков Ю.Х. Возмещение вреда, причиненному имуществу. С. 30.

СЗ РФ. 1996. № 5. Ст.410.

Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М., 2010 // СПС «Консультант плюс»

290

Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23.11.2006 № Ф04-7770/2006(28550-А46-16) по делу № А46-1153/06.

Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М., 2010 // СПС «Консультант плюс»

Антонова Е.Г. Вина и ответственность в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2006. № 1. С. 51.

Иоффе О.С. Значение вины в гражданском праве // Ученые записки Ленинградского университета. № 129. Юридические науки. Вып.3. 1951. С. 141.

Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 295.

Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 296.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. СПб., 1998. С. 554.

Даль В.И. Указ. соч. Т.3. С. 390.

Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып.2. М., 1964. С. 221.

299

СмирновВ.Т., СобчакА.А. Общее учение о деликтных обязательствах. С. 81–82.

Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. С. 186–188.

301

Гражданское право. Т. 2. Полутом 2. / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2005.

302

Кирчак А.П. Специфика конструкции гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при ненадлежащем отправлении правосудия // Российский судья. 2˚04. № 4.

Тебряев А.А. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. 2002. № 3.

304

Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации».

305

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.